

Илона Волынская
Кирилл Кашеев

Леди
Горничная

Илона Волынская Кирилл Кащеев Леди Горничная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69925342

ISBN 978-5-6048459-2-9

Аннотация

Хорошо вернуться домой дипломированной магичкой: известной, богатой, при муже и детях... Но если за годы разлуки все, чего ты добилась, это должность прислуги в богатом доме, тебя ждут презрение, насмешки или снисходительная жалость. Но вернуться придется: иначе кто поднимет почти разорившееся хозяйство, восстановит магический алтарь и раскроет убийство главы рода? Леди Летиции предстоит отбиться от демонов Междумирья, вампиров и оборотней, приструнить зарвавшихся полицейских, родичей и соседей... но главное, встретиться с бывшим женихом. И кто знает, к добру или худу эта встреча? Все ложится на хрупкие женские плечи... Но леди-горничные и не на такое способны!

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	42
Глава 4	51
Глава 5	57
Глава 6	63
Глава 7	72
Глава 8	91
Глава 9	107
Глава 10	123
Глава 11	129
Глава 12	146
Глава 13	154
Глава 14	166
Глава 15	182
Конец ознакомительного фрагмента.	190

Илона Волынская

Кирилл Кащеев

Леди Горничная

Обыкновенная прислуга, а форсу, как у комиссарши.

Михаил Булгаков «Собачье сердце»

Домработница приходила раз в неделю. Причём, если в доме был бардак, то она требовала дополнительные деньги.....К её приходу я убирала дом.

Оксана Робски

Глава 1

Визит лепрекона

– Всего лишь горничная! – раздался за спиной насмешливый скрипучий голос.

Страх – самый шустрый любовник, его пальцы – везде. Ледяной лаской касаются груди, липким холодом скользят по позвоночнику, и до боли стискивают низ живота.

Хозяева дома – в отъезде.

Прислугу отпустили.

В доме никого.

У меня за спиной кто-то стоит.

Я не успею повернуться, не успею закричать, ничего не...

– Мне с твоим затылком разговаривать? – теперь в голосе слышатся брюзгливые интонации.

И вот тут я его узнала!

– Быть того не может! – пробормотала я, не оборачиваясь.

– Боишься в глаза посмотреть? Стыдно? И должно быть стыдно, чего уж там!

Я обернулась, так стремительно, что каблук подвернулся, и мешком плюхнулась в кресло.

Посреди гостиной стоял лепрекон. Очень старый лепрекон, настолько старый, что рыжие бакенбарды его стали буроржавыми, а зеленый бархат сюртука не мог скрыть скрю-

ченное тщедушное тельце, похожее на узловатый корень. Подмышкой у него был зажат самый настоящий горшок с золотом! Я невольно закрыла глаза и даже потрясла головой, в отчаянной надежде, что это все-таки видение. Дело ведь не в горшке, хотя его соплеменники давным-давно перешли на сейфы-чемоданчики, их и носить удобнее. И не в том, что особняк Трентонов в три слоя окутывали защитные заклинания, не позволяющие ни людям, ни фэйри проникнуть внутрь незваными. Главное – здесь не могло быть именно этого лепрекона! Ни в центральных провинциях империи. Ни в ее столице. И уж точно не в доме в двух шагах от Дворцовой площади!

Лепреконе тем временем водрузил горшок на низенький ханьский столик с инкрустацией – прямоком на морду извивающемуся радужному дракону. С пыхтением вскарабкался в обитое полосатым репсом кресло. И уставился на меня пронзительными маленькими глазками из-под набрякших морщинистых век.

– Врунья! И неудачница! – уже с явным удовольствием припечатал он, взирая на меня, будто я навозный жук, заползший на его золото.

– Безликие демоны Междумирья! – у меня даже разозлиться не получилось. Раньше, давно, когда я еще представляла себе подобную встречу, мне казалось, я лопну от ярости. Сейчас я испытывала только тягостное недоумение и некоторую досаду. И да, опасение тоже. – Как вы сюда попа-

ли?

– Совсем обнаглела, маленькая дрянь! С чего взяла, что можешь меня допрашивать? – старик презрительно скривил сухие губы.

– С того, что тревожный артефакт вделан в это кресло! – выразительно обнимая пальцами изогнутую ручку красного дерева, ответила я. – Стоит мне нажать... и... «Почтенный поверенный мастер О’Тул арестован в особняке барона Трентона!» – тоном мальчишки-газетчика прокричала я.

– Это который член Имперского Совета? Правда, что ли? – лепрекон нервно пощипал лохматые бакенбарды.

– А вы даже не удосужились узнать, куда вламываетесь? – с деланным сочувствием протянула я. – Теряете хватку, мастер О’Тул! Старость, старость...

– Очень мне надо вламываться! Сунул «золотой» дуре зеленой на воротах – она и открыла!

– Племянница! – скривилась я. Лепрекон поглядел на меня как на умалишенную, и я посчитала нужным пояснить: – Сторожиха, вдова Чух, троллиха-полукровка, уехала на неделю к родне в пещеры. Оставила вместо себя племянницу... полную троллиху, что по крови, что по разуму... раз поверила, что золотой от лепрекона так и останется в ее лапах!

Лепрекон оскалил в ухмылке зубы, слишком крупные и белые для его морщинистого лица.

Я невинным тоном закончила:

– Прошу прощения, мастер, и впрямь – не взлом! А мошенничество с отягчающими. И... шпионаж, полагаю? – я выразительно пошевелила пальцами над тревожным артефактом.

– Давай-давай, вызывай свою охрану! – нервно натягивая шляпу на уши, проскрипел лепреккон. – Мне тоже найдется, что им рассказать! Например, про одну юную... хех, когда-то, а сейчас уже не очень... леди, которая думала, что лучше главы рода знает, как ей жить! – он с размаху ткнул в мою сторону узловатым пальцем.

Боялся – вдруг я не пойму, о какой леди речь?

– И нет чтоб замуж выйти, как положено, хозяйство вести, детей растить, решила, что ей во что бы то ни стало надо заделаться образованной магичкой с дипломом! – голос лепреккона становился все ехидней. – И вот она взяла, да и удрала из дому, чтобы в конце концов стать... горничной! А-ха-хаха! – он снова ткнул в меня пальцем и затрясся в приступе дикого хохота, всхрюкивая от восторга, и плюясь во все стороны. – Ха-ха-ха! П-поломо-о-ойкой! Ой, не могу! А-ха-ха! Лееедиии... Была... А теперь – гооорничная! Леди-горничная! А-ха-ха... Жена твоего братца узнает... тоже хохотать будет! Оууу, вот умора! А-ха-хаха!

– Конечно, после такого чудовищного разоблачения служба имперской безопасности отпустит вас с поклонами... да что там, даже премию выдаст! – я вытащила из кармана фартука тряпку и принялась аккуратно протирать заплеванные

лепреконом ручки кресла и столик. – Ведь что такое незаконное проникновение в охраняемый особняк члена Имперского Совета по сравнению со страшными тайнами горничной! – я с силой прижала тряпку в груди и трагическим шепотом выдохнула. – Которая оказывается когда-то была – леди! Ужас-ужас, – я зажмурилась и старательно всхлипнула. – Куда катится мир!

Лепрекон подавился хохотом и мрачно уставился на меня исподлобья:

– Издеваешься, полумойка?

– Шантажирую, – я вернулась в кресло и устало откинулась на спинку – день и без того выдался суматошный, а тут еще лепреконы из давнего забытого прошлого. – Давайте так, О’Тул... Я не вызываю охрану... Пока что... А вы рассказываете, как меня нашли, – я многозначительно обхватила ручку кресла пальцами. Никакого сигнального артефакта там не было, но О’Тул об этом не знает.

– Зачем нашел – тебя не интересует? – проворчал он.

– Это вы мне в любом случае скажете.

– Подумаешь, сложность! – насупился лепрекон. – Подружка твоя франконская раз в месяц письма на адрес особняка Трентона шлет.

– Вы и до Матильды добрались? – досадливо перебила его я.

Единственная подруга, оставшаяся у меня с тех давних времен, когда я и правда была благовоспитанной юной леди

из славного южного рода!

– Еще не хватало: чтоб она тебя предупредила? – лепрек-кон оскалил зубы. – На почте выяснил.

– Тоже сунули золотой?

– Если бы... – он снова помрачнел. – Там почтарем такой лис...

– Кицунэ? – невольно заинтересовалась я.

– Да если бы! – почти жалобно протянул старый лепрек-кон. – Человечишка хитрый... Пришлось чек выписывать.

– А заблокировать не успели! Какая прелесть! – я посмотрела на перекошенную физиономию лепрекона – и теперь уже сама неприлично взывала от хохота. Жадный франконский почтарь меня подставил, но... за то, что заставил лепрекона – этого лепрекона!.. расстаться с настоящими деньгами, а не исчезающим колдовским золотом, я готова была его простить. Ну, почти готова.

– Смешшно тебе? – прошипел лепрек-кон – пропарывая зеленые перчатки, на кончиках его пальцев возникли крючья-когти. – А уж мне как смешно было! Узнаю я, значит, что у леди Трентон секретарша имеется... – он вытащил из-за обшлага сюртука затертую карточку приглашения, подписанную: «От имени и по поручению лорда Трентон с супругой, секретарь Л. Демолина». – И думаю: раз уж одна моя знакомая леди по имени Летиция, из рода де Молино, оказалась эдакой дурищей, чтоб из дому сбегать, так куда ж ей податься, чтоб с голоду не помереть? Вот разве что в секрета-

ри, бумажки перекладывать. А чтоб славное имя де Молино не позорить, хватило ума и совести пару буковок поменять – вот и вышла Л. Демолина! Я еду в столицу, на билет трачусь, письмо честь по чести отправляю, получаю ответ: леди в отъезде, но госпожа секретарь готова меня принять заради переговоров по благотворительным вопросам, – он ослабился, а я уныло вздохнула. Госпоже Демолиной следовало бы знать, что лепреконы и благотворительность – вещи несовместные. Их и заплатить трудно заставить, а уж отдать деньги за так...

– Думаю, сейчас ка-ак переговорю с одой вроде как леди... Узнаю, как она дошла до жизни такой... секретарской!

Презрения в его глазах было столько, что еще чуть-чуть, и я сама начну задумываться: секретарша, это немного хуже, чем воровка или проститутка? Или намного хуже?

– Иду, значит, как написано, к этому самому служебному входу в особняк, как вдруг! Мимо меня юбка – фыр-фыррр! Башмаки – топ-топ! – издевательски продолжал лепреконе. – Бежит: фартучек, наколочка в волосах – горничная! Прямоком к Трентоновскому особняку... и за дверь шась! Гляжу, а это она и есть! Искомая леди Летиция де Молино! – он откинулся на спинку кресла, глядя на меня с издевательским удовлетворением. И медленно, отдельно произнес: – Даже не секретарша, а... прислуга! Поломойка. Горничная.

– Секретаря леди Трентон зовут Лукреция, – стискивая в кулаке край фартука процедила я. Безликие демоны Между-мирья, а память у старого пакостника до сих пор отменная,

если он сумел меня узнать, не видев целых пятнадцать лет!

– Ты, конечно, изменилась... обвисла... – его взгляд нахально уперся мне в грудь, обтянутую форменным платьем горничной. – Полы на коленках драить да уголь из подвала таскать никого не красит.

За прошедшие пятнадцать лет я успела забыть, что говорить гадости для этого лепрекона все равно, что дышать: если рот закроет, задохнется и падет замертво!

– Даже бумажки разбирать не сгодились? – злорадно продолжал он. – Писала ты всегда как виверна лапой... Только и осталось, что грязь за хозяевами подтирать.

– Только не говорите, что вас это... расстроило.

– С чего б меня расстроило, если я, как всегда, оказался прав? – всплеснул руками лепрекон. – Я еще отцу твоему говорил, что ты никчемное создание.

– Отцу вы говорили, что я «талантливая дочь гения». Это когда он умер, а брат вступил в наследство, я стала никчемным созданием, – напомнила я.

– Не хотел расстраивать клиента на смертном одре, – ощерился О’Тул. – Таланта в тебе ни на грош, только и название, что магичка.

– Я – маг иллюзий, – буркнула я.

Даже до войны магия иллюзий, в отличие от стихийной или природной, считалась так... дамским рукоделием. А уж когда началась война и алеманцы стали применять мобильные артефакты, позволяющие видеть иллюзии насквозь – ни

во вражеский штаб под чужим обликом проникнуть, ни иллюзию подкрепления создать – наших и вовсе за магов считать перестали. На второй год войны иллюзоров в армию брали только наравне с обычными людьми. После войны ничего не изменилось: кто станет украшать парадный зал иллюзиями, если гостям достаточно глянуть сквозь артефакт... и они увидят голые стены и трещины в потолке.

Впрочем, для меня это не имело значения. Даже в спокойные времена от дара нет прока, если ты – слабосилок. О, я была отличной студенткой – нужно же как-то выкручиваться, чтоб не позорить род? Преподаватель по начертательной магометрии смотрел на меня полными слез глазами: от восхищения и... жалости одновременно, когда моя ничтожная капля силы, закачанная в просчитанную мной же пентаграмму, выдавала иллюзию, способную продержаться аж двадцать минут! Для сравнения, у Матильды пентаграмма с шестью ошибками (она не только зубцы умудрялась перепутать, но и в центр неправильный символ вписать!) держала иллюзию час. На одной сырой силе.

– Ты не маг. Ты – горничная, – сладко-ядовито напомнил лепрекон, на что я только вздохнула, отгоняя непрошенные воспоминания.

– Ладно... – при крохотном росте он умудрился поглядеть на меня сверху вниз. Спрыгнул с кресла, звучно звякнув золотом в горшке, и скомандовал: – Собирайся! Глава рода де Молино, так и быть, согласен с тобой встретиться... го-ор-

ничная, – важно объявил он и величественно направился к двери. Скошенный на меня на глаз – еще чуть-чуть и на затылок переползет! немножко мешал торжественному уходу, но в целом лепрекон справлялся. Если бы я последовала за ним – совсем бы хорошо получилось, но увы, я осталась сидеть.

– Ну что расселась! – взвизгнул лепрекон, едва не перелетев через прячущийся под пушистым ковром порожек. – Брат приказывает тебе явиться!

Я только вздернула брови: он думает, я умерла и стала призраком? Вот они, да, являются.

– Ну ладно, ладно! – лепрекон повернул обратно к креслу. – Твой старший брат... хочет тебя видеть, – и скривился – даже такая вот вежливость явно отдавала горечью на языке.

– Не интересно, – хмыкнула я. Не то чтобы вот совсем-совсем... но не настолько, чтоб прилагать хоть малейшие усилия.

– Он глава рода, – лепрекон наклонил голову как бык – маленький, но бодливый – и сверкнул на меня из-под полей шляпы багровыми от ярости глазищами. – Он может заставить.

– Что ж не заставил?

– А вот не понятно, почему! – со злостью выпалил лепрекон и тут же гулко сглотнул, будто подавившись. – То есть это... из вежливости...

– К горничной? – старательно удивилась я.

– Так он же не знает...

– Вот-вот... Глава рода спокойно живет, ничего не зная о судьбе единственной женщины рода. Любопытно, а с родовым алтарем у нас все в порядке? В силе моему дорогому братцу не отказывает?

И по побагровевшей физиономии лепрекона поняла, что угадала верно!

– Ясно... – я оправила фартук и снова вооружилась тряпкой. – Пойду я, еще дел много. Неприятно было встретиться, мастер О’Тул, надеюсь, больше не увидимся.

– Потом полы домоешь! – лепреконт топнул ногой. – Ты... ему нужна.

– Пятнадцать лет он без меня обходился... и дальше справится.

– Он умирает, наглая ты, бесстыдная и безжалостная девка! – яростно выплюнул лепреконт.

– Врете! – я невольно отпрянула. Его слова были неприятно созвучны моим мыслям. Я не видела брата так давно, что и вспоминала его как... умершего. Умом я понимала, что Тристан жив-здоров, но чувства... Чувства говорили, что мой старший брат, научивший меня ловить рыбу и разжигать костер, азартно пересказывающий книги про путешественников со своими добавлениями, и прокрадывавшийся в комнату с половинкой торта, когда меня в наказание лишали сладкого, умер вместе с родителями. А в поместье живет чужой человек, владетельный лорд де Молино. И вот сейчас

мысль о том, что он умирает не только в моей памяти, но и на самом деле, стиснула сердце неожиданно больно. – Врете! – повторила я.

– Перед смертью-то! – он скорбно опустил уголки губ и попытался даже вытереть рукавом сухие глаза.

– Не вашей же! – фыркнула я. Сомнения у меня оставались... но скажем так, в обе стороны: может – врет, может – нет. – Супруга его знает, что Тристан послал за мной?

– Супруга у лорда – истинная южная леди, понимающая, кто в семье главный! – наставительно выдал лепрекон и пробурчал. – Знает, а как же... При ней меня отправляли...

Значит, даже если она и была против, ее мнение не приняли в расчет.

Я рассеяно уставилась вниз, на запруженную народом улицу.

Даже сквозь закрытое окно до меня доносились цокот копыт, гудки мобилей и пронзительные вопли мальчишки-газетчика:

«Магистр гильдии магов-дорожников убит в собственном особняке! Глава имперских гончих заявляет: это чудовищное преступление будет раскрыто в самый короткий срок! Убийцы не уйдут от наказания! Биржа волнуется: как повлияет трагедия на стоимость перевозок в Междумирье!»

Лавируя между прохожими, мальчишка понесся дальше. Люди, не-люди, снова люди, другие разумные... Джентльмены в цилиндрах и котелках, женщины в капорах, бойкие

уличные мальчишки... У парадного входа в особняк вампир в глухом плаще флиртовал с хорошенькой разносчицей. Не иначе как поменяться хочет: он ей ужин в дорогой ресторации, и она ему тоже... ужин. Как же не хочется уезжать – от такой привычной, понятной, такой... моей, моей собственной жизни! Что бы там кто о ней не думал...

– Я... приеду... – с трудом пропихивая слова сквозь схваченное спазмом горло, наконец, процедила я. – Раз так...

– Вот и отлично! Южный экспресс отходит поутру. Надеюсь, сама доберешься, а то у меня еще в столице дела... поважнее, чем горничных в поместье доставлять. – лепрекон мгновенно вернулся к прежней издевательской манере.

– Я помню, где находится имение моих предков, – холодно обронила я, – а вы забыли про деньги на билет.

Лепрекон замер с поднятой над порогом ногой. Вздыхнул так душераздирающе, что у человека неподготовленного непременно должно было дрогнуть сердце... и вытащил из-за пазухи кошелек со знакомым гербом – ведь это и мой герб тоже, хотя я давно уже об этом не вспоминала.

– До чего же некоторые до чужих денег жадные! – буркнул он, с досадой швыряя кошелек на стол. – На! Тут и на первый класс хватит! А не станешь шикавать, так платишко приличное прикупишь... Хотя что-то как у леди будет: или место в экспрессе Междумирья, или одежда! – ухмыльнулся он. – Так что домывай полы и собирайся, только ложечки хозяйские, смотри, не прихвати! Мало милорду от тебя позору

– не доставало, чтоб за тобой в поместье полиция явилась, – и зло топая, направился прочь.

Я еще немного постояла, прислушиваясь. В соседней комнате тихонько рыкнули... дальше был заполошный вопль и стремительный топот ног. Туманная Гончая, приглядывавшая за О’Тулом от самого входа, все-таки решила показаться.

Я взвесила кошелек на руке. Я и впрямь еду? После всего, что было сделано и сказано, снова увидеть брата? И если бы только его! Там же еще «истинная южная леди-супруга», и соседи, которые – в хрустальный шар не гляди!.. – к моему приезду будут знать, как непокорной де Молино не повезло в жизни. Взгляды: злорадные, презрительные, издевательские... Деланное сочувствие, скрывающее все то же злорадство... Советы! А также сплетни и слухи.

Я не хочу туда ехать!

Но... Так много разных «но»! И слова О’Тула, что брат умирает, пусть и сомнительные...

– Я же уже сказала, что поеду! Ну и чего тянуть? – фыркнула я... и пошла собираться.

Глава 2

На вокзале Междумирья

Подобрав полы плаща, я прыгала по полуразобранной мостовой. Во время войны до столицы алеманцы не дошли, но бомбардировка заклятиями и драконо-налеты прекратились только в самый последний, третий год войны, когда уже мы вломились на их территорию. А до этого по улицам прошли и шквалы огня, и наводнения, и торнадо, и просто здания проваливались под землю. Защита не справлялась, даже императорская резиденция лишилась левого крыла, а загородные дворцы превратились в груды обгорелых развалин. Первый год после войны пытались просто разгрести руины... а потом столицу охватил настоящий строительный бум. Все послевоенное десятилетие столица строилась: роскошные особняки, деловые конторы, недорогое жилье на окраинах. Тянули рельсы электрических конок, расширяли улицы... словно жители задались целью доказать, что война – это ничего, что после войны даже лучше стало.

Придерживая шляпку, я запрокинула голову, и пересчитала этажи строящейся башни. Четырнадцать, сегодня их уже четырнадцать, а будет целых двадцать четыре! От одной мысли о такой высоте перехватывает дух!

– Па-аберегись, красавица! – у меня над головой пролете-

ла плотно увязанная укладка кирпичей. Рывками, будто на невидимом столбе, принялась подниматься на самый верх стены. Высунувшиеся из оконного проема рабочие втянули ее внутрь, а снизу уже поднималась следующая. Я с улыбкой поглядела на щит строительной компании – летающую башню рода да Коста.

Война вернула алтарной аристократии потерянные позиции, а расцветшая после войны промышленность сделала положение древних родов и вовсе непоколебимым. Оказалось, что привыкшие гвоздить врагов молниями герцоги Стормворд и электричество поставляют самое дешевое, хищных боевых пауков маркизов Верасуа можно научить ткать, лорды Стилвуд умеют не только корезить, но и прокладывать рельсы, а морские леди Сэйлор в каких-то три года превратили свой боевой флот в торговый. Да и вообще самая дешевая энергия для фабрик и заводов – от родовых алтарей аристократических фамилий. Для некоторых господ это оказалось изрядным сюрпризом – десять лет прошло, до сих пор еще потягивают, что не след лордам заниматься делами столь низменными. В основном, обычные промышленники, неспособные тягаться с новыми фабриками аристократов, возмущаются, ну и те из алтарных лордов, кто не смог найти себе место в новом, послевоенном мире. Слабые иллюзоры вроде меня, например.

Я остановилась, пропуская галдящую детвору. Детишки лет двенадцати-тринадцати парами шагали в сторону пави-

льонов техно-магической выставки. Впереди маршировала почтенная дама, вооруженная приметным флажком с символом алтаря. Не иначе как младшие классы Магакадемии на экскурсию ведут. И кажется мне, это не столичная Магакадемия, а Южная! Детишки были темноволосые, золотисто-смуглые, а уж одеты! Для сдержанной столичной моды привычны пастельные, нежно-розовые, песочные тона, на худой конец – благородная синева или блеклая зелень северной весны. Тут же цепляли взгляд теплые черные накидки... расшитые алыми, вишневыми, оранжевыми узорами у девочек, и серебром у мальчишек. И неистовое буйство пестрых лент в темных девчоночьих косах. Среди этой яркой, весело стрекочущей, подпрыгивающей и любопытно озирающейся толпы будущих южных магов странно выделялась самая последняя пара. Они шли чуть отставая, будто боясь приблизиться к своим веселым одноклассникам: две очень похожие друг на дружку девочки в накидках без единой цветной ленточки, и одинаковых, наглухо закрытых серых платьях. Не того жемчужно-серого элегантного оттенка, что начал входить в моду среди леди средних лет, а скучного, мышинового – такие и фабричная работница носить откажется, благо, вполне может позволить себе одежду поинтереснее. Волосы девочек собраны в косы настолько тугие, что натягивалась кожа на лбу, и перевязаны простенькими и тоже серыми веревочками. Шли они одинаково потупившись, так что из всех красот столицы могли видеть разве что кончики собствен-

ных башмаков, слишком грубых и неудобных для предстоящей им долгой прогулки.

– Леди-наставница, леди-наставница! – оглядываясь на девочек, голоском профессиональной ябеды пропела юная леди в предпоследней паре. – Мышильды опять отстают!

Край ее накидки тут же взлетел и нахлобучился леди-ябеде на голову. И если я правильно подметила легкое движение пальцев одной из сереньких девочек – такой неожиданный и своевременный порыв ветра возник вовсе не сам собой. Впрочем, наставница тоже все заметила:

– Леди де Орво и де Орво, извольте немедленно прекратить! И ради всех богов, держитесь рядом со мной – недоставало еще вам заблудиться!

Серенькие девочки покорно заторопились, а я... Я застыла, глядя им вслед. Пестро-говорливая колонна юных экскурсантов давно скрылась из виду, а я все стояла, не в силах сдвинуться с места. Вот так, посреди столицы услышать вдруг фамилию жениха, от которого я спасалась пятнадцать лет назад, было... странно. Да и... страшновато как-то... Невольно заставляло задуматься о символах, знаках судьбы... и о том, стоит ли мне возвращаться в дом моих предков, дом моего счастливого детства, из которого когда-то мне пришлось так отчаянно бежать.

Потом я вспомнила сколько стоит билет на Межмировой экспресс... хмыкнула... покрепче зажала подмышкой дорожный саквояж и снова заскакала по островкам кирпичей

между морями строительной грязи. Полы дорожного плаща так и норовили мокнуть в серо-черную жижу. Я покосилась на свое отражение в зеркальной витрине модной лавки – не хотелось бы вломиться в вагон, пусть и второго класса, всклокоченной замарашкой. Моя фигура, в плаще поверх теплого жакета, надетого на шерстяное платье, и пришлепнутая сверху шляпкой-совком, отразилась рядом с безупречно-элегантным манекеном в бальном платье с корсетом. От этого сравнения мне оставалось только вздохнуть, и еще пару мгновений поглазев на отражения – по крайности, талию платья за ночь удалось посадить на место, и плечи не топорщатся – я заторопилась дальше.

Саквояж и платья я одолжила у госпожи-секретаря Лукреции Демониной, той самой, которую язвительный лепрекон чуть было не принял за давно исчезнувшую с глаз высшего общества леди Летицию де Молино. Нет, я понимала, что «секретарские» платья не помогут, блудную дочь семейства – то есть, меня! – оценят от сбитых носков ботинок до растрепанной прически, и признают негодной. Заодно и обсудят в деталях, до какой степени я... блудная. Но ехать в обычных моих платьях было решительно невозможно, а на все переданного братцем кошелька не хватило. И без того на новое белье потратиться пришлось.

– Банг! Банг! Банг! – звучно пробили часы на площади Трех Вокзалов. Единственное место в столице, совсем не изменившееся с довоенных времен – хотя именно его алеман-

цы бомбардировали с особым остервенением. Но и защитный полог тут держали, даже когда не хватало сил на дворец: быстрая связь с провинциями для империи была гораздо важнее. Похожий на ледяной замок Северный вокзал, будто вылепленный из бурой глины Степной, и украшенный легкими белыми колоннами Южный, как и прежде, замыкали углы площади. Часовая башня возвышалась точно посередине, на равном расстоянии от каждого. Ее верхушка окуталась зловещим черным облаком, сквозь который один за другим – пшшш! пшшш! – вспыхнули призрачные языки пламени. Прошивая огонь и тьму, вокруг башни стальной лентой завертелся маленький игрушечный поезд... Загудел, выпуская султаны пара, один виток, второй, третий... сверкнул ослепительно и растаял на фоне блеклого столичного неба, точно яркий мираж, оставляя обманчиво скучную кирпичную башню с фигурным шпилем.

Вокзальная площадь словно негромко выдохнула... и накрывшую ее на краткий, волшебный миг тишину сменил обычный деловитый шум.

– Всегда подгадываю, чтоб перед отъездом на бой часов поглядеть! Езжу часто, а не надоедает! – взмахивая тростью, так что капли из лужи разлетелись во все стороны, объявил господин в дождевике. – Чувствуешь себя как ребенок! А вы?

– Я – нет, – отрезала я. Пусть сам решает, что «нет» – не езжу, не часто, не подгадываю, не ребенок...

Он решил:

– О, мисс, тогда вам повезло! «Южный экспресс» – лучший поезд Империи! С ним даже знаменитая «Звезда Франкони» не сравнится! Даже в третьем классе...

– У меня – второй, – буркнула я, подхватила подол и стремительно взбежала по ступенькам.

– Ваши документы, сударыня! – у дверей вокзала неожиданно обнаружился полицейский пост.

– С чего бы такие строгости? – удивилась я, одновременно пытаясь перехватить саквояж так, чтоб добраться до внутреннего кармашка с документами и не вывалить его содержимое на ступеньки. – Раньше не было...

– Приказ, сударыня! – явно не собираясь вдаваться в объяснения, строго отчеканил полицейский.

– Это потому что магистра дорожников убили! И ограбили! – все тот же назойливый господин в дождевике оказался у меня за спиной. – Лакей сговорился с горничной...

– Не лакей, а шофер, и не спорьте, молодой человек, я лучше знаю! – властно перебила его пристроившаяся в нашу очередь старуха с потертым кофром. – Эти новомодные автомобили никого до добра не доведут!

И они заспорили – уже не об убийстве, а о преимуществах лошадей и мобилей, пока я, наконец, вытащив из кармашка документы, не сунула их полицейскому. Тот изучал их мучительно долго, то и дело подозрительно поглядывая на меня: видно, даже под секретарским платьем чуял горничную

– а насчет участия в убийстве недавно нанятой магистром, а нынче бесследно исчезнувшей горничной сходились все слухи.

Наконец полицейский тяжело вздохнул, и под ворчание старухи, требующей поторапливаться, переключился на господина в дождевике. А я, наконец, шагнула внутрь украшенного традиционными южными мозаиками вокзального зала.

Возьми я третий класс, могла бы к белью прикупить пару-тройку носовых платков, а если поторговаться – то и кокетливый шарфик. Но ехать третьим классом... Не то чтобы меня так уж смущала поездка в переполненном вагоне с саквояжем на коленях – и не в таких условиях путешествовать приходилось! Беда, что защита на этих вагонах хуже, чем на первом и втором классе, а даже моего мизерного дара достаточно, чтоб привлечь внимание безликих демонов Междумирья. Ехать несколько часов, зная, что вагон гроздьями облепили иные, не подвластные людскому разумению сущности... Ползают, ищут хоть щелочку, хоть пятнышко ржавчины, чтобы прижаться, надавить, просочиться внутрь, туда, где чуют людское дыхание и ток живой крови в жилах... И течет, течет от них потусторонний холод, медленно вытесняя из вагона людское тепло, расползается по потолку уродливой изморозью цвета замерзших соплей, а потом начинает капать на пол и расплываться лужами, почему-то багрово-красными. Лужи эти шевелятся и тянут ложноножки к ботинкам медленно звереющих от страха пассажиров... Заверения ва-

гонного стюарда, что лужи и изморозь – всего лишь безвредные оптические эффекты, не действуют. А вот вокруг кого эти самые эффекты расползаются, пассажиры замечают с достойной имперских гончих наблюдательностью. А дальше в лучшем случае в тамбур выкинут, в худшем... Довоенная история о том, как «Стрела Миров» пришла в пункт назначения с залитыми настоящей, не иллюзорной кровью стенами, и разорванными в клочья телами двух магов (и еще десятка случайных жертв), до сих пор служит пугалом для всей гильдии дорожного транспорта. А потому для магов на второй класс – хоть и небольшие, а скидки!

Цокая каблучками по мозаичному полу, я гордо проследовала мимо переполненного зала для пассажиров третьего класса: там на длинных широких скамьях народ сидел тесно, плечом к плечу, как воробьи на проводах. Дежурный у зала ожидания второго класса не только проверил мой билет, но и окинул испытывающим взглядом меня саму. Отметил добротную шерсть плаща, кожаный саквояж с заклепками, улыбнулся и приложив ладонь к фуражке, распахнул дверь. Все же не зря я госпожу Лукрецию ее вещей лишила!

Из зала ожидания первого класса тянуло вкусными запахами, слышался гул разговоров и стук столового серебра. Но и здесь, во втором, было неплохо. Лучше, чем когда я была на этом вокзале в прошлый раз. Пятнадцать лет назад. Улыбчивая буфетчица налила мне в фарфоровую чашечку кофе, и я устроилась за тем же самым столиком, что и тогда.

Тогда при мне тоже был саквояж с бельем и парой платьев, правда, стоили они не в пример дороже, а лет мне было не в пример меньше – восемнадцать. От окончания Академии и магистерского диплома, с которым никто, даже глава рода, не мог ни к чему меня принудить, меня отделяли два года. И десять тысяч золотых, которые мой старший брат Тристан, ставший после смерти отца главой рода де Молино, ни за что не желал платить. Тогда я также пила входящий в стоимость билета кофе: отходила от отчаянного ночного рывка. В окно комнаты, через сад, через забор... если бы не наскоро наброшенная иллюзия, меня, застрявшую верхом на ограде, наверняка поймал бы сторож. Потом был долгий пеший путь через лес, лошадь, сведенная из табуна соседей, и бешенная ночная скачка до столицы герцогства. И наконец прыжок в вагон за пару секунд до отправления – я едва не стоптала беднягу кондуктора. Потом я поняла: спасло меня только то, что я сразу кинулась в бег. Понадейся я на утренний разговор с братом, поверь, что смогу его убедить – ведь это же мой брат, не может он желать мне зла! – и никуда бы я уже не сбежала. А теперь сама еду туда, где несмотря на новые имперские законы, женщин по-прежнему воспринимают как существ слабых и неразумных, а потому подлежащих опеке: снисходительной и... безапелляционной.

Такое вот типично-южное семейство расположилось напротив меня в креслах: смуглый горбоносый муж, косящийся на супругу с усталым снисхождением, а на остальных дам,

включая меня, с томной поволокой в «очах страсти огневой». Наследник лет трех, похожий на папашу как модель фрегата из кабинета лорда Трентона – на сам фрегат. Даже глазки дамам строить уже пытался! И... пять черноколых дочерей! Старшая, лет восемнадцати, до смешного преисполненная чувства собственной важности и взрослости, и дальше по убывающей: от пятнадцатилетней барышни до шестилетней шустрой малышки. Судя по роскошному буклету техно-магической выставки в руках старшей – приобщались к столичной культуре. А по количеству составленных в пирамиду баулов – делали это, в основном, на Портняжей улице.

Я перевела взгляд на компанию офицеров, в основном – беловолосых сухопарых северян, хотя был там и плосколицый улыбчивый степняк, даже на стуле сидящий будто в седле, и дама в форме полкового целителя. Потом престарелая пара – эти явно бегут из промозглой слякоти столицы в приморское тепло. Попутчиков немного. Если повезет, буду одна в купе!

– Сударыня! – раздавшийся у меня за спиной голос, в котором почти приторная любезность мешалась с искренним возмущением. – Ну куда же вы сбежали! Мы же с вами наверняка попутчики – я тоже еду вторым классом. Мог бы, конечно, и первым, средства позволяют, знаете ли... но зачем тратить деньги зря? Милочка, мне чай и печенье! Угощайтесь, сударыня! – широким жестом водружая передо мной блюдо, провозгласил господин в дождевике.

Щедро – угощать даму печеньем, которое входит в цену билета. Я улыбнулась, вспоминая светские навыки – нейтрально, одними уголками губ – и поднесла чашку к губам.

– Дозвольте отрекомендоваться! Торри Торвальдсон, торговый представитель компании «Хран», защитные, охранительные, сторожевые артефакты, личные и на помещения! Направляюсь в южные герцогства.

Непохожи вы на северянина, сударь – я мазнула взглядом по кругленькому, как дынька на ножках, и темноволосому как типичный южанин господину Торвальдсону. Хотя не мне говорить...

Я еще мгновение помедлила... и наконец со вздохом представилась:

– Летиция де Молино, – ужасно хотелось добавить – «горничная» – и поглядеть, как он станет реагировать.

– Приятно, госпожа Летиция!

– Леди Летиция, – поправила я. Раз уж я еду... домой, скрываться не имеет смысла.

– Леди? – он окинул меня скептическим взглядом. А вот это было... самое малое, неприятно. Оставалось повторять за покойной бабушкой: «Леди – это не дорогие платья, леди – это достоинство и манеры». И надеяться, что манеры и достоинство за эти годы не обесценились.

– Ну, леди так леди, – пробормотал коммивояжер, а я сделала вид, что не услышала. Благожелательность, спокойствие, отстраненность... Не могу же я его побить шваброй

за то, что он не видит во мне леди? Швабра в саквояж не влезла, такое горе... Будем считать его скептическую мину тренировкой перед визитом в поместье. Там мин... всяческих... будет предостаточно.

– Извольте следовать в родовое поместье? – осведомился он в стиле бульварных романов начала столетия. Уголки его губ подрагивали от сдержанного смеха, господину коммивояжеру казалось, что он удачно шутит.

– Еду навестить брата.

Демоны Междумирья знают, кого я там буду навещать! Если лепрекон не врал, и Тристан вправду при смерти... нет, я не стану думать об этом сейчас!

– И кто ваш брат? – продолжал посмеиваться коммивояжер.

Не знаю, как манеры и достоинство, а вот коронный бабушкин взгляд «Сударь, вы идиот?» у меня всегда выходил идеально – господин Торвальдсон подавился смешком. А учитывая, что сейчас как раз жевал рогалик – выпечкой он тоже подавился. Застыл с открытым ртом, не способный решить – глотать или выплюнуть – потянул носом воздух... и отчаянно, взახлеб закашлялся, пуча глаза, перхая горлом и колотя себя в грудь, как бабуин перед дракой.

Я прикрылась простейшим воздушным щитом от летящих от него во все стороны крошек и брызг слюны... и спокойно допила кофе.

– Лорд де Молино, полагаю, – негромко обронила я, когда

прекративший кашлять коммивояжер, постанывая, похрюкивая, и шмыгая носом, приник к своей чашке.

– Фто, простите? – невнятно переспросил он, так и замирая над чашкой – только красные слезящиеся глаза моргают над золотым ободком.

– Вы интересовались, кто мой брат? – я снова приподняла уголки губ, изображая ту самую светскую улыбку, которая даже в блаженных мечтаниях не позволит собеседнику заподозрить, что я ему рада. – Лорд де Молино. И да, я вас прощаю, – с благожелательной снисходительностью к дурным манерам низших классов кивнула я и принялась натягивать перчатки.

Через зал ожидания уже мчался кондуктор:

– Леди и лорды, дамы и господа, сейчас будут подавать поезд, прошу всех проследовать на перрон! – он скрылся за дверями салона первого класса.

– Вещи! – южное семейство ринулось к своим баулам, а я подхватила саквояж, торопясь выбраться на перрон раньше, чем их багаж перекроет двери.

Стеклянный купол закрывал перрон от всего – ветра, дождя... человеческого мира. Там, за стеклом, на площади роскошный мобиль подкатил к вокзальным ступенькам, из него торопливо начали выгружаться опаздывающие пассажиры – господин в сером, его разряженная жена в шляпке с птичками, и тоненькая, как веточка, девушка, в дорожном костюме по последней франконской моде. Сквозь облачную

хмарь выглянуло солнце.

А здесь, под куполом из сверхпрочного стекла, пространство начал заполнять зябкий сумрак. На другом конце коротких – ровно в длину перрона – рельсов медленно разгоралось пятно сплошной черноты.

Мертвенный холод пробрал до костей, скользнул под юбки и заставил судорожно поджаться пальцы в ботинках. Пятно становилось все больше, расползаясь лаково-антрацитовыми щупальцами – сейчас оно походило на мерно шевелящуюся морскую звезду. Вкрадчиво и беззвучно щупальца касались стеклянных стен, гладили струны рельс, и под куполом медленно нарастал тонкий, едва слышный шепот... Длинные, протяжные вздохи – ахххха, ахххххаааа! Потом все чаще и отчетливей – ах-ха-ха-ах-ха! И вот ты уже с невольным вниманием вслушиваешься в чью-то стремительную, захлебывающуюся речь, чувствуя, что еще немножко – и поймешь нечто очень-очень важное и нужное, что перевернет жизнь, наделит ее целью и смыслом, таким прекрасным и глубоким, надо только подойти чуть-чуть поближе, еще ближе, еще...

– Данг-данг-данг! – руку обожгло болью, заполошный грохот колокола ворвался в уши, и я судорожно вздрогнула, изо всех сил стискивая медленно остывающую ручку саквояжа.

Вот ведь безликие демоны, чуть не поддалась! Я прикусила губу от злости. Не утешало, что все пассажиры на перроне, даже господа военные, выглядят как разбуженные от дурно-

го сна. Голос Междумирья обыкновенному человеку выдержать невозможно, его даже маги не выдерживают – никто, кроме дорожников, которые и водят сквозь него поезда. Но это не утешало. Омерзительно знать, что если бы не меры безопасности, я бы сейчас брела в антрацитовую мглу, представляя ноги, как механическая кукла.

– Апшшш! – появление поезда я как всегда проморгала.

Вот только что на рельсах ничего, вот я моргнула... и он проступает из пустоты, будто неторопливо сгущающееся облако. В цельнометаллические вагоны третьего класса, похожие на полукруглые тубусы, начали втягиваться пассажиры, в основном, мужчины-южане. Деньги домой везут. Маленьких ферм на юге все меньше, на больших плантациях платят гроши, а потому в столице все чаще слышен певучий южный говор, и все больше становится чернявых и смуглых работников – пока что по большей части на строительных площадках рода да Коста. Те сами выходцы из южных герцогств, вот и берут своих.

Вагон второго класса оказался всего один – и в отличии от третьего, в нем были окна! Сделанные из того же непроницаемого стекла, что и купол вокзала, они составляли половину цены билета. В черном тоннеле, скрывающимся за мерно колышущимся пятном, это стекло надежнее любой стали. Но дорогое, да, поэтому целиком из него делают только вагон первого класса – из металла там одни лишь золоченые поручни на дверях. Но мне, увы, не туда.

Я еще успела заметить, как запоздавшее семейство выбежало на перрон и устремилось как раз к вагону первого класса, когда кондуктор разложил передо мной лесенку. Подобрав юбку, я заторопилась по длинному коридору в самый конец вагона, к последнему отделению.

За спиной перешучивались офицеры, решая кто с кем садится, пищали детишки, и хлопотливо квохтала мамаша шумного южного семейства. Я сунула саквояж в багажную сетку и устроилась на обитом потертой цветной тканью диванчике. И загадала – если никто так и не подсядет в мое купе, то и в поместье все пройдет... хорошо. Не знаю точно, как именно, но хорошо. Для меня.

За стеклом раздвижной двери возникла сухопарая фигура в черном, и тараном выставив перед собой ковровый кофр с раздутыми боками, внутрь ввалилась старая дама.

– Я видела вас у входа в вокзал! – отрывисто объявила она. Судя по тону, теперь я ей на всю жизнь должна. – Полицейский проверял ваши документы! – меня явно подозревали не только в убийстве магистра дорожников, но и во всех преступлениях со дня основания империи. – Вы одна? Прекрасно – сяду тут! – и пробуравила меня столь недоверчивым взглядом, что даже мне самой стало ясно – оставь меня и дальше одну – я обязательно что-нибудь натворю.

Старуха завернула свой тарано-кофр по широкой дуге, и обрушила его в багажную сетку.

Я отпрянула, спасаясь от столкновения с медными угол-

ками, и смиренно вздохнула. Не пройдет, не хорошо, не для меня. Что поделаешь...

– Вы одна? – плюхаясь на сидение, уже другим – осуждающим – тоном, повторила старуха. – В мое время порядочная дама не путешествовала в одиночку, а хотя бы брала с собой компаньонку.

– Я сама – компаньонка, – усмехнулась я. Был в моей жизни и такой период: скучноватый, но довольно приятный, если, конечно, не переживать о капризах хозяйки. – Не могу же я взять с собой даму?

Дверь распахнулась еще раз и внутрь ввалился улыбающийся господин Торвальдсон:

– А говорили, что леди! Или вы как это... леди при леди¹? Почему-то прозвучало удивительно похабно.

Я снова смиренно вздохнула: чего-то подобного я и ожидала.

– Давайте вы будете моей компаньонкой? – подаваясь к старой даме, заговорщицки прошептала я.

Она покосилась на господина Торвальдсона – в бесцветных глазах на миг ярко блеснула смешинка – и отчеканила:

– И не подумаю! Сами извольте разбираться со своими... мужчинами! – вытащила из потертого ридикюля газету, и с гневным шелестом заслонила листом.

– Вы, может, думаете, сударыня, что я навязываюсь... –

¹ Леди для леди называли личных камеристок, точно также как камердинеров – джентльменами для джентльменов.

господин Торвальдсон неожиданно смутился. – А я вовсе даже и не в том смысле... Просто ежели ваш братец и взаправду лорд, так поместье у него наверняка ого какое! И как же в таком поместье без охранных систем? Я вот и образцы показать могу! – он словно щит выставил перед собой обклеенный яркими надписями саквояж.

Старуха вынырнула из-за газетного листа, посмотрела на меня, на него, громко хмыкнула и спряталась снова.

– Лорды и леди, дамы и господа, «Южный экспресс» – самый скоростной поезд Независимой Международной Дорожно-Транспортной Магической Гильдии! – сквозь стекло приглушенно доносилось лопотание громкоговорителя на вокзале. – Благодаря усилиям наших замечательных инженеров и магов-дорожников этот поезд связывает между собой имперскую столицу и Мадронгу, центральный город южного имперского протектората...

– А говорят, южане терпеть не могут, когда их герцогства протекторатом называют! – фыркнул коммивояжер.

– Могут. Но не терпят, – не отрываясь от газеты, кивнула старуха. – Так что и в физиономию получить можно.

– А ежели не называть, так они протекторатом быть перестанут, что ли?

– Не перестанут, – согласилась старуха и тоном ласковой гадюки добавила. – Вот как вы, сударь, к примеру, толстый, и останетесь таковым, хоть называй, хоть нет.

– И нисколько не стыжусь, сударыня! Люблю вкусно по-

кушать – а это всего лишь свидетельство, что любовь взаимна! – и коммивояжер водрузил саквояж на столик, чтоб обеими руками выразительно похлопать по торчащему из-под нижней пуговицы жилета пузичку.

Пряником на старухин ридикуль водрузил. Внутри ридикуля что-то звучно хрустнуло.

Старуха издала хриплый вопль – и швырнула в коммивояжера скомканной газетой.

– Простите... – шарахаясь от комка бумаги, пробормотал тот. – Я... возьму.

Похоже, единственное возмещение, которое устроило бы старую даму – это кровь обидчика! Глаза ее метали молнии.

– Две минуты до отправления! – появившийся на пороге вагонный стюард улыбнулся любезно, но непреклонно. – Прошу всех занять места и пристегнуться! – и не сводил глаз, пока мучительно краснеющий господин Торвальдсон и гневно фырчащая старуха защелкивали привязные ремни. Еще и подергал каждый, прежде чем крикнуть в коридор:

– Готово!

Поезд едва заметно дрогнул.

Стало пронзительно, до ломоты в костях холодно... тонкое черное щупальце Междумирья шевельнулось у самых колес, вкрадчивыми движениями лаская цветные плитки перрона.

Торопливо и резко зазвенел колокол.

– Поддай чары! – проорали от «головы» поезда.

– Пш-шшш-ш! – из-под вагона вырвалась струя пара и взмыла над щупальцем, точно белая птица над черной змеей. Поезд тронулся – мимо плавно поплыло здание Южного вокзала.

Господин Торвальдсон смахнул со лба крупные капли пота и дрогнувшим голосом выдавил:

– С-сударыня... если вам страшно, вы не стесняйтесь, возьмите меня за руку!

Я в ответ покачала головой, он кинул на меня взгляд подстреленной лани и обеими руками вцепился в ремень.

Глава 3

Поезд во мгле

Поезд начал ускоряться. Перрон уплывал все быстрее, быстрее... мимо промелькнула сигнальная будка с колоколом – на лице провожающего поезд вокзального служащего играли тени Междумирья, превращая обычного губастого толстяка в похожего на шар монстра, покрытого багровыми бородавками. А может, он таким и был? Вот никогда я не доверяла дорожникам! Как доверять гильдии, не подчиняющейся ни одному государству? Независимые они, видите ли! В любой момент что захотят, то и сотворят, и никто им не указ, ни Империя, ни Франкония, ни Султанат...

Словно подслушав мои мысли маг-дорожник на паровозе потянул рычаг... и поезд прыгнул вперед. Видеть я не могла, но чувствовала, как там, впереди, провал в Междумирье раскрылся черной пастью и... ам! Свистящий, окутанный паром, сияющий огнями поезд стрелой вонзился в кипящую мглу, прошел ее насквозь и канул внутри клубящегося черными протуберанцами портала. Темное пятно мгновенно стянулось в точку непроницаемой мглы, а потом исчезла и она, оставив за собой лишь запорошенные липкой черной пылью рельсы.

Темнота рухнула на поезд. Она была совершенной, непро-

нищаемой, будто сверху, как на птичью клетку, накинули плотное одеяло. Тут же превратившееся в каменную плиту – меня вдавило в кресло, кажется, я слышала, как потрескивает деревянный каркас... я надеялась, что это был каркас, а не мои ребра. Воздух по капле выдавливалось из груди, перед глазами заплясали серебряные искры. Они разрастались, сплетаясь в узор, одновременно прекрасный и... отвратительный до тошноты. Я на миг даже порадовалась, что стошнить меня не может – навалившаяся на грудь и плечи тяжесть ничего бы не выпустила наружу. Узоры побежали по темноте, точно оплетая невидимые колонны, взбираясь на прячущийся во мраке высокий, как храмовый купол, потолок... И вспыхнули ослепительно, как взмывающее над горизонтом солнце! Безжалостный свет прожег глаза, и в тот же миг мое тело утратило вес и резко рванулось взлететь. Только затянутый на поясе ремень удержал в кресле, впившись краем стальной пряжки в живот, и все вернулось вместе с болью: зрение, слух, осязание...

Особенно в попе, когда вернувшийся вес швырнул меня обратно в кресло, продавив обивку до самых пружин внутри!

– Вот так и начинаешь завидовать толстякам! – хрипло прокаркала старуха и с лязгом отстегнула пряжку ремня.

Под крышей вагона, едва разгоня полумрак, начали разгорались слабые огоньки.

– Уже всё? Да? Всё?

– Всё будет как приедем, а до того что угодно может слу-

читься! – с мрачным удовольствием парировала старуха.

И немедленно случилось: громкоговоритель над головой господина Торвальдсона пискнул как летучая мышь, а потом и загудел:

– Леди и лорды, дамы и господа, наш экспресс проходит сквозь Междумирье! Убедительно просим без необходимости не вставать со своих мест, а в случае приближения к внешнему стеклу местных обитателей – не встречаться с ними взглядами. Это может быть опасно для вашего физического и душевного здоровья!

– Безликие демоны Междумирья! – то ли согласилась, то ли просто ругнулась старуха.

– Да тут и без них разрыв сердца получишь – от одних объявлений! – господин Торвальдсон прижал ладонь к груди, почему-то с правой стороны. – У вас, сударыни, капелек каких не найдется?

Старуха в ответ лишь непримиримо фыркнула:

– Было, как не быть! Их-то вы своим чемоданищем и раздавили! – она ткнула пальцем в так и торчащий на столике саквояж коммивояжера. – Может, уберете наконец?

– Тысяча извинений! Поверьте, чистая случайность... – господин Торвальдсон забарахтался, пытаясь дотянуться не вставая, навалился мне на колени, за что немедленно получил локтем в бок, воззрился на меня обиженно – я в ответ мило улыбнулась. И наконец рискнул привстать, схватил саквояж, и снова забился в кресло, прикрываясь им как щи-

том.

За окном трепетала бездна. Чернота, темная настолько, что зрение постоянно плыло, словно за окном и вовсе ничего нет, то растворялась, то вдруг возникала опять, густая и плотная, так что казалось, ее можно потрогать. Заглядывала внутрь, настороженная, как хищный зверь. Время от времени мрак прорезала россыпь огней, ярких и красивых настолько, что захватывало дух, но они тут же гасли, будто тьма торопливо и жадно заглатывала их. И через мгновение вспыхивали снова.

– Пассажиры первого и второго класса имеют уникальную возможность насладиться игрой блуждающих огней... – перекрикивая заполнивший вагон звенящий гул, продолжал хрипеть вагонный громкоговоритель.

– В первом классе, говорят, вид и вовсе потрясающий, – господин Торвальдсон повысил голос, чтоб его было слышно сквозь назойливый гул Междумирья. – Там же сплошное стекло – и сверху огни, и снизу, и по бокам, а если безликие налетят, так вокруг прям и вьются! Ну и стоит же этот аттракцион!

– В мое время демоны были демонами! – громко фыркнула старуха. – А нынче все-то им аттракцион: на демонов пялиться... ридикюли чужие давить!

Она придиричиво поскребла ногтем трещину на лаковой коже ридикюля. Я была уверена, что трещин там хватало и раньше, до встречи с саквояжем коммивояжера, но благора-

зумно промолчала.

– А давайте я вам, сударыня, в извинение охранный артефакт на дверь подарю! Есть же у вас дверь? – вздохнул господин Торвальдсон.

– Безусловно, у меня есть дверь! Я, знаете ли, не нищенка бездомная, мне от покойного супруга достался очень даже милый домик в пригороде! – старуха мгновенно ошетибилась, став похожей на изготовившуюся к драке ворону.

– Во-от как! – предвкушающе протянул Торвальдсон. – Позвольте любопытствовать – сами живете или сдавать изволите в сезон?

– Живу! – воинственно провозгласила старуха. – А половину – сдаю, и не только в сезон! У нас, между прочим, и зимой недурно: тихо, спокойно, людей нет, море шуршит... Для нервных дам из столицы очень даже хорошо. И недорого.

– Ну это уж вы, сударыня, хватили – недорого! Чтоб у нас на юге – да вдруг недорого? На новых курортах Султаната, там да, и впрямь цены низкими держат, чтоб приезжих завлечь, а у нас...

– А качество? Качество у них какое? – возмущенно перебила старуха. – Я вам скажу: такое же, как и цена! Еда несвежая, вино разбавляют, в гостиницах грязь, горничные – и те вороватые! А уж про пансионаты тамошние и вовсе не говорю – там попросту селиться опасно, местные хорошо если только обманут. А то ведь ограбят... или вовсе уьют!

– Во-о-от! – снова завопил Торвальдсон. – Тут я с вами полностью согласен, безопасность – это же главное, за нее и доплатить не жалко! Извольте видеть, это у нас артефакт на дом, последняя разработка компании «Хран»... – он вытащил из саквояжа тусклую блямбу дешевого охранного артефакта и с торжественным видом вручил старухе. – Который сразу покажет приезжим преимущество наших южных курортов перед Султанатскими! Ни один вор сквозь него не пройдет!

Это точно. Зачем сквозь, если отключить такой артефакт можно щелчком ногтя. В особняке Трентонов такой на заднем дворе, на дворничком сарае стоит, чтоб дворовой пес внутрь не совался.

Но старуха радостно покраснелась, принимая подарок, и торопливо, будто боясь, что коммивояжер передумает, сунула его в ридикюль.

– Ну а вы, сударыня... – коммивояжер снова переключился на меня. – В Мадронге у братца остановитесь?

– У братца. Но не в Мадронге, а под Приморском.

Мне скрывать нечего: еду в дом родной, по приглашению... Если, конечно, брат и впрямь хочет меня видеть, и все это не хитрая афера О'Тула.

– Вот это вам повезло! – всплеснул руками коммивояжер. – Хотел бы и я иметь родичей у моря! Частенько, небось, у братца бываете?

– Совсем не бываю, – покачала головой я.

– В Приморском станции нет, – пробурчала старуха.

– А вот и есть, сударыня! – оживился коммивояжер. – Просто не все о ней знают, потому как она грузовая! Иначе как бы лордам и господам на отдыхе свеженький северный лосось в ресторациях подавали? А пассажирской и впрямь нет, это вам дилижансом добираться придется. Только как же вы одна-то путешествовать будете? – господин Торвальдсон от озабоченности моей судьбой даже усами зашевелил. – Одинокую даму ведь и обидеть могут. Ежели желаете, так я с вами поеду! – он приосанился и выпятил грудь. Дальше пюзика она все равно не пошла, но господин Торвальдсон старался. – А вы меня братцу представите, наверняка ему в поместье охранные артефакты пригодятся. «Охранка» на внутренние двери также имеется, и на сад... Есть у братца вашего сад?

– У меня есть сад! – влезла старуха, но коммивояжер ее проигнорировал – дарить еще один артефакт он не собирался.

– Вот, извольте взглянуть...

Коммивояжер принялся раскладывать товар прямо на сидении. Артефакты были откровенно плохонькими. Сквозь жидкое серебрение проглядывал свинец, а брызжущие из окна цветные огни высвечивали грубо процарапанные символы. Алые, кобальтово-синие, золотые, изумрудно-зеленые, еще какие-то цвета, столь неуловимые, что человеческий глаз просто не успевал их подметить, а человеческий разум

– дать название. Откликаясь на эту вакханалию символы на артефактах начали постреливать искрами, а по стенам и потолку, то возникая, то пропадая, завели хоровод антрацитово-черные тени.

– Какая красота! – выдохнула я.

– Ну, красотой-то особой компания «Хран» не славится, – слегка смутился коммивояжер, – у нас главное – надежность! А, вы про это... – разочарованно протянул он, заметив мой устремленный за окно взгляд.

Посеребренную раму словно обсели пылающие бабочки. Разноцветные огоньки цепочкой двигались по прямоугольнику окна, кружились в танце, сцеплялись вместе, вспыхивая новым светом, и тут же рассыпались искристым фейерверком. По стеклу раз за разом прокатывались радужные волны.

– А я вот слышал, что эдакая иллюминация случается, ежели маг едет – очень Междумирские твари до их сил лакомы! – провозгласил коммивояжер, разглядывая законное свето-представление. – Не вы ли, госпожа? – он покосился на старуху.

– Была б я магичкой, разве б я во втором классе ездила? – фыркнула та в ответ.

– Армейцы же едут.

– Так-то армейцы! Мы не для того подати платим, чтоб они первым классом раскатывали.

Их голоса таяли, растворяясь едва слышным шепотом – я

неотрывно глядела в полыхающее, как небо в день тезоименитства Его Императорского Величества, окно. Окно глядело на меня.

Глава 4

Попутчики на тот свет

Сквозь то вспыхивающую, то растворяющуюся радужную пелену на меня пялился... глаз. Глаз торчал точно посредине оконного стекла, был он совершенно круглый и такой же совершенно черный, с белым штрихом зрачка. Глаз сверкнул... и в окне появился второй – в правом верхнем углу. Потом третий – в правом нижнем, потом четвертый... И скоро уже все окно пялилось на меня сплошными рядами глаз, посверкивающих и помаргивающих не в такт, так что блики от них заметались по стенам в совершенно уже безумной пляске. А потом сквозь это моргание и мельтешение к стеклу придвинулось лицо – безгубый, безносый, безглазый овал, окруженный мерно колышущимся пятном беспредельной черноты. На стекло легла такая же черная, жутко искореженная рука. В наше окно глядел безликий демон Междумирья.

Завороженно пялящуюся на демона меня схватили сзади за волосы и с размаху ударили об стекло. На миг в нем отразилось мое бледное, почти бескровное лицо, широко распахнутые глаза со зрачком во всю радужку. Демон поймал мой взгляд своей пустотой и вдруг... отпрянул!

– Пыхх! – прижатая к стеклу я с тихим хлопком... лопну-

ла, а пряди моих волос просто-напросто истаяли в руках у схватившей меня старухи.

Другая я прыгнула на старуху со спины.

А она взяла и увернулась – кувыркнулась через столик с ловкостью цирковой акробатки. А все самоуверенность проклятая – я-то думала, это будет коммивояжер, вот и встала к нему поближе!

– Иллюзорка поганая! – выдохнула старуха.

Не такая уж поганая! Слабая, конечно, но зато очень-очень умелая и опытная! Мои иллюзии быстро исчезают, но пару мгновений она ведь даже волосы мои под руками чувствовала! Главное, время рассчитать, когда оставить свой фантом и прикрывшись мороком, скользнуть в сторону.

Старуха прыгнула с места, в длинном выпаде пытаясь достать меня ножом. Мой второй фантом беззвучно лопнул, и теперь уже я-настоящая с размаху ударила ее каблуком в живот. Старуху швырнуло на столик, она хряпнулась об стекло, из груди вырвался хриплый стон...

За окном вспыхнуло неистовым мельтешением огней, окутав жилистую фигуру в черном безумным многоцветным ореолом. Вокруг встрепанных седых волос полыхнуло алое-зеленое-синее-желтое-бирюзовое марево...

Фантом! Фантом! Три меня ринулись к бабке сквозь безумствующие тени...

Настоящая я с размаху напоролась на сдвоенный удар каблуками.

Будто бык лягнул! Меня отшвырнуло к двери, в груди вспыхнула лютая боль.

– Да... д-дамы! – проблеял коммивояжер, торопливо сгребая артефакты в саквояж.

Старуха перекатилась со столика напрямиком на него, вдавливая беднягу в кресло, оттолкнулась и прыгнула...

Я поднырнула под нее, с разгона боднув Торвальдсона головой. Саквояж грюкнул, коммивояжер взвизгнул, старуха впечаталась каблуками в пол.

Плохо-плохо-плохо... В вихре черных юбок старуха поворачивалась ко мне. Из расстегнувшегося ворота платья, разбрызгивая серебряные искры, вывалился защитный артефакт.

Ой, как плохо-то!

– Эй, вы там что, вагон разбираете? – в стенку нашего отделения постучали.

– Они... – попытался пискнуть Торвальдсон.

Старуха метнула нож. Я только и успела, что отмахнуться – отбитый в сторону клинок с лязгом упал на столик... мы со старухой ринулись к нему вдвоем.

Она успела первой, схватилась за рукоять... Я навалилась ей на спину, всей грудью ощутив прочные ребра корсета под пропотевшим сукном. За шею, пальцами под ворот, схватиться за цепочку и откинуться назад, упираясь каблуками в пол и натягивая цепочку весом всего тела.

Я почувствовала, как звенья врезались в ее худое жили-

стое горло. Под кожей словно перекачилось что-то, старуха успела до предела напрячь мускулы шеи, но я тянула. На миг мы словно зависли: я, подавшись назад, и она, грудью навалившись на край столика и судорожно нашаривая нож... И вдруг она сама рванулась вперед, разрезая об цепь кожу на шее. Ее пальцы сомкнулись на рукояти, перекинули нож в обратный хват... и она ударила назад. Не выпуская цепочки, я качнулась в сторону... заточенное острие вспороло плотный рукав. Плечо словно облизало холодом, а потом коротко и резко вспыхнула боль.

– А! – цепочка в моих руках с тугим – банг! – лопнула.

Старуха рухнула грудью на столик и... с размаху мазнула выпачканным в моей крови лезвием по стеклу. И тут же прижала к нему руку с простеньким неприметным колечком.

Плохо-плохо-плохо!

Равномерный гул Междумирья превратился в пронзительный вой!

– Не беспокоиться... Пристегнуться... Обычная турбулентность... – сквозь завывания пробилось хрипкое карканье громкоговорителя.

Чтоб ты еще понимал! Там, где печатка на старухином кольце соприкоснулась с моей кровью, вспыхнуло разноцветие огней. За их прозрачными переливами мерно колыхались сгустки тьмы, и плыли в сплошном круговороте гладкие овалы лиц. Непроницаемое для демонов Междумирья стекло начало рассыпаться прозрачными крошками, вспыхиваю-

щими многоцветьем огней, как драгоценные камни. Дохнуло лютым холодом, по стенам стремительно побежали серебряные узоры, и в щель в стекле тонкой клубящейся струйкой начала сочиться тьма.

В отражении еще видно было как расширились глаза старухи, она схватилась рукой за шею и отчаянно завизжала, даже перекрывая на миг вой Междумирья.

Я подхватила ее за щиколотки – и толкнула вперед. Не переставая верещать, она скользнула грудью по столику и врезалась лицом в стекло.

– Дзанг! – его прочертила паутина трещин, они вспыхнули разноцветными огнями, и стекло разлетелось осколками. Старуха вывалилась во тьму Междумирья.

На краткий миг она зависла на фоне всепоглощающей черноты: седые космы дыбом, юбки колоколом, руки-ноги отчаянно молотят пустоту...

Сгустки тьмы, похожие на раскачивающиеся на ветру черные простыни, вскипели водоворотами и пустые лица ринулись к ней со всех сторон, закручивая старуху в кокон черноты. Если крик и был, его сожрало Междумирье.

– Бегом, бегом! – я выхватила у оцепеневшего Торвальдсона саквояж с артефактами, ухватила его самого за шиворот... заартачится – брошу сразу!

Но он только взвизгнул истошно и ринулся к двери, округлым пузиком выбив меня в коридор как ядро из пушки. Меня швырнуло на отделанную полированным деревом стену,

я едва успела развернуться и... с грохотом захлопнула раздвижную дверь перед ринувшейся сквозь окно тварью. Защелкнула замок и принялась лепить на стекло и косяк артефакты из саквояжа.

Э, нет, господа, уговаривать я не буду. Я последние несколько минут вообще сильно недолюбливаю старушек! Я метнулась к следующей двери.

– Дорогая, что хотела та девушка? – донесся из купе громкий, как обычно у глухих, голос старика.

– Говорит, какой-то прорыв! – проорала в ответ его супруга.

Я рванула следующую дверь. Даже сдвоенное купе было тесновато для южного семейства. На одном диванчике, плотно обжав пышные юбки по ногам, втиснулись четверо дочерей, на другом чуть вольготнее расположились отец семейства с женой и старшей барышней с малышом на руках.

– Что вам угодно? – высокомерно воззрился на меня отец семейства.

Мой взгляд заметался между ними. Дети. Расчет шансов. Старшая, восемнадцатилетняя: сама бежать может, ребенка донести тоже может. Но это не максимальный шанс.

Как морковку из грядки я выдернула с диванчика вторую сестру, лет пятнадцати. Ее юбка раскрылась, как зонт, заняв половину купе. Такие юбки надо запретить законом!

Сунула ошеломленной девчонке за корсаж сорванный с убийцы амулет, а в руки – младшего брата.

– Обнимай сестру за шею, крепко!

Оба достаточно мелкие, поля амулета хватит. Восемнадцатилетняя добежит сама, еще две сестры – как повезет.

– Прорыв. Бегом в тот конец вагона! – и вытолкнула обоих

в коридор.

– Малыш! Куда вы... – заверещала старшая барышня.

– Что... Амарилла, стой! – заорал папаша, но я уже выскочила наружу.

Да где эти треклятые вояки! Я подбодрила замешкавшуюся девчонку пинком и дернула дверь в следующее купе... Раскрасневшиеся, веселые, с бокалами вина на меня воззрились парочка северян в офицерских мундирах, степняк – кавалерийский ротмистр, и целительница.

– Прорыв, пьянь драная! – рывкнула я. – Или думали, у вас в ушах звенит?

Командор-северянин, как раз поднесший бокал ко рту, подавился. Радостная, от уха до уха, улыбка будто отвалилась с лица степняка. Все четверо вскочили. Целительница с размаху шарахнула кулаком в стену.

– Прорывыыв! – пронзительный, как крик птицы кумсун², вопль степняка перекрыл даже гул Междумирья.

У меня за спиной по коридору проскочила толстушка-южанка с младшей дочерью на руках, за юбку ее держалась девочка постарше.

– Анита, вернись немедленно, что за глупости! – вопил из купе папаша. Южные мужчины – во всей красе.

Я успела только шарахнуться к противоположной стене – двери купе принялись распахиваться, и оттуда, как горошины из стручка, сыпанули военные. Иногда я их обожаю

² В буквальном переводе со степного означает «заткнись, погань»

– когда они быстро соображают. Северянину хватило одного взгляда на затянутую непроницаемой тьмой дверь моего бывшего купе.

– Пшшш! Пшшш! – наклепленные артефакты сгорали один за другим.

Из оставшихся у меня за спиной купе синхронно высунулись по две головы. Из одного темноволосые и курчавые – южный папаша удерживал старшую девицу за талию, из другого седые – пожилая пара.

– Ка Хонг! Сигурд! – рявкнул командор, мимо меня метнулись двое.

Степняк-ротмистр дернул девицу к себе, перекинул через плечо и рванул в другой конец вагона. Южанка только взвизгнуть успела. Я хмыкнула – да-а, опыт поколений, он в крови!

– Что вы себе позволяя...

– Что происхо...

Два возгласа слились в один: орал выскочивший следом за похищенной девицей южанин и... ввалившийся в вагон стюард! Где ж ты был раньше?

Южанина ухватили в шесть рук разом, и забросили военным за спину. Степняк сунул девицу стюарду:

– Прорыв! Связь с дорожниками есть-нет? – и не дожидаясь ответа, приказал. – Скажи, пусть выводят поезд в ближайший портал!

– Проры... – приседая под тяжестью девицы, промямлил

стюард.

– Бегом! – рывкнул ротмистр, за стюардом только дверь вагонная хлопнула – так и выскочил с девицей на руках.

Я не спускала глаз с другой двери: с клубящейся тьмой и прижавшейся к стеклу безликой мордой в обрамлении полированного дерева и медных завитушек.

Вояки метались вдоль стен: вжик... вжик... вжик... Стекла и деревянные панели покрывались стремительной вязью символов. Клубящаяся за ближайшим окном тьма на миг отпрянула... и тут же приникла к стеклу снова, растекаясь черным половодьем. Безликие морды кружились сплошным водоворотом – мелькание, мелькание, проблески, тьма...

– Пшшш! – три артефакта осталось на запечатанной двери, через стекло и дерево поползла первая трещина.

– Пшш... – два осталось...

– Молодой человек, куда вы нас тащите! Что происходит – дайте же посмотреть! И вещи, вещи заберите!

Молоденький лейтенант-северянин не справлялся. Он волок старушеницу под руку, а она упиралась и все норовила пуститься в пререкания. Ковыляющий следом дед был красный от злости, и кажется, уже нацелился огреть лейтенанта тростью.

Я метнулась вперед, схватила вякнущую бабку за высокую кокетливую прическу и под неумолчный визг втащила в мгновенно разомкнувшийся строй военных. Дед заорал и все-таки вскинул палку...

– Пшшш! – сгорел последний артефакт.

– Падай, Сигурд! – рявкнул командор. Лейтенант рухнул на пол. Пронырнувшая меж ногами вояк целительница схватила его за руку. Я плюхнулась на живот – проклятый кринолин, как же мешает! – и вцепилась во вторую руку.

Глава 6

Битва против безликих

Дверь взорвалась. Гул Междумирья вдруг смолк, сменившись глухой, непроницаемой тишиной. Осколки стекла и металла, черные от пропитавшей их тьмы, шрапнелью хлестнули по узкому коридорчику вагона... и начисто сгорели в поднятом навстречу силовом щите. Только старик с палкой так и торчал посреди вагонного коридора. Ринувшаяся в проход безликая морда приникла к его затылку. Глаза старика широко распахнулись – а потом их залила тьма. Щупальца черноты оплели его со всех сторон, и он канул в накаты-вающую тьму – только палка торчала еще пару мгновений, а потом исчезла и она, будто утонула.

Щупальце обвернулось вокруг сапога лейтенанта.

– Дзанг! – щит раскрылся, вылетевший из-под него ступок живого пламени прокатился парню по ноге, он заорал, мы с целительницей рванули, щит сомкнулся, едва не отхватив лейтенанту пятку.

Тьма сожрала сапог и грянулась об щит. Растеклась липкой пленкой по переливающемуся багрянцем и песчаным золотом пузырю, вспыхнула и растаяла. Волна мрака на миг застыла, как цунами над прибрежным городом. Безликие морды мельтешили, будто клубящаяся пена.

– Я... я виноват, я... – выдохнул лейтенант.

– Нашел время! – обрабатывавшая его ногу целительница влепила ему подзатыльник. – В строй!

Мальчишка вспыхнул и похромал во второй ряд.

В первом плечом к плечу застыли командор-северянин и степняк. Растопыренные пальцы командора оплетала цепочка армейского артефакта – не маг, плохо. От артефакта разлетались огненные искры, сплетаясь с золотистыми, будто песчаными, струйками над ладонями степняка. Шаман, хорошо. Слабый шаман, плохо.

Темная волна по-змеиному качнулась – и взвилась к потолку вагона, норовя обрушиться сверху. Второй ряд вскинул руки – щит, достроенный серебряной изморозью и вихрем зеленых листьев, завернулся, накрывая нас куполом.

– А-ссшшш! – темная волна отхлынула назад и снова ринулась на приступ.

– Стюард хоть добрался до дорожников? – кряжистый дядька-ротмистр во втором ряду заковыристо ругнулся с характерным прононсом обитателя столичных трущоб.

– Капрал с ним пошел, он доберется... – пробормотала целительница. И тут же исправилась. – Добрался!

Поезд по-змеиному изогнулся, потом сложился пополам. За окном промелькнул похожий на сверкающую призму вагон первого класса – видны были даже перекошенные ужасом лица приникших к стеклу пассажиров!

– А-а-а! – нас швырнуло об стенку, прозрачный полог щи-

та затрепетал, стреляя разрядами сырой силы безликим в морды, мигнул и пропал. Пучок щупалец, извиваясь, ринулся на нас – и сгорел в сгустке белого пламени из рук целительницы. Смертельно побледнев, та рухнула на пол.

– Вертел им в зад и об стенку! – наскоро латая щит, орал командор.

– А-а-а! – нас снова шарахнуло об стенку – поезд опять сложился, нас швырнуло в другую сторону. Вояки, раскорячившись крабами, кое как удержались. Дорожники разворачивали поезд... только вот если демоны сметут нас раньше, всем вагонам позади нас – конец!

– Не пойдет! – я выпихала тело целительницы из-под ног, и на четвереньках полезла в узкое пространство между вторым и первым рядом.

– Какого? – рыкнул ротмистр, когда я оттолкнула его ногу.

– Цыть! – рывкать в ответ, когда копошишься у мужика под ногами, не очень удобно, но у меня опыт большой, разнообразный. – Ты и ты... – я ткнула в ротмистра, и в лейтенанта. – Руки сюда! – и выдернула из прически две длинные толстые шпильки с черными, зловеще поблескивающими остриями.

Кажется, именно эти вот острия и убедили их послушаться. Я уже говорила, что люблю наших военных? И от большой этой любви я вогнала им булавки прямиком в вены. Ротмистр зашипел, мальчишка-лейтенант застонал...

– Раз... два... – считала я, глядя как полые желобки в бу-

лавках заполняются кровью.

Темнота снова ринулась в атаку. Накатила тугой волной, ударила в искрящий щит, заставляя его прогнуться, и растеклась, покрывая сплошной пленкой. В вагоне мгновенно стало темно – и без того тусклые лампы под потолком гасли, будто что-то выкачивало из них свет, навалился холод, по стенам зазмеились то ли плесень, то ли изморозь... Только щит продолжал сиять, но это свечение тоже меркло.

– Три! – я выдернула наполненные кровью шпильки и принялась чертить на полу. – Раз... два... три...

Щит мигнул – изо рта у меня вырвался клуб пара, а леденящий холод сковал пальцы.

Командор снова выругался – щит восстановился.

– Четыре...

Щит опять мигнул. Безликая морда взмыла над головами командора и степняка и, кажется, с любопытством глядела: что я там делаю? Мое тело застыло, руки оледенели...

Командор выругался совсем грязно – щит восстановился.

– Пять! – я вычертила в середине сдвоенный символ. Рекорд скорости на экзамене в Академии только что был побит!

Мрак ударил в щит, гладкие морды надвинулись, заколыхали щупальцами, щит начал прогибаться...

– Силу! Сюда! – рявкнула я, и ротмистр с лейтенантом послушно ударили: обычный для севера лед и неожиданная для выходца со столичного дна зеленая сила природника по-

текли по линиям пентаграммы, собрались в центре, слились и вспыхнули, двойным столбом ударив в потолок.

Щит лопнул. Щит возник – зелено-голубой, словно спресованный из листьев, перевитых прожилками льда. И вдруг стало тихо. И холод пропал. И лампы загорелись.

– Фух! – я плюхнулась на пол посреди вагонного коридора, безжалостно сминая кринолин и неприлично растопырив ноги. А, плевать!

– Сколько продержится? – прохрипел командор, окидывая взглядом новый щит. В прозрачных ледяных «окошках» то и дело сгущалась тьма – безликие демоны искали проход.

– Понятия не имею, – пожала плечами я. – Если б я знала их силовые характеристики... – я совершила очередную неприличность, ткнув пальцем сперва в ротмистра, потом в лейтенанта. – Высчитала бы до минуты, а так... Или дорожники выведут поезд, или нас сожрут. Так или иначе, скоро узнаем.

– Веселая... дамочка... – прохрипел ротмистр, приваливаясь к стене. Из пробитой шпилькой вены текла не кровь, а тонкая струйка зелени. Вливалась в пентаграмму, прокатывалась от зубца к середине, сталкивалась с льдисто-голубым потоком силы из вены лейтенанта, и откатывалась обратно к зубцу. И снова, и снова...

– Самовосстанавливающаяся пентаграмма? – приподнимая веки, прохрипела целительница. Я кивнула. – У нас есть шанс! – выдохнула она и снова обмякла у стены.

Я промолчала. В моей пентаграмме одна сила подпитывает другую – если есть что подпитывать – и держится она намного дольше обычной, односиловой... Но вахмистр с лейтенантиком, увы, на архимагов не тянут: вон, один побледнел, а второй и вовсе к стене привалился... Хотя сил у них все равно больше, чем у меня!

За уцелевшими окнами вертелся хоровод пустых лиц – безликие демоны заглядывали в окна, щупальца тьмы оплетали вагон, скребли по крыше, неслышно, но ощутимо, будто прямо по душе ледяными когтями. Один безликий завис в окне и пялился на меня, точно запомнить хотел.

Командор посмотрел на него, хмыкнул и отвернулся.

– Гарнизон-командор города Приморска Улаф, из алтарного рода лордов Рагнарсонов, третий пехотный полк генерала Барнса, – хриплым голосом разбивая нависшее молчание представился он. – Лейтенант Сигурд, рода Барнкулданс, ротмистр Ка Хонг, ротмистр Мамочка... э-э, Мамовски... лейтенант службы целителей Гюрза...

– Это фамилия, – не открывая глаз, пробормотала целительница.

– За отличную службу награждены поездкой на техно-магическую выставку. Возвращаемся к месту дислокации.

– Хреново-то как возвращаемся! – выдохнул Мамовски и закусил ус – глаза у него побелели от боли.

Ой, плохо-плохо-плохо...

– Мамочка, здесь дамочки!

– Это Гюрза-то? – блекло усмехнулся ротмистр.

– Летиция де Молино, – строго по этикету наклонила голову я. Сидя на полу, да еще в платье с разрезанным рукавом и прожженной в кринолине дырой, смотрелось не очень... вот пусть об этом несоответствии и думают, а не о том, что волны, катающиеся от одного зубца пентаграммы к другому, начали заметно стихать, а струйки силы, тянущиеся от армейских магов, превратились совсем уж в ниточки.

Вояки продолжали вопросительно смотреть на меня.

– Они хотят знать, у кого вы служите, – эхом отозвалась целительница.

– У лорда Трентона.

Вояки озадачились.

– Горничной... – уточнила я.

Они озадачились совсем, но вопросов не последовало – командор покосился на пентаграмму, и принялся снова наматывать цепочку артефакта на пальцы. Лопнет мой щит, они со степняком снова поставят свой, но очень скоро артефакт истощится, и тогда счет пойдет на секунды. Поезд мчался сквозь черноту Междумирья. Зависшая в окне морда вдруг... Ее словно ножом прорезали! Четко вычерченный полукруг возник на месте рта – как на детских рисунках! Сердце гулко бултыхнулось где-то в горле... и я поняла, что тварь – улыбается! Треклятый демон ухмылялся, пялясь мне в лицо!

Послышался тихий треск. В наступившей тишине отчёт-

ливо слышно было: хрุษь-хрุษь... чавк-чавк... Будто чьи-то челюсти грызли щит с той стороны. На измазанный кровью пол тонкой струйкой посыпалась ледяная крошка – и снова стало нестерпимо холодно. Зелено-ледяная сила заметалась по пентаграмме, как мышь, удирающая из-под лап кота, и... пшшшш! Погасла.

– Дзанг! – трещины располосовали щит на ломти. – Бдзын! – и он осыпался, мгновенно истаивая в воздухе.

Песчаный щит раскрылся снова, с размаху приложив по безглазым мордам ринувшихся на нас демонов. Заискрил, плюясь языками племени и песчаными смерчами.

Первым упал степняк – волна песка просто растворилась в черноте. Командор держался еще пару мгновений – его мотнуло из стороны в сторону... артефакт напоследок плюнул огнем, зашипел и сдох, рассыпавшись на мелкие обломки.

С пронзительным воем безликие ринулись на нас. Я увидела несущееся на меня пустое лицо с будто нарисованной карандашом ухмылкой и...

В окна ударило солнце.

Слепящие лучи били в стекло, отражались многоцветной радугой, расходились похожими на павлиньи хвосты веерами...

Плывущие за окном безглазые физиономии осыпались... И в оконные рамы вцепились пальцы скелетов. Челюсти черепов щелкали, пытаясь прогрызть стекло...

Облепленный полуразложившимися мертвецами поезд

вырвался под стеклянную крышу вокзала. Солнце, сфокусированное в стекле, окатило вагоны живым пламенем... и мертвецы принялись крошиться, как отпадающая короста. Сыплющиеся с крыши костяки хрустели под колесами.

На пустом лице мчащегося на меня демона даже какое-то выражение... мелькнуло. А потом солнечный свет накрыл и его, череп кланднул зубами у самого моего носа и... покатился по изрезанному полу вагона к ногам пытающейся подняться Гюрзы. Самый обыкновенный, оскаленный, пожелтевший от времени череп.

С потолка сыпались кости.

Я смотрела на этот костепад с умилением.

– Леди и лорды, дамы и господа, прошу сохранять спокойствие! По техническим причинам...

Я истерически хихикнула...

– Наш поезд совершил незапланированную остановку на грузовой станции Приморска Южного. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах, пока к вам не подойдут представители власти...

Я расхохоталась в голос. На вопросительный взгляд Гюрзы выдавила сквозь припадки хохота:

– Мне... Мне тоже, как и вам... прямиком в Приморск... лучше! Даже на дилижанс тратиться не придется...

Глава 7

Допрос леди с пристрастием

– Вы утверждаете, что ехали в поместье де Молино?

– Ехала.

– В гости к лорду Леонардо де Молино?

– Тристану, – педантично поправила я. – Никогда не слышала о лорде Леонардо.

Полицейский чиновник, мужчина еще молодой, примерно моих лет, и даже элегантный... был, видимо, до того как из грузового портала вывалился облепленный безликими демонами экспресс. Сейчас от элегантности остался только хороший крой сюртука да недешевая ткань – сорочка, недавно белая, красовалась разводами сажи, на жилете, если присмотреться, можно было заметить мелкие подпалины от паровозных искр. Такой жилет уже в порядок не приведешь, только камердинеру отдать... а у полицейских бывают камердинеры?

Обведенные темными кругами усталости глаза полицейского уставились на меня недовольно: наверное, поменять имя лорда казалось ему великой хитростью. Ну или хотя бы достаточной, чтоб поймать мелкую мошенницу.

– Который являлся вашим братом?

– Является, – монотонно повторила я.

– А вы – леди Летиция де Молино, его сестра?

– Я – она... – сосредоточенно покивала я, и на его бритых щеках, уже успевших подернуться тенью прорастающей щетины, вспыхнул злой румянец.

– И работаете горничной?

– Работаю, – в очередной раз согласилась я.

– Леди-горничная... – с издевкой протянул он. – Персонаж для столичной опереттки... Любите театр, милочка... как-вас-там-на-самом-деле-зовут?

– Весьма, – покивала я.

– Хватит врать, дрянная девка! – он шарахнул кулаком по столу. Чернильница подпрыгнула, тоненько задрезжал стакан, лохматая кипа допросных листов перекосилась... и с тихим шелестом съехала со стола, будто снегопадом осыпав комнату.

Из груди чиновника вырвался сдавленный рык, он полоснул взглядом по устилающим пол листам и рявкнул:

– Что расселась? Убирай давай, горничная!

– Мой ридикюль можно? – озабоченно попросила я.

– Зачем еще?

– У меня там расценки. С учетом размера комнаты, объема работы, срока давности... от последней уборки.

– С хозяевами своими тоже... торгуешься? – зловеще прищурился он.

– Конечно! – пожала плечами я. – С хозяевами подписывают контракт: жалование, условия проживания, выходные,

все тот же объем работ... Разовый наем дороже, – озабоченно предупредила я. И сочувственно добавила, – может, вам еще и не подойдет.

Некоторое время он молча смотрел на меня, а потом уронил всклокоченную голову на сплетенные пальцы и театрально простонал:

– И вот это и впрямь надеется выдать себя за леди? Дурра! – почти ласково протянул он. – Хоть бы байку свою продумала как следует. Ну какая, какая леди станет работать горничной?

– Та, которой нужны деньги? – предположила я.

– Леди не нужны... – яростно начал он и осекся. Подумал. И уже спокойнее закончил: – Леди не нужно работать.

– Двадцать семь процентов представительниц алтарной аристократии империи работают уже сейчас, а шестьдесят три процента девушек из высшего сословия собираются работать по окончании учебы. «Женское лицо имперской аристократии», статья в «Столичном вестнике», неделю назад вышла, – пояснила я на его недоуменный взгляд.

– Не горничными! – отрезал он так уверенно, будто лично собирал материал для той статьи. – И у нас тут не ваша... столица, – последнее слово прозвучало откровенно неуважительно. Ругательно, я бы сказала. – На Юге, аристократки НЕ работают.

– Я из столицы, – кротко напомнила я.

– А де Молино – южное семейство, – ехидно напомнил он.

– Император запретил нам появляться в столице? Когда? Неужели пока я в этом вашем бараке сидела? – сделала большие глаза я.

Полиция не вошла, а скорее ворвалась в разгромленный поезд – будто рассчитывала застукать безликих на месте преступления. Армейцы всей толпой поперлись в вокзал, к зашедшему там местному начальству, пассажиров первого и второго классов вежливо, но непреклонно погнали к вокзальному гостевому дому – мимо меня под руки провели трясущуюся и всхлипывающую пожилую даму, которую я за волосы выдернула из безликой тьмы. Или не выдернула, судя по ее пустому взгляду. А я вдруг обнаружила, что цепочка полицейских отделяет меня и от тех, и от этих – и вместе с пассажирами третьего класса отправилась в пустое (даже без скамеек) багажное отделение. Устроилась в углу на собственном плаще, и рухнула в сон, едва успев подместить под голову саквояж. Так что, когда меня с руганью и почему-то обвинениями в побеге растолкали полицейские, и поволокли в тюремную карету, была почти бодра и почти спокойна. Еще бы какао с ванильными булочками и ванну... но в полицейском участке разве дождешься!

– Ты мне тут не умничай! Настоящую леди – хоть тут, хоть в столице, если уж ее туда понесет... – поездок в столицу господин полицейский явно не одобрял, – ...содержит семья! – и он откинулся на стуле, глядя на меня с выражением полного превосходства.

– Не содержит, – покачала головой я.

– Тебе-то откуда знать?

– Я Летиция де Молино, семья де Молино меня не содержит, и я работаю горничной.

– Так, – он потер ладонями бледную от недосыпа физиономию.

Мне даже жалко его на мгновение стало. Хотя кого я обманываю? Не стало.

– Упорствуешь, значит. Да пойми ты, дурища! Ты в Приморске! У де Молино тут имение! Их все знают! За десять лет, что тут служу, ни разу не слышал ни о какой Летиции де Молино!

– А, так вы у нас человек новый, – покивала я и даже испугалась слегка – у него чуть из носа дым не пошел, как у забытого на огне чайника. Видно, полагал себя старожилом. – Я уехала еще перед войной.

– Удобная байка... была бы, не знай я точно, что у покойного лорда Криштиана де Молино и супруги его, леди Изабеллы, один сын – нынешний лорд Тристан!

– А я дочь леди Ингеборги.

– Что?

– Леди Ингеборга, – повторила я как глухому. – В девичестве Тормунд. Вторая папина жена. Блондинка в зеленом на портрете, на повороте парадной лестницы...

– Нет там никакого портрета, – растерялся полицейский.

Знаешь, братик... наши с тобой отношения, конечно...

Но убрать мамин портрет! Это... это... Нет слов!

– Сударь полицейский...

– Инспектор Баррака!

– Инспектор... – надо же, не прошло и часа, и я уже знаю его имя, – почему бы вам просто не связаться с Тристаном... – я вдруг остановилась, осененная жуткой мыслью. И торопливо спросила: – Он что... умер?

– Третьего дня видел – живой был, и кажется, вполне здоровый, – слегка опешил инспектор. Потом прищурился подозрительно и протянул. – А ле-е-еди думала, что лорд Тристан умер?

Прямо сейчас леди думает, что один наглый лепрекон ее все-таки надул: «Брат при смерти...»

– Жив-здоров, и слава богам... – пробормотала я. Встретимся – разберемся, зачем О’Тулу вдруг понадобилось, чтобы я вернулась на родину... или все же понадобилось самому Тристану? – Вы можете отправить к нему курьера...

– Не собираюсь беспокоить лорда ради каждой мошенницы! – отрезал инспектор.

– И часто брата беспокоят мошенницы? – снова заинтересовалась я.

– Ничего не знаю о твоих братьях, милочка! – инспектор усмехнулся, упиваясь собственным остроумием.

– Ну хорошо... – я тяжело вздохнула. – Ратуша тоже цела?

Получила в ответ новый подозрительный взгляд и устало пояснила:

– Там записи хранятся: кто на ком женился, кто когда родился... По ним проверить можно.

– Хорошо... допустим... – кажется, у него впервые появились сомнения. – Леди Ингеборга... Хотя ты совершенно не похожа на северянку!

– Я и на южанку не похожа, – хмыкнула я.

Мама была типичной северянкой: высокой, статной, голубоглазой, с крейсерской грудью и льняными косами в руку толщиной. Папа, на двадцать лет ее старше и полголовы ниже – типичным южанином: горбоносый, черноглазый, сказала бы, чернокудрый... но в моем детстве вместо знаменитых южных кудрей у отца на макушке уже красовалась лысина. И родилась у них я – такой же типичный среднеимперский смесок: среднего роста, средней комплекции, с темно-русыми волосами и карими глазами. В столице сходу за свою сошла.

Хочу туда – обратно!

– Мы проверим, – с угрозой в голосе пророкотал инспектор. – Вернемся к происшествию в поезде...

– Вернемся, – согласилась я.

Он покосился на меня, но наткнулся на преданный взгляд, исполненный радостной готовности помочь.

– Вы заявили, что старая дама, ваша соседка по купе, разбила окно...

– Я? – изумилась я. – Когда?

– У меня записано... Где-то... – он с сомнением оглядел

рассыпанные по полу бумаги.

– Да? – я тоже посмотрела на них с сомнением. – Тогда я это подписывать не стану, потому что я сказала: окно разбилось...

– Каким образом? – хищно зыркнул он.

«Реакция на кровь мага. Мою кровь. И какое-то колечко, не иначе – артефактное», – подумала я, но вслух не сказала. Спорю на мамино приданое против папиных пустырей, что информация о слабом месте защитных стекол является секретной. И что сделают со случайно проведавшей о таком горничной... не знаю, и узнавать не хочу. Старуха-убийца, вон, знала... и что с ней случилось? В окно выкинули!

– Откуда же мне знать! – развела руками я. – Сперва начало гудеть, потом появились огни, и старая дама вдруг начала вести себя... странно.

– Как именно? – подался вперед инспектор.

– Ну-у... она...

Скакала с ножом как молоденькая... Но этого господину инспектору тоже знать не надо: он и так считает меня мошенницей, а уж после такого рассказа упечет в тюрьму без всяких разбирательств. Или в сумасшедший дом.

– Металась. Бормотала. Я подумала, на нее Междумирье действует, бывают же люди с абсолютной непереносимостью, я читала...

– В «Столичном вестнике»? – дернул бровью он.

– В «Медицинском», – отрезала я. – Хотела позвать стю-

арда, а тут... банг! Стекло вдребезги и ее вытаскивает наружу! Я... просто оцепенела! – я икнула – воспоминание действительно было не из приятных. – Если бы тот господин, мой попутчик, не вытащил меня из купе, я бы... наверняка погибла! – я шмыгнула носом и торопливо прикрыла рот ладонью.

Если Торвальдсона уже допрашивали, сейчас инспектор должен поймать меня на лжи: старуха бросалась на меня, Торвальдсона из купе вытащила я... Или не поймать: если Торвальдсон не захочет сознаваться, что сперва прятался в углу от одной бабы, а потом его волокла за шкуру вторая.

– И где этот господин? – будто мельком спросил инспектор.

Нету? Ка-ак интересно! Я в очередной раз развела руками и робко улыбнулась:

– Откуда мне знать? Я так испугалась...

– А господа военные хвалили вас за мужество... просто таки удивительное для женщины! И мастерство в построении пентаграмм – не менее удивительное для горничной. Которые, как известно, магических академий не оканчивают, так откуда же...

– Я закончила, – перебила я, и взгляд – «Сударь, вы идиот!» – в этот раз тоже получился неплохо. – У меня степень магистра иллюзорной магии в Академии Северных провинций.

Сперва-то я училась в столице. В одиннадцать лет меня

отправили в школу при столичной Академии, а потом и в саму Академию. Отец провел воспитательную беседу, что хорошим образованием можно компенсировать даже слабый дар, и я училась, училась, училась... отличницей была. Но когда из дому пришлось бежать, и стало ясно, что брат не даст на учебу ни гроша, в стипендии мне отказали. Как сказал ректор: «Хорошая девочка, старательная, но с ее иллюзиями на десять минут даже блюда в ресторациях украшать – и то не светит! В дорогих едят дольше, а в дешевых и без порхающих над тарелками бабочек все сожрут!». А в Северной Академии стипендию дали. Помогло, что мама – северянка, да еще из Тормундов – рода влиятельного, сильного и многочисленного: дедушка Тормунд был шестым сыном ярла. Да и желающих учиться на Севере в тот год оказалось не много – все понимали, что война неизбежна, и первая атака алеманцев будет как раз на севере. Даже сами северяне предпочитали отправлять детей в столицу. Ну, а меня угроза войны пугала меньше, чем остаться без диплома и снова попасть под официальную опеку братца. Сейчас, когда больше десяти лет миновало с принятия законов о правах женщин, уже забывать стали, что до войны от опеки «старшего мужчины рода» могла отказаться только магичка со степенью магистра.

Алеманцы даже оказались так любезны, что отложили наступление на целых два года, и дали мне доучиться. Почти...
– Мне надоела эта чушь! – прошипел инспектор, а я ед-

ва не вздрогнула, выныривая из воспоминаний. Что-то часто они меня одолевать стали...

– То ты у нас леди-горничная, то магистр-горничная... Думаешь, раз ты единственная свидетельница прорыва, с тобой цацкаться будут? – инспектор зловеще прищурился.

«Точно, сбежал коммивояжер. А зачем?» – подумала я.

– Не хочешь по-хорошему... – он встал. Неторопливо прошествовал к дверям и крикнул в коридор: – Мастер Заремба! А загляните к нам, пожалуйста! Дело для вас есть...

Показалось мне или там, за дверью, на краткий миг умолкли все голоса, а потом торопливо загудели снова – и каждый старался говорить погромче.

Дверь распахнулась и в кабинет ввалился звероватый тип с всклокоченными патлами – щегольские панталоны со штрипками и жилет с сорочкой сидели на нем, как людской наряд на гамадриле. А вот толстый кожаный фартук поверх всего этого выглядел до странности уместно. Фартук украшали очень двусмысленные темные пятна.

Ой, плохо-плохо...

– Вот, мастер, извольте видеть, – инспектор посмотрел на меня с искренним огорчением. – Врет, – и он принялся снимать сюртук. – Запирается, – аккуратно развесил сюртук на спинке стула. – Мешает следствию, – вытащил из манжет запонки... – Бумаги разбросали... – инспектор посмотрел на меня с искренним огорчением.

– Не я! – выдавила я. Стало как-то... нехорошо. Очень-

очень сильно захотелось выйти.

– Но остальное-то ты... – усмехнулся инспектор, и принялся закатывать рукава сорочки.

– Ничего, – голос у звероватого оказался хриплым и рычащим. – Девочка просто не подумала, верно? – он неспешно повернул замок в двери – щелкнуло, безнадежно так, как первый ком земли по крышке гроба.

Водрузил на стол саквояж в матерчатом чехле – пятна на нем тоже были... выразительные. Внутри что-то звучно и страшно брякнуло. Звякнул замочком... и с педантичностью хорошей домохозяйки на кухне принялся раскладывать начищенные до блеска инструменты: ножнички, щипчики... Последним появился артефакт-заглушка – в курортных городках такие продаются на каждом углу, чтоб музыка из танцевальных залов спать не мешала. Звероватый тип активировал его небрежным щелчком ногтя – теперь сквозь хлипкую фанерку двери не пробьётся ни один звук, как в каменном каземате.

– Вы... что вы делаете? – я подалась на стуле, вжимаясь в спинку так, что еще немного и тот опрокинется. – Вы же не будете меня... бить?

– Ну что ты, милочка, конечно же, не будем, – ласково-ласково сказал инспектор.

Тип натягивал кожаные перчатки, неторопливо, палец за пальцем.

– Бить женщину... с такой нежной кожей... – инспектор

наклонился ко мне и медленно провел по моей щеке подушечкой большого пальца. Обвел контур подбородка... И как ребенка щелкнул по носу. – Следы же могут остаться... на личике... – и вдруг присел передо мной на корточки, заглядывая в глаза снизу вверх. Я торопливо стиснула ноги и сжалась на стуле еще сильнее. – Но и ты должна нас понять, милая... Мы ведь – кто? – его ладонь легла мне на коленку.

– Полиция... – едва слышно прошептала я, опуская глаза на эту самую ладонь, медленным, ласкающим движением скользящую вниз по моей ноге. Поглаживание его пальцев чувствовалось и сквозь шерсть, и сквозь нижнюю юбку...

– Во-от... А ты нам врешь – разве ж это хорошо? – его пальцы доползли до края юбки, скомкали подол и скользнули под него.

Я дернула ногами, пытаюсь вырваться – и кольцо его пальцев стиснуло мою щиколотку до боли, а тот тип, Заремба, с неожиданной плавностью шагнул мне за спину.

– Полиция защищает, а не... вот так, – я попыталась оттолкнуться каблуками – стул поехал, ножки заскрежетали по деревянному полу... и уперлись во что-то... в кого-то... Заремба наклонился ко мне, поигрывая медицинским скальпелем, и ухмыльнулся, открывая кривые желтые зубы. Слишком тонкое для его широких ладоней лезвие с неожиданной ловкостью ныряло между пальцами, то прячась в кулаке, то вдруг возникая острым жалом у самой моей щеки.

– Мы защищаем! – инспектор перехватил стул за ножки

– моя юбка задралась, открывая чулки. Левый был заштопан под коленкой, и инспектор ухмыльнулся. – От дряней вроде тебя... – и вдруг одним пружинистым движением поднялся, больно стиснул пальцами мой подбородок и запрокинул голову так, что я стукнулась затылком об спинку стула. – А ну говори, быстро!

– Я скажу, честное слово, только не трогайте меня! Пожалуйста... – голос мой упал до шепота. За спиной шумно дышал Заремба, а его толстые пальцы копошились в моих волосах!

– Что скажешь? – инспектор сдавил мне щеки так, что лицо собралось в гармошку.

– Все скажу! – промычала ему в ладонь я. – Что вы хотите!

– Хооороооошооо... – протянул он. – Но только попробуй еще раз соврать и... Заремба!

Заремба натянул прядь моих волос с такой силой, что я взвизгнула и... чик! Отхватил ее у самой головы.

– Ай! – вскрикнула я – кожу обожгло холодом.

– Как тебя зовут? – гаркнул мне в лицо инспектор.

– Летиц...

– Заремба!

– Нет, не надо, не надо! Гортензия... Гортензия Симмонс, вот как!

Его глаза были прямо передо мной – темные, нетерпеливые и злые.

– Видишь, как просто говорить правду, Гортензия Сим-

монс! – усмехнулся он.

«Просто, как же...» – уныло подумала я.

– Что ты делала в поезде?

– Е... ехала... – промямлила я. Его глаза стали похожи на птичьи – полные запредельной, нечеловеческой ярости, как у охотничьей птицы, так что я зачастила. – Сюда ехала, в Приморск!

– Зачем? – он схватил меня за волосы, отгибая голову назад.

– По... приглашению... – прохрипела я.

– Снова начнешь про де Молино рассказывать, Заремба тебе глаз выковыряет, – ласково пообещал инспектор, постукивая моей головой об спинку стула.

– Не буду, не буду! – простонала я. – Я... по делам... по делам!

Знать бы еще по каким!

– По каким? – взревел он, нависая надо мной. Волосы мои он выпустил, но руки его потянулись к горлу. – Куда пропали твои подельники? Что вы там делали, в этом купе?

– Подельники? – только и смогла повторить я, но он уже снова вцепился мне в волосы и трепал меня, как терьер тряпку, брызгая слюной в лицо.

– Вас было трое в том купе – двое исчезли, но уж тебя-то я не упущу, ты-то мне все расскажешь!

– Я не причем!

– Да как же! Тварь, рассказывающая, что она то леди, то

магистр, про коммивояжера какого-то, который невесть куда делся, хотя мы оцепили весь вокзал, старуху, которую демоны вытащили в окно... Почему демоны прилипли именно к вашему окну, почему оно разбилось, говори – на куски порежу, дрянь!

– Это я! Я их приманила! – заорала я в ответ. – Чтобы... чтобы... не тащиться в дилижансе от Мадронга!

– Баррака! Баррака, очнись! Баррака, что за дурь!

Сквозь наши крики инспектор не сразу расслышал, как пронзительно орет у меня за спиной Заремба.

Замер, тяжело дыша. Наконец выпутал пальцы из моих волос, и поднял глаза на Зарембу:

– Чего ты орешь, как ненормальный?

– Я? – прошипел у меня из-за спины тот. – Ты хоть слышишь, что она тебе говорит? Или так хочется громкое дело до приезда столичных раскрыть, что мозги отшибло? Она демонов приманила? Она что – архимаг? Сумасшедший архимаг: приманила демонов, чтоб не трястись в дилижансе! Она несет бред, ты слушаешь бред – а ненормальный здесь я? – Заремба выбрался у меня из-за спины, с каждым вопросом наступая на явно растерявшегося инспектора...

А-а-отлично! Я поджала ноги и... со всех сил оттолкнулась каблуками... от инспектора. Его швырнуло в стенку – ну так я не специально! Главное, что я вместе со стулом отлетела в другую... Кубарем скатилась с сидения, а стул с грохотом рухнул. Метнулась к двери, рванула ручку, дверь рас-

пахнулась, и я вылетела в коридор...

– Ты что, дверь не запер? – прижимая ладони к отшибленному животу, прохрипел инспектор Баррака. – Держи эту дрянь, что встал!

Заремба ринулся следом и... с размаха врезался всем немалым весом в... запертую дверь. Что-то хрястнуло, хрупнуло... дверь снесло с петель, и она с грохотом вывалилась прямиком в коридор, а сверху выпал Заремба.

Моя иллюзия рассыпалась, а я метнулась из угла за дверь, промчалась по спине Зарембы... тот заорал, не понимая, кто по нему топчется. И со всех ног рванула по коридору!

Бегом-бегом-бегом... Мимо неслись двери кабинетов – из них уже выглядывали встревоженные, любопытные, испуганные лица... Мимо! Впритирку по стене – обойти топчущуюся посередине коридора мамашу с ребенком на руках, вильнуть – проскочить мимо растерянного мастерового, ступеньки – кубарем! Входная дверь начала открываться и словно вода из громадного ведра, на пол полицейского участка выплеснулся золотистый солнечный свет... сперва тонкой струйкой, потом все больше и больше...

Туда! Я побежала со всех ног, не обращая внимания, как дежурный полицейский за стойкой вскинул голову на топот, и посмотрел сквозь вделанную в прозрачную перегородку круглую линзу...

– Иллюзор! В участке иллюзор! Проникновение... По-

бег... Иллюзор!

И пронзительный, как у недорезанной свиньи, визг сирены расколол мир на хрупкие осколки.

– Тревога! Тревога! Иллюзор!

Бабах! Бабах! Бабах! К визгу сирены присоединяется грохот падающих на окна щитов. Бабах! С каждым намертво запечатанным окном в участке становится все темнее, темнее... Я бежала. Сквозь сгущающийся сумрак, сквозь мельтешение людей, сквозь бьющие в спину крики – я мчалась к последнему светлому пятну. Дверь-дверь-дверь! Дверь как раз открывают, на нее не смогут опустить щит, если я успею, если я добегу...

Дверь распахнулась во всю ширь, в бьющем с улицы, ярком, как золотой пожар, солнечном свете нарисовались два угольно черных силуэта: высокий, поджарый мужской, и расходящийся книзу широкой юбкой женский...

Я рванула вперед... Кажется, я оторвалась от пола, кажется, оставшийся ярд я летела в прыжке...

Дверь захлопнулась, отрезая поток солнечного света и тут же слегка проржавленный железный щит рухнул перед ней, отрезая выход и превращая полицейский участок в намертво замурованную коробку.

Я... не добежала.

Взявшее разгон тело всем весом врезалось в того самого мужчину-силуэт... На ногах он удержался только потому, что за спиной у него был железный щит! Загудело...

– Попалась, дрянь! – заорали сзади и в мои волосы уже привычно вцепился Баррака.

– Что здесь происходит? – рявкнул где-то позади жирный начальственный голос.

– Леди Летиция? – вопросительно протянул другой голос, знакомый.

Крепко держа меня за плечи и покряхтывая от боли в ушибленной спине, на меня смотрел командор-северянин из поезда.

– Здравствуйте, лорд Улаф. Вы вовремя, – выдохнула я и... уткнулась лицом ему в плечо, орошая слезами тонкое сукно летнего мундира.

– Я спросил: что здесь происходит? – повторил начальственный бас.

– Подозреваемая пыталась... – начал в ответ Баррака...

Э, нет, инспектор, вот вы ничего объяснять не будете... Точнее, будете обязательно, но не здесь и не сейчас!

Я выпустила лацканы офицерского мундира и круто повернулась на каблуках:

– Он! – звенящим от слез голосом выдохнула я, тыча в Барраку пальцем. – Он велел принести ножи! И щипцы! Сказал, если я не сознаюсь... он сделает со мной... сделает... – меня пробило на икоту. – Я пообещала сказать, все, что от захочет, но он все равно, все равно... – и я уткнулась лицом в ладони.

Глава 8

Кто такая Гортензия Симмонс

– Итак, господа и лорды... и дамы... и ле... и дамы! Давайте разберемся.

Обладатель жирного начальственного баса и впрямь оказался начальником полиции Приморска, и фигуру имел тоже весьма... пухлую. Да попросту походил на булку в сюртуке, и выглядел бы уютно и даже добродушно, если бы не выглядывающие из пухлых щек глазки-буравчики. Будто мышь или даже хорек залезли внутрь булки и теперь выглядывают в прогрызенные дырочки.

С трудом переплетя толстенные, как колбаски, пальцы, господин начальник полиции один за другим водрузил на них все три подбородка и по очереди испытывающе воззрился на всех нас – Барраку, Зарембу, командора, меня...

– Разберемся?

На мамаше-южанке из поезда взгляд дал сбой – дама подпрыгнула на скрипучем стуле и ее голос, и без того пронзительный, достиг нестерпимого крещендо:

– Да если бы я не забеспокоилась, что нашей спасительницы нет среди пассажиров... Если бы не разыскала лорда командора Рагнарсона... Было бы поздно! Боги знают, что могло случиться... даже самое страшное! – южанка задохну-

лась и крепко прижала ладони к обширной груди.

Троица полицейских и даже командор Рагнарсон взирали на эту грудь с немалым интересом.

Я тоже... покосилась. На появление командора я надеялась... рано или поздно. Но было бы скорее поздно... если бы не эта дамочка. Надо же, беспокоилась, разыскивала... Что ж ее подвигло на такие хлопоты? Благодарность за детишек? Все может быть, конечно...

– Леди Летиция, вы уверены, что эти негодяи не сделали ничего... непоправимого? – она повернулась ко мне.

Конечно, сделали! Чулки порвали и это уже не поправишь.

– Я... я не могу об этом говорить! При мужчинах! – прижимая ладонь ко лбу, выдохнула я.

Конечно, не могу: разве они оценят трагедию порванных чулок по достоинству?

– Госпожа Влакис... – инспектор Баррака поглядел на нее с высокомерной снисходительностью, которую тем не менее старательно маскировал под уважение. – Мне жаль огорчать вас, но эта... особа... – последнее слово он обронил через губу, – всего лишь мошенница, пытающаяся выдать себя за леди! Может, с такими наивными, доверчивыми дамами как вы это бы и прошло...

Инспектор переоценил наивность госпожи Влакис – та сразу поняла, что ее называли дурой. Глаза ее блеснули.

– Но я – инспектор полиции! – Баррака приосанился. –

Мне не составило труда выяснить, что ее зовут Гортензия Симмонс...

Брови гарнизон-командора медленно поползли вверх, начальник полиции закашлялся, а госпожа Влакис... похоже, у госпожи Влакис тоже была бабушка, и ее тоже учили взгляду «Сударь, вы идиот!»

– Как в оперетте? – сладким голосом поинтересовалась южанка.

– Какой... оперетте? – растерялся инспектор.

– Модной... Столичной... – все еще кашляющий господин начальник потянулся к графину с водой.

– «Гортензия Симмонс» называется: о мошеннице, выдающей себя за леди, – мягко закончил командор.

Инспектор похлопал глазами как разбуженный филин, а потом перевел на меня взгляд, пылающий черным пламенем Междумирья.

Я вскочила, и с визгом метнулась в угол:

– Не подпускайте его ко мне, умоляю!

– Эта дрянь снова соврала! – инспектор ревел как левиафан в тумане.

– Не смейте кричать на леди! – верещала южанка.

– Молчать! Всем! – от рыка командора содрогнулись стекла в окне.

Привставший было начальник полиции плюхнулся обратно в кресло.

В приоткрывшуюся дверь сунула чья-то перепуганная фи-

зиономия – и тут же спряталась.

В кабинете стояла тишина.

– Леди... – убедившись, что все молчат, начал командор Рагнарсон... Подумал и исправился на нейтральное. – Сударыня... Вы сказали инспектору, что вас зовут Гортензия Симмонс?

– Он обещал мне всякие ужасы, если я еще раз назовусь леди Летицией де Молино. Что мне оставалось делать? – жалобно протянула я.

– Она самозванка! – вскипел инспектор, поймал ледяной взгляд северянина и тут же умерил тон. – То говорит, что маг, то – что леди, то вдруг горничная...

– Что леди – маг, мы все имели возможность убедиться, – напомнил командор.

Инспектор вдруг замер, приоткрыв рот. Посмотрел на меня дико, облизал губы...

– Вы можете как-то подтвердить свою личность? – обернулся ко мне гарнизон-командор.

Я глубоко, даже мучительно задумалась. И наконец проворботала:

– Документы подойдут?

– Нет у нее никаких документов! – заорал инспектор и... начальник полиции кивнул. Почти кивнул. Едва-едва удержался, в самый последний момент...

Я в ответ удивленно похлопала глазами... запустила пальцы за корсаж... и вытащила. Документы.

– А ну дай сюда! – инспектор рванул бы ко мне, но до того безучастный и неподвижный Заремба все также плавно скользнул следом... и мгновенно скрутил его, с силой приложив об стенку.

– Эммм... Позвольте взглянуть? – и начальник полиции потянулся за моими бумагами. Натолкнулся на мой изумленный взгляд, вздрогнул, точно опомнился... торопливо заложил руки за спину и уже смотрел как положено, из моих рук.

Я звонко щелкнула ногтем по артефактной печати, отзывающейся только владельцу, и по бумаге побежала радужная надпись:

«Летиция-Ингеборга-Маргарита-Агнесса из рода де Молино, отец – Криштиан, лорд де Молино, мать – Ингеборга, урожденная Тормунд...»

– Но... почему вы не предъявили свои документы инспектору? – вскричал начальник полиции.

– А вдруг он тоже поддельный полицейский, как тот, что собирал документы у пассажиров третьего класса? – похлопала глазами я.

В кабинете снова воцарилось молчание...

– Почему вы решили, что полицейский – поддельный? – осторожно спросил начальник.

– Но он же никому не дал справку об изъятии! Не мог же настоящий полицейский не знать, что никто, даже полиция, не имеет права забрать документы имперского подданного, не выдав соответствующей справки?

– Не мог... – убито согласился начальник.

– Я испугалась, что этот не-полицейский может быть замешан в катастрофе с поездом! – с видом серьезной озабоченности сообщила я.

– И прикрылись иллюзией! – вместо меня закончил командор, поглядывая на начальника полиции с кривоватой усмешкой.

– Ну что вы, лорд Улаф, там же вокруг люди! Я слабосилок, на многостороннюю иллюзию меня не хватит, – покачала головой я, – я просто сунула ему вместо документов свой носовой платок.

Господин начальник полиции бросил быстрый взгляд на осанистый шкаф с перекошенными дверцами. Хочет проверить, лежит ли среди изъятых у третьего класса бумаг женский носовой платок?

Командор едва заметно кивнул: сообразил и почему я работаю горничной, и зачем мне нужна была кровь его людей для пентаграммы. Увы, что бы ни говорил в свое время отец, слабый дар не исправить даже самым лучшим образованием.

– Что ж вы... не сообщили? Не пожаловались? – процедил наконец начальник полиции.

– Кому? – удивилась я. – Господину инспектору и его... подручному, – я скользнула взглядом по Зарембе, тот остался невозмутим, – ...которые собирались меня пытать?

– Они не собирались! – вяло возразил начальник.

– А ножи и щипцы принесли, чтоб омара разделать? Ес-

ли мы сейчас зайдем к инспектору в кабинет, то найдем там множество омаров. Так и кишат! – фыркнула я. – Я решила, что у вас тут все полицейские – не полицейские! Тем более, про прорыв меня почти и не спрашивали – только как меня зовут!

– Ты сбежала! А потом несла новость что! – взвыл инспектор.

– А вы хотели, чтобы леди молча терпела ваши издевательства? – ринулась в бой госпожа Влакис.

– Да не сейчас! – отмахнулся инспектор. – Раньше! Когда мы разобрались, откуда начался прорыв, оказалось, что ни одного пассажира из того купе нет: ни старухи, ни коммивояжера, ни этой вот... леди... – как худшее из ругательств выплонул он. – Пропали! Что мы должны были подумать?

– Что ваши люди отправили меня на склад багажа, к пассажирам третьего класса? Где вы меня и нашли? – кротко предположила я. – В гостевой дом ко второму классу меня не пустили... уж не знаю почему.

Господин инспектор изволил открыть рот. Ему очень надо было отвести душу, и он собирался сказать гадость – уже привычную, про горничную и ее место. И его даже можно было понять: но можно – не значит обязательно так и делать, я и младшим Трентонам так всегда говорю.

– Ох, надо же еще компенсацию с дорожников требовать! – озабоченно нахмурилась я. – Не обеспечили сервис согласно купленному билету.

– Они-то не виноваты! – мягко напомнил командор.

– Не моя печаль! – отмахнулась я. – Заплатят мне, а потом сами разберутся, кто за это... заплатит им.

Начальник полиции пальцем оттянул врезавшийся в складки шеи воротничок сорочки: служащие дорожной гильдии были известны – сказала бы – печально известны, но мне-то чего печалиться? – тем, что совершенно не выносили убытков! Виновников этих убытков, их да, случалось, выносили... ногами вперед. Рассказывали страшилки про людей, умерших от голода, пытаюсь выплатить гильдии ущерб. Начальнику полиции немножко поголодать только на пользу, но в остальном я ему не завидовала: дорожники и так скоро примчатся из-за прорыва, а тут еще и я!

– Сударыня, естественные подозрения... – он нервно отер пот широким, как одеяло, клетчатым платком. – Мы не знаем, как произошел прорыв, а вы...

– Я тоже не знаю! – перебила я, удостоилась нового бешеного взгляда от Барраки и мило улыбнулась. – Я хоть и магистр, но не дорожник, а иллюзор! Могу только рассказать, что видела.

Я ведь не обещаю рассказать всё, что я видела!

– ...Если этим, наконец, хоть кто-то заинтересуется, – не удержалась от шпильки я. Хотя почему – не удержалась? Этих, как степных баранов, постоянно тыкать надо, желательна палкой с гвоздем, чтоб шли куда следует, а не тупо кружили на месте.

– Я весьма интересуюсь! – немедленно отрапортовал гарнизон-командор.

– Вы, командор, человек военный, вот и занимайтесь своими военными делами, а расследование оставьте... – немедленно ошетинился инспектор.

– Имперским дознавателям? – невинно поинтересовался командор. – Они наверняка скоро прибудут.

Тоже знает толк... в палках с гвоздями. Эк господ местных полицейских перекосило-то знатно!

– Мы вас со всем вниманием слушаем, сударыня! – не давая разгореться новой перепалке, прогудел Заремба.

Я поглядела на него подозрительно – ножом не грозит, вон, даже улыбнуться пытается... Жуткое зрелище!

– Про старуху я уже рассказала...

Кажется, неукротимый инспектор хотел заставить меня повторить, но Заремба пнул его в лодыжку – из открытого рта Барраки вырвался только сдавленный сип.

– Безликие начали просачиваться внутрь, я и попутчик выскочили в коридор. Я заблокировала дверь купе артефактами из саквояжа.

– Саквояж был у коммивояжера? – морщась от моего монотонного рассказа, перебил инспектор.

– Нет, у меня.

– Почему?

– Потому что коммивояжер его бросил, а я схватила.

– Зачем? – процедил Баррака.

– Затем, что на безликих запертая дверь действует также сильно, как табличка «Не входить!» – вежливо пояснила я.

– А табличка действует? – заинтересовалась госпожа Влакис.

– Нет! – отрезала я.

– Вы не в том положении, чтобы язвить, сссударыня! – инспектор стремительно зверел.

– Для дам в положении путешествия через Междумирье категорически запрещены, – чопорно поджала губы я.

Инспектор на миг застыл с полуоткрытым ртом... и вдруг принялся краснеть, как гимназист в бане. Начальник полиции снова мучительно закашлялся.

– Инспектор... просто... удивляется... вашей сообразительности. Неожиданно для дамы в таком положении... э-э, в такой ситуации... еще и подумать об артефактах...

– Инспектору просто никогда не приходилось организовывать прием на двести персон: учишься думать быстро и обо всем сразу, – снисходительно кивнула я. – Я понимала, что артефакты плохонькие и долго не продержатся, поэтому побежала в соседнее купе...

– Почему тогда не поставили хороший артефакт – если понимали? – въедливо поинтересовался Баррака.

Я поглядела на него недоуменно.

– Не прикидывайтесь! – инспектору очень хотелось пристукнуть кулаком... хотя бы по ручке кресла, если уж по мне нельзя. У него даже рука дернулась, но под заинтересован-

ными взглядами командора и госпожи Влакис он сдержался. – На детей Влакисов вы надели долговременный артефакт личной защиты...

– На мою дочь, – враз насупившись буркнула госпожа.

– Дети маленькие, защитного поля должно было хватить на двоих! – поспешила заверить я. Поэтому я и выбрала ту девочку, а не ее старшую сестру.

– А такой же блокировочный оставили валяться на полу в купе, утащив вместо этого саквояж с дешевками! – не дал сбить себя с темы инспектор.

Там был нормальный блокирующий артефакт? Вот же клятые демоны, могла б и догадаться! Старуха меня убить собиралась, а не себя, значит, кроме личной защиты у нее был и блокиратор на дверь. У нее или у коммивояжера? Стоп! Раньше об этом надо было думать, не сейчас, тогда б и геройствовать не пришлось.

– Поверьте, инспектор, если б я знала, что в купе есть нормальный артефакт, им бы и воспользовалась! А так пришлось брать, что дают, – я развела руками.

– То есть, вы утверждаете, что артефакт личной защиты вам тоже... дали? – мягко поинтересовался Заремба.

– Дали – это из рук в руки, – педантично уточнила я.

А не рывком с шеи...

– Я нашла его в купе. Надеюсь, вы больше не станете спрашивать, откуда я знала, что это именно артефакт личной защиты? Учебник артефакторики пятого года обучения, кар-

тинка на весь разворот, до сих пор помню.

– Вы героически спасали пассажиров... – ядом в голосе инспектора можно было отравить все южные герцогства разом.

– Вообще-то я армейцев искала. – перебила я. – Чтобы сообщить им о прорыве.

– К вам с невнятными криками ввалилась какая-то девица и вы тут же побежали за ней? – инспектор перевел взгляд на лорда Улафа.

Я потупилась: просто я умею разговаривать с армейцами.

– Как вы верно заметили, инспектор, я – человек военный. При крике «Прорыв!» – кстати, вполне внятном – мы первым делом закрываем прорыв... а не проверяем документы того, кто кричал, – поднял бровь командор.

– Я так понял, что прорыв закрывала как раз леди? – саркастически хмыкнул инспектор.

– Ни я, ни мои люди Академию не заканчивали, – пожал плечами командор. – Самоподдерживающая пентаграмма – это уровень магистра.

– А если бы у нее не вышло? – продолжал наседать инспектор.

– То леди бы сожрали вместе с нами – шансов удержать безликих у нас все равно не было, – командор пожал плечами с равнодушием человека, не собирающегося переживать по поводу просвистевшей мимо беды.

В кабинете снова примолкли.

– Я все равно настаиваю, чтоб эту женщину задержали, – откидываясь на спинку, так что стул качнулся на задних ножках, сухо объявил инспектор. – История ее неубедительна, а личность – сомнительна.

– Поддерживаю, – важно объявил начальник полиции. – Вы должны понять, сударыня! – в его голосе появились нотки доверительности. – Ваш попутчик исчез...

– И как его искать, вы понятия не имеете! – подхватила я. – А я осталась, поэтому буду отдуваться за всех. Дайте-ка мне бумагу, господин начальник полиции!

– Вы готовы написать признание?

– Заявление. Угрозы, пытки, попытка изнасилования со стороны инспектора Баррака и кто-он-там-есть Зарембы...

– Да кому ты нужна! – вопил как всегда инспектор, Заремба по-прежнему молчал.

– Задержание без предъявления обвинения...

– Имеем право на сутки!

– Задержать – имеете, отказаться принять заявление – нет, – под гневным взглядом начальника полиции я деловито извлекла из его роскошного бювара несколько листов неприлично дорогой веленовой бумаги, и заскрипела пером, – какое надлежит передать в вышестоящие инстанции тоже в течение суток. А чтоб оно не потерялось... а то инспектор вот, когда нервничает, по полу бумаги расшвыривает, вдруг вы тут все такие... нервные.... Копию я отдам госпоже Влакис и лорду командору, и попрошу переслать секретарю до-

ма Трентонов, госпоже Лукреции Демолоиной.

– Очень нужно Трентонам... – презрительно начал инспектор.

– Значит, вам не о чем волноваться... – не прекращая писать, обронила я. Почему-то после этих слов Баррака заметно встревожился, а начальник полиции вытер побагровевшую лысину платком. – Также прошу вас, лорд командор, и вас, госпожа, свидетельствовать, что я не собираюсь брать на себя вину за нападение безликих на поезд, и если завтра вдруг заявлю что-то подобное, значит, меня заставили!

– Я не оставлю вас тут ни на минуту! – решительно объявила госпожа Влакис.

– Не волнуйтесь: убить они меня – не убьют, да и следов физического насилия оставить не посмеют... иначе имперские дознаватели решат, что местная полиция просто пытается скрыть побег настоящего преступника, – я подняла голову, полюбовалась на перекошенную физиономию начальника, и на всякий случай напомнила: – Коммивояжер-то у вас сбежал. Но доктора вы привезите, пожалуйста... будем фиксировать повреждения! – я с шиком расписалась внизу листа... и начала деловито снимать с него копию.

Начальник, инспектор и Заремба переглянулись у меня над головой.

– Я думаю, мы можем отпустить леди в гостевой дом, к другим пассажирам второго класса... – начал начальник полиции.

Я простонародно хрюкнула:

– Угу, чтобы ночью я оттуда исчезла, а инспектор Баррака скорбно качал головой, рассказывая, как он сразу меня заподозрил, но его не послушали и вот, пожалуйста – сбежала!

– Куда бы вы хотели отправиться, леди? – в голосе начальника полиции звучало не меньше ненависти, чем у Барраки. Что ж поделаешь, на уважение и взаимопонимание мы с ним с самого начала рассчитывать не могли.

– Куда и собиралась – в поместье к брату! – пробормотала я, не отрываясь от переписывания. Самое время снова стать леди и деликатно не мешать им переглядываться.

– Хорошшшо! – Баррака шипел как змея, которую завязывают бантиком. – Я сопровожу эту... Эту! В поместье!

Какая прелесть! Опасения О’Тула подтвердятся – я и вправду приеду в поместье с полицией.

– И если... Если! – продолжал Баррака. – Лорд де Молино подтвердит, что она вправду его сестра... И как глава рода возьмет на себя ответственность, что она явится в полицию по первому требованию...

Вот еще счастье: я от этой «ответственности главы рода» пятнадцать лет назад сбежала!

– В моей коляске! – холодно объявила госпожа Влакис. – И с моим кучером! И если ему только покажется, что вы, господа, снова ведете себя неподобающе... – она одарила полицейских весьма многозначительными взглядами.

– Я, пожалуй, тоже составлю компанию, – командор под-

нялся.

– Спасибо, лорд Улаф! Госпожа Влакис... – я направилась к дверям.

– Сударыня! – возмущенный возглас ударил мне в спину. Я обернулась. Начальник полиции приподнялся, навалившись на стол изрядным животом, и многозначительно постукивал пухлым пальцем по моему заявлению.

– Вы ничего не забыли?

– Ох, ну конечно! Какая же я глупая! – я метнулась обратно к столу, и повернулась к командору, протягивая ему перо. – Засвидетельствуйте заявление, командор!

– А... вы не собираетесь его забирать? – пробормотал начальник.

Поверх затылка склонившегося над бумагой командора я изумленно воззрилась на начальника полиции:

– И зачем бы мне это делать?

Глава 9

Приданое и долг госпожи Влакис

– Красавцы! – восторженно выдохнула я.

Запряженная в открытую коляску пара и впрямь была чудом как хороша!

– Удивительно... – зачарованно выдохнула я, не сводя взгляда с двух лошадок изабелловой масти. – Они такие... соразмерные!

– Разбираетесь в лошадях? – поглаживая по носу потянувшуюся к ней лошадь, оживилась госпожа Влакис.

– Умеренно. Не заводчик, – не стала преувеличивать я. – Но тут и разбираться не надо – они великолепны!

– Великолепны, – как нечто само собой разумеющееся подтвердила госпожа Влакис. – У меня других не бывает.

– Господину Влакису принадлежит лучший конный завод в империи! – поторопился вмешаться инспектор.

– «Золотая молния Альгейро», – с усмешкой сказала госпожа Влакис.

– О-о-о-о... – уважительно протянула я. Насчет лучшего конного завода империи инспектор преувеличил, но... Альгейро – солидное имя, уважаемое, хоть и не аристократическое. А про Влакиса впервые слышу.

– «Молния» – мое приданое. Мне всегда нравилось во-

зиться с лошадьми, вот родители и отдали, – госпожа Влакис привычно разломилла яблоко, протягивая половинки лошадям на раскрытых ладонях, и строго скомандовала кучеру. – Будешь при леди де Молино, пока она тебя не отпустит.

– Сделаем в лучшем виде, хозяйка, не сумлевайтесь! – пробасил кучер, взбираясь на козлы.

– Вот вы где! – громкий девичий голосок заставил оглянуться – к нам, подхватив юбки, бежала старшая из барышень Влакис, которая в поезде застряла в купе вместе с папашей. В лицо я ее не запомнила, больше по кружевам панталон, торчавших из-под юбки, когда степняк-ротмистр ее на плече тащил. – Нас наконец отпускают! – запыхавшаяся барышня прижала руки к бурно вздымающейся груди. – Можно грузить багаж в коляску...

– Грузите... – согласилась госпожа Влакис, и ехидно добавила. – Если вам есть – куда. – и снова повернулась к кучеру. – И чтоб никуда, пока не убедишься, что с леди Летицей все в порядке. Жди сколько потребуется, потом мне доложишь. Все, езжайте!

– Куда – езжайте? Как? – барышня растерянно посмотрела на кучера, потом перевела взгляд на остальных – на кого угодно, кроме госпожи Влакис. – Что здесь происходит?

– Видите ли, госпожа Влакис... – неожиданно смутившись, забормотал Баррака.

– Старшая госпожа Влакис! – барышня вдруг стиснула кулачки и топнула ногой, зло глядя на инспектора. – Извольте

называть меня как положено – старшая госпожа Влакис!

Инспектор на миг прикрыл глаза, кажется, спрашивал, за что ему все это.

Я могла бы рассказать, но меня он не спросил.

– Конечно, старшая госпожа Влакис! Госпожа Влакис... Я имею в виду, вот эта госпожа Влакис...

– Младшая! Младшая госпожа Влакис! – выкрикнула барышня и топнула ногой.

Вот я глупая: барышня, папаша... Совсем в столичной жизни погрязла, если умудрилась позабыть о милом нюансе в законах южных герцогств. Мужчина, в течении десяти лет не получивший от жены наследника мужского пола, имеет право жениться второй раз. Если вторая жена с успехом выполняет «главное предназначение женщины», родив сына, именно она становится законной супругой и хозяйкой дома, а первая должна убираться вон, или... с разрешения супруга и новой хозяйки может остаться на правах младшей, практически бесправной жены. Правда, новые имперские законы внесли в эту идиллию некоторые... изменения. Отменить право на вторую жену Его Величество и Имперский Совет не рискнули: в отношениях с южными герцогствами после войны возникло напряжение, а главное, в северных, наиболее пострадавших от войны провинциях тоже имелись изменения деликатного свойства, заставившие Его Императорское Величество счесть старый закон полезным в новых условиях. Но теперь, с правом женщин владеть имуществом, выста-

вить первую жену из дома можно было... только с полным возвратом приданого.

Конного завода «Альгейро», например...

– ...Госпожа Анита одолжила нам свою коляску! – выкрутился инспектор.

– Одолжила? Нашу коляску? – возмутилась младшая... то есть наоборот, старшая госпожа Влакис.

– Вашу, деточка? – сладенько удивилась младшая госпожа Влакис. – У вас есть своя коляска, Мариэлла? Как замечательно! Вот в нее вещи и грузите, а свою я одолжила нашей спасительнице. Поезжайте, леди! Вы уже на ногах не стоите – еще бы, после таких-то потрясений.

– Но... Там Хуан... мой кузен... он приехал нас встречать, и ждал, и устал очень, и теперь хочет уже отдохнуть... Он злится! – кажется, для Мариэллы это был последний, отчаянный аргумент.

Увы, Анита была безжалостна!

– О, так господин Хуан Горо вернулся из столицы? Так это же великолепно, значит, я могу вовсе не беспокоиться – брат обязательно позаботится о своей дорогой сестре, верно же, Мариэлла? – сладенько пропела она.

Выражение лица Мариэллы стало совершенно несчастным, а я как-то засомневалась, что этот неизвестный мне Хуан Горо и впрямь готов позаботиться о своей кузине. Скорее, ждет заботы от нее. И кажется, способен здорово испортить девочке жизнь, если этой заботы не получит. Ну что

сказать... Занятно живет городок моего детства! Впрочем, выводы делать еще рано – слишком мало информации.

– Вы... очень любезны, госпожа Влакис-старшая и младшая! – я не стала уточнять, кто есть кто. – Буду рада видеть ваше семейство в имении де Молино!

– Уверены, что можете приглашать? – скривился в мою сторону инспектор.

– Обязательно буду! – младшая госпожа Влакис... которая старше... Анита! Анита Влакис возвысила голос. – Завтра же! И проверю... как вы добрались и устроились! – в ее голосе и брошенном на инспектора взгляде угадывалась угроза. Подумала мгновение... и вдруг обняла меня, прижав к пышной груди.

– Я могу нанять извозчика до имения, у вас дети и вещи... – шепнула я ей в ухо.

– Моих девочек... и мальчишку тоже... я отправила домой еще три часа назад, – также тихо ответили мне. – А коляска – самое малое, что я могу сделать для женщины, которая защитила не только его сына, но и мою дочь, – меня стиснули так, что я поверила – это милая толстушка может управиться и с конем, и с конным заводом, и... с чем угодно.

– Храни вас боги, леди! – она почти забросила меня в коляску, махнув кучеру – трогай! Так что инспектору и командору пришлось запрыгивать почти на ходу.

– Но... но как же? – донесся до меня растерянный голос юной госпожи Мариэллы. – Роланд тоже очень устал!

– Наш с вами супруг, деточка, взрослый мужчина и как-нибудь потерпит, – отрезала Анита.

– Я имела в виду маленького Роланда! Бедный мой малыш уже весь извелся!

– Да неужели? И давно вы его видели, такого бедного?

Извернувшись в коляске, я смотрела как юная Мариэлла вдруг принялась оглядываться, будто отыскивая потерянный багаж, судорожно вскрикнула и снова подхватив юбки, со всех ног кинулась обратно. Довольно ухмыляющаяся Анита неторопливо проследовала за ней.

– Совсем управы на подлых баб не стало! – проворчал инспектор, неодобрительно глядя ей вслед.

– И в чем же заключается подлость госпожи Влакис? – лениво спросила я. Я вот тоже устала. Сперва даже не заметила насколько, я сейчас почувствовала как сильно. Особенное пакостное состояние, знакомое только слабосилкам: отданные в поезде до последней капли силы восстанавливались теперь тоже по капле. Под грудью чувствовалась холодная пустота, будто я проглотила колючую горькую льдину, руки и ноги ломило, а тело отзывалось противной выматывающей слабостью. Да и пользу сна на полу в багажном отделении я переоценила. Хотя десять лет назад и под кустом умудрялась великолепно выспаться. Старею, не иначе... Немедленно захотелось покряхтеть, растирая поясницу, и прошамкать, прищелкивая вставной челюстью: «Третий дён суставы крутить, не иначе – к дождю!» Даже жалко на минутку стало,

что челюсть натуральная.

Инспектор поглядел с сомнением, решая, стоит ли вступить в беседу с подозрительной мной, но ценное собственное мнение распирало, отчаянно желая выйти в мир.

– Она не выполнила свой долг и не желает принимать последствия! – отчеканил он.

– Долг – это родить сына? – уточнила я – разговор поддерживать надо, а то ведь засну.

– Безусловно! Она лишила супруга возможности оставить след в потомстве, и что же? Не просто осталась в его доме, но по-прежнему ведет себя как хозяйка. Бедный муж даже коляской по своему усмотрению распорядиться не может! – инспектор стукнул кулаком по бортику той самой коляски.

У меня создалось впечатление, что распорядиться там пытаются даже не муж, а кузен жены, ну а в действительности кто знает, чужая семья – потемки, да и не мое дело. Хотя Анита мне симпатична.

– Госпожа Влакис не родила сына... четырех дочерей я так понимаю, мы не считаем... – я потёрла глаза в надежде разогнать дремоту.

– Девчонки! – инспектор отмел их легким взмахом руки.

– Господин Влакис взял вторую жену, та ему сына родила, и он того... наследил... в потомстве, – инспектор поджал губы – что-то в моей формулировке ему не понравилось – но кивнул. – А коляска причем?

– При том, что младшая госпожа Влакис, вот эта вот Ани-

та! Имеет теперь в доме даже больше власти, чем раньше! А если ей осмеливаются возражать, сразу же предлагает господину Влакису выгнать ее из дома! И все это – из-за нелепого указа о возврате приданого! У нее уже и опись есть, что она заберет! У законника лежит! Там и конный завод, и дом и... даже эта вот коляска! – он снова стукнул по ни в чем не повинному бортику. – Вот как, скажите, как? – он повернулся к командору. – Как могли господа из Имперского Совета согласиться на подобную ересь? Они же мужчины!

– Так они ж старые все! – хмыкнула я.

– Причем тут возраст?

– Им уже самим не жениться, им дочерей замуж выдавать, а то и внучек, – дремотное состояние и не думало отступать. – Если б у вас была дочь, вы б хотели, чтоб какой-то совершенно посторонний мужчина жил за ее деньги? А у нас на юге еще и содержал другую женщину и ее ребенка?

– У меня дочерей нет. Я, к счастью, вообще не женат, – оскорбленно процедил инспектор.

– Сами, добровольно, отказались оставлять свой след в потомстве? – я одобрительно покивала. – Очень, очень взвешенное решение...

Его губы сжались в тонкую злую нитку.

– Сейчас вообще указ о раздельном имуществе супругов готовится, – решил поддержать разговор северянин.

– Как это? – инспектор подпрыгнул на сидении так, что меня чуть за борт коляски не выкинуло, пришлось за бортик

схватиться.

– Я не большой знаток законов, но вроде бы все, что было у любого из супругов до брака, в браке остается в их собственности. Приданое, например, остается женщине и после свадьбы.

– То есть, та же госпожа Влакис вовсе не должна будет передавать управление своим конным заводом мужу? – инспектор глядел на северянина в священном ужасе.

– А она передавала? – искренне удивился командор. – Ох ты! Теперь я понял, почему она все договоры на поставку лошадей в гарнизон, с собой забирала, а потом присылала с курьером уже подписанные! Их подписывал муж! А я-то все гадал, что за странный южный обычай: в храм она их носит, на удачу, что ли? У нас на севере женщины всегда имуществом владели, вот я и не думал...

– Поэтому вы так и живете! – огрызнулся инспектор.

Лицо северянина словно оледенело:

– Что именно вас смущает в жизни севера империи, инспектор? Уж не то ли, что даже деньги на строительство вот этой дороги ваше герцогство заняло у нас?

Коляска подпрыгнула на выбоине так, что у меня лязгнули зубы.

– Извиняюсь, что лезу в господский разговор, лорд гарнизон-командор, только дюже любопытно: много заняли-то? – извернулся на облучке кучер.

– Изрядно.

– Значит, покрали половину, – заключил кучер, – ну и как тут коляску-то сбережешь: то рессора полетит, то вовсе колесо пополам треснет.

Нас потрянуло снова.

Я потянулась к локтю кучера, показывая на уходящую в сторону от основной дороги узкую колею. И тихо шепнула:

– По этой дороге тоже можно доехать, она получше будет...

Кучер кивнул и аккуратно выбрал вожжи, уводя коляску с главной дороги.

– Юг так обнищал из-за войны! – увлеченно продолжал инспектор.

– Юг. Обнищал. Из-за войны... – повторил северянин, а я приготовилась вытолкнуть инспектора из коляски, если северянин кинется его убивать.

Наступление алеманцев удалось остановить только через неполный год от начала войны. За это время они взяли весь север, половину центральных провинций и вышли на окраины степей. Еще почти год их выбивали с занятых позиций, и только на третий они покатались обратно в Алеманию, цепляясь за каждую пядь земли и яростно огрызаясь. Центр империи и даже степи сильно пострадали, а вот север... На севере не осталось городов – только руины, на севере не осталось лесов – только поля черной золы, схваченные коркой не таящего даже летом льда. На севере не осталось семьи без покойника. Погибшие в уличных боях, загнанные алеман-

скими егерями в лесах, сгоревшие во взрывах и задохнувшиеся под руинами, расстрелянные, повешенные, замерзшие насмерть, умершие от голода...

– До нас, конечно, враг не дошел, – инспектор все-таки слегка смутился. – Так он и до столицы не дошел, а кто после войны там дело открыл, два года без налогов получили! А из Юга всю войну только и знали, что соки тянуть! Нам, чтоб вы знали, во время войны тоже нелегко пришлось.

– И какая у вас была дневная норма? – поинтересовалась я.

– Дневная... что? – растерялся инспектор.

– Норма. Еды. Хлеба обычно, больше-то все равно ничего не оставалось.

– Двадцать унций, верно? – криво усмехнулся командор.

– Пока двадцать было, еще ничего, справлялись. Перед нашим «Большим прорывом» стало десять – все шло на армию, – покачала головой я. – А бомбардировки усилились... Помню, с юга дирижабль с фруктами пришел, мы ребят-магов, которые на крышах защиту держали, как раз соками... – я покосилась на Барраку, – ...и отпаивали. Жевать они не могли, от перерасхода сил зубы выпадали. А выжимки детям растаскивали, сосать. У моей соседки трое было: у них такие мордахи удивленные стали, когда им апельсиновый жмых сунули... они за два года и забыли, что такое фрукты, маленькие ведь... пальцы облизывали... А мы с соседкой только нюхали: запах был такой, что голова кружилась! Она еще все

плакала и бормотала: хорошо, что Юг есть, хорошо, что хоть там по-людски живут...

На инспектора было занятно смотреть: наверное, так бы выглядел ученый-астроном, если б ему не просто сказали, что земля плоская и стоит на слонах, но еще и познакомили с человеком, который лично спускался с края на веревке – слонов брюквой кормить.

– Выжили? – спросил командор.

– Только дети. Соседка задохнулась под завалом на следующий день. Я на работе была, старшие дети в школе, а младшего она в окно выбросить успела, – равнодушно ответила я. – В этом году старший в училище механики поступает. Как военный сирота имеет право на дополнительные баллы – что, конечно, уменьшает шансы талантливых южных юношей, – покивала я инспектору.

– Вы... Я... – пробормотал он. – Э, погодите, а где это мы? Дорога к поместью в другой стороне... Ты куда свернул, а?

– Успокойтесь, это я попросила, – рассеяно обронила я. Слабость не отпускала, но сонливость удалось стряхнуть. Сейчас мне лучше быть внимательней, если я хочу хоть что-то понять прежде, чем меня возьмут в оборот в поместье. А что там меня не ждет ничего приятного, я не сомневалась.

– И зачем это? Все-таки надеетесь сбежать? Или с сообщником встретиться? – явно накручивая себя, вскричал инспектор – ему сейчас было просто необходимо, чтоб я оказалась хоть в чем-нибудь виновата. Чтобы не чувствовать се-

бя виноватым самому: то ли передо мной, то ли перед моей погибшей соседкой и ее детьми, то ли... непонятно, в общем, но неприятно, и очень хочется избавиться от странного мерзкого чувства.

– Отсюда тоже проезд есть. По дороге на фабрики де Молино посмотрим, – мирно сообщила я.

– У лорда де Молино есть фабрики? – удивился северянин.

– Скобяную фабричку еще дедушка поставил.

– Хотите сказать, что старый... самый старый лорд де Молино занимался... скобами всякими? – с ироничной брезгливостью поинтересовался Баррака.

– Самый старый лорд де Молино жил шестьсот лет назад и занимался пиратством, – отмахнулась я, – а фабрику поставил дедушка Тормунд.

– Тормунд? – вскинулся северянин.

– Шестой сын из прибрежных ярлов Тормундов, – важно пояснила я.

– У меня сестра вышла замуж за младшего сына третьего брата нынешнего ярла Тормунда! – вскричал командор. – Вот уж не думал, что такую близкую родню тут встречу! – и радостно протянул мне руки. – Кузина Летиция!

– Кузен Улаф! – не менее радостно откликнулась я.

– Близкую? – озадаченно повторил инспектор.

– Для севера – достаточно! – отрезал Улаф и взгляд его вдруг стал не по хорошему задумчивым. – Выходит, если бы

мы с госпожой Влакис не явились вовремя, вы, инспектор, подвергли насилию мою кухню? – голос его становился все холоднее и холоднее, в раскаленном воздухе вдруг отчетливо дохнуло метелью и кажется, где-то далеко-далеко, на пределе слуха, взвыли волки.

– Да не собирался я ее... ничего не собирался! – взгляд инспектора заметался – кажется, теперь он и сам был готов выпрыгнуть из коляски. – Припугнуть хотел.

– Теперь я понимаю, почему вы отказались «следить в потомстве»! – я жалостливо поглядела на инспектора – надеюсь, хорошо видно, как я ему сочувствую. – Если вашим... э-э, мужским естеством... только пугать... – я поцокала языком. – При всей неприязни к вам, инспектор, не могу не одобрить столь взвешенное... мужественное даже решение... если можно так сказать в эдакой ситуации...

Инспектор замер, глядя на меня с приоткрытым ртом, и глаза его от изумления распахивались все шире и шире... Улаф, только что разрывавшийся между долгом армейского командора – поддерживать порядок, и долгом немедленно наказать за оскорбление родички, посмотрел на меня, на него... и вдруг сдавленно хрюкнул, отчаянно давя прорывающийся хохот.

– Вы... Вы... – задохнулся Баррака. – Вы – никакая не леди! Ни одна леди не позволила бы себе...

– Правнучка ярла – всегда леди! – мгновенно прекратив хохотать, отрезал командор. – И как вы, кухня, попали к

этим южным варварам, не способным узнать леди?

«Даже заглянув к ней под юбку», – мысленно закончила я.

– Мы варвары? – у Барраки был день потрясений.

– Родилась я здесь. Это все дедушка Тормунд! – я без зазрения совести свалила вину на покойного родича. – Решил, что на севере и без него мастерских хватает, и надо плыть в новые воды.

Улаф кивнул – такой резон любому северянину понятен.

– А тут как раз лето жаркое, у отца виноградники выгорели...

У дедушки Тормунда были опыт, деньги и дочка, у недавно овдовевшего отца – обаяние, банкротство и маленький сын, у мамы – сильная магия, и такая же сильная влюбчивость. В общем, все удачно нашли друг друга.

– Мама вышла замуж за папу, и они с дедушкой поставили сперва скобяной цех, потом инструментальный.

– Передовой лорд был ваш батюшка, – неохотно процедил инспектор Баррака.

– Причем тут отец? – удивилась я. – Он природником был, куда ему фабрику? Это мама с дедом – маги-металлисты.

Пока фабрика строилась, мама забеременела мной – и вот тут родители и дедушка провернули исключительно дерзкий фокус. Дедушка Тормунд ведь не с пустыми руками из рода ушел. Тормунды – род разветвленный, многочисленный и славный, могут позволить отделить малую искру от родового алтаря. Но дедушка Тормунд не стал основывать род юж-

ных Тормундов, чтобы медленно, поколение за поколением напитывать новый родовой алтарь, а по соглашению с отцом слил свою искру с древним алтарем де Молино. Во время беременности женщина еще не отторгнута родительским алтарем, но уже почти принята алтарем мужа – мама смогла это сделать. Алтарь де Молино изменился, сила его умножилась многократно, так что хватило и поместьем, и фабрику запитать, и даже продавать энергию могли, мэрия Приморска у них покупала.

Все это я, естественно, рассказывать не стала, алтарь силы рода – не тема для разговоров даже с неожиданно обретенным кузеном.

Глава 10

Имение де Молино

– Я так понимаю, со времен ваших родителей мало что изменилось, – Улаф огляделся по сторонам.

Дорога обогнула старую оливковую рощу и снова потянулась меж виноградниками, такими же пожухшими под лучами солнца, как и в год, когда семейство Тормунд сошло на берег в Приморске. Да и дорога была... такая же. Кажется, за прошедшие пятнадцать лет никого не заботили ни выпавшие камни, ни размытая дождями обочина, ни ямы от одного края дороги до другого. Даже перед кучером неудобно, обещала ведь дорога получше.

Виноградники сменились пыльными пустырями, дорога вильнула снова и потянулась мимо утыканного ржавыми пиками кирпичного забора. Над забором торчали трубы с едва-едва курящимся над ними дымком. В заборе имелась калитка, замкнутая на тяжелый висячий замок, и дырка в половину человеческого роста – наскоро прикрытая подгнившими досками. Наконец забор кончился.

– Останови! – скомандовала я кучеру и пока инспектор решал – ловить меня или не стоит – выскочила из коляски.

В полосатой будке у ворот, где обычно сидел сторож, сейчас никого не было, да и сами ворота стояли нараспашку.

Я шагнула в пустой двор.

– Шшшшурх! Шшшшурх!

Вокруг царила сонная летняя тишина, перемежавшаяся только протяжным скребущим звуком:

– Шшшшурх!

Что-то металлически брякнуло и снова тишь. Ни ветерка, ни звука, ни шевеления, разогретый сухой воздух царапает легкие. По спине под слишком теплым для здешней погоды платьем потекла струйка горячего пота. Стараясь не стучать каблуками ботинок, я обогнула штабель старых ящиков – очень старых, некоторые по низу мхом поросли.

– Дамочка! Эй, дамочка! Вам чего тут?

Окликнувший меня звонкий голос заставил вздрогнуть – я стремительно обернулась, аж юбки взвихрились. Ну, хоть какой-то ветерок! Позади меня, вытирая руки промасленной ветошью, стоял молодой парень в рабочем комбинезоне.

Не будь я сама иллюзором, подумала бы, что его окрик разбил иллюзию: в только что пустом фабричном дворе оказалось множество народу! Над штабелем ящиков высунулись головы в кепках – я пробежалась взглядом по любопытствующим физиономиям. Из темного зева фабричных дверей – тоже открытых, дохнуло жаром, как из раскаленной печи. Высунулась старуха с подвязанными пестрым платком черно-седыми кудрями и метлой наперевес – и поглядела на меня хмуро.

– А... фабрика не работает? – неуверенно уточнила я.

– Почему не работает, очень даже работает! – возмутился парень в комбинезоне.

– Мы вот не работаем! – белозубо ухмыльнулась одна из голов-над-ящиками. Остальные «головы» дружно захохотали.

– Жара, – густым басом пояснила другая голова. Исчезла и появилась снова – при голове обнаружилось тело, из-за ящиков выбрался вполне целый немолодой дядька в рабочем комбинезоне. – Вот спадет еще малёхо и снова часок поработаем.

Когда я уезжала... удирала из дому, на фабрике даже самым жарким летом стояла прохлада. Боги, да тут всего-то три цеха и склад, было бы о чем говорить!

– Я хотела бы повидаться с лордом де Молино.

– Эх, везет же этим лордам! – свистящим шепотом сообщила другая «веселая голова», остальные заухмылялись. – С нами такие крали ведаться не желают...

– С тобой, болтун поганый, даже я, старая, вязаться бы не стала! – проскрипела выбравшаяся во двор старуха. – А ну марш работать, а то вам дай волю, вы тут и до вечера просидите! Марш, кому сказала! – метла выдвинулась вперед в почти фехтовальном выпаде, едва не стукнув весельчака по носу. Тот ойкнул и исчез за штабелем. Стукнуло-грюкнуло, снова раздался ойк и обиженный голос весельчака проныл:

– Вы бы, мамаша Торрес, поосторожнее! Покалечите – кто вам работать станет?

– Да с безрукого лучший работник, чем с тебя, обалдуя! – отругнулась мамаша Торрес. – Пошли, пошли! – метла снова свистнула, сгоняя работников с ящиков – торчащие головы исчезли одна за другой.

– К лорду, это вам, дамочка, в поместье надо ехать, – пояснил парень с ветошью, продолжая сосредоточенно вытирать измазанные машинным маслом пальцы.

– Он тут не бывает? – уточнила я.

– Почему не бывает, очень даже бывает! – возмутилась мамаша. – Вчера наезжал! – задумалась и неуверенно уточнила. – Или третьего дня?

– Если вам скобы нужны, или петли, или еще какой заказ, так вон, с Рикардо обговорить можно, – она ткнула метлой в сторону парня с ветошью.

– Вы управляющий? – уточнила я.

– Лорд де Молино управляет фабрикой сам. Я мастер. Рикардо Лангес, к вашим услугам.

Я кивнула – больше своим мыслям, чем его словам.

– Могу я осмотреть фабрику?

– Исключено, – отрезал он, глядя на меня настороженно, а мамаша Торрес немедленно перехватила метлу в боевую позицию.

– А может, я хочу сделать большой заказ? Не ждете же вы, что я его подпишу, не ознакомившись с условиями производства? – я склонила голову к плечу.

– Я, сударыня, вообще ничего не жду, – отрезал Рикардо

Лангес. – Велит лорд Тристан показать вам цеха – выполню, не велит... – он развел руками, едва не мазнув мамашу Торрес ветошью по носу.

Я покладисто кивнула:

– Тогда я поговорю с лордом, – и повернувшись на каблучках, направилась обратно к коляске.

– А и поговорите... леди, – бросила мне в спину старуха.

Я не остановилась и не обернулась. Даже если она узнала меня, я ее совершенно не помню! Я запрыгнула в коляску раньше, чем Улаф успел сорваться с места, чтобы подать мне руку. И махнула кучеру – трогай!

– Надо быть совершенно... – инспектор пожевал губами и процедил. – ...совершенной ...женщиной, чтоб думать, буд-то вас вот так возьмут и пустят! Все хранят свои коммерческие секреты!

– Вы совершенно правы, инспектор! – торжественно согласилась я. – У нашей семьи всегда был свой, совершенно особый метод накидывания скобы на ушко. Упаси боги, конкуренты узнают!

Инспектор поглядел на меня подозрительно. Улаф почему-то тоже. А я что – я ничего!

– Хотела бы я знать, где вторая фабрика... Перед моим отъездом для нее как раз фундамент заложили...

– Эта? – кивнул Улаф.

Я приподнялась в коляске – и поняла, что да, она. За кустами и плющом, разросшимися буйно, как в дождевых

лесах Ганглии, прятались фундамент и даже нижняя часть стен с намеченными оконными проемами. Не очень-то они за пятнадцать лет продвинулись.

Мы молча поглазели на то, что должно было стать второй фабрикой де Молино. Кучер негромко цокнул языком, и коляска покатила дальше.

Я делала вид, что люблюсь обочиной, мне не верили – в неопрятных кустах и обломках кирпича не было ничего живописного.

– Я вот думаю, что лорд Тристан скажет, когда узнает, что вы тут шастаете, – неприязненно покосился инспектор.

– Странный вы, – я рассеяно мазнула по нему взглядом, – думаете, что лорд Тристан скажет мне, вместо того, чтоб думать, что агенты имперской безопасности скажут вам.

– Так это когда еще будет! – инспектор неожиданно дерзко ухмыльнулся. – Им ведь дирижаблем почти неделю добираться – пока мы тут не разберемся, что случилось, дорожники поезда не запустят. А имение де Молино – вот оно! – и он торжествующе указал на невысокие воротца в живой изгороди, неожиданно ухоженной после разрухи вокруг фабрики.

– Вот теперь-то мы и узнаем, что вы за леди и какой ярл вам прадедушка! – с явным торжеством в голосе воскликнул Баррака.

Глава 11

Тристан и Марита

Ворота, в отличие от фабричных, были свежепокрашенными и запертыми. Зато новехонькая будка сторожа пустовала. Перегнувшийся с облучка кучер толкнул створку – та только глухо брякнула, ворота не открылись.

– Эй! Есть тут кто? – кучер привстал, вглядываясь в густые кусты вокруг узкой подъездной аллеи.

– Вы нас специально сюда завезли, – с явным удовлетворением объявил Баррака.

– Конечно, специально, – удивленно оглянулась на него я, – это же боковой въезд, случайно сюда попасть, это еще исхитрится надо! – и подобрав подол, выбралась из коляски. Лучше б не подбирала – хоть не видела бы, какой он грязный! Месячное жалованье за возможность переодеться. Хотя во что – саквояж-то в полиции остался... Ну хоть помыться!

Я оглядела прутья ворот – покрашенные-то они покрашенные, но если присмотреться, то прямо поверх ржавчины, так что... Я собрала пальцы в горсть и просунула руку между прутьями. Теперь вывернуть кисть до предела и... кончики пальцев прижали край защелки. Та звучно клацнула и засов подскочил вверх. Створка со скрипом открылась.

Я махнула кучеру, чтоб заезжал.

– Ничего не изменилось! – хватаясь за протянутую руку Улафа, выдохнула я. И рука у меня все такая же тонкая, и ворота за прошедшие пятнадцать лет разве что красили. Губы невольно тронула слабая улыбка, при взгляде на хмурого Барраку, превратившаяся в сильную. Прямо-таки в ухмылку.

– Эй! Стойте! Кому говорю! Стрелять буду! – завопили вслед коляске.

Баррака взвился на ноги. Толчок, рывок, поворот, пистолет в руке, ноги широко расставлены, чтоб не пошатнуться, и вот он уже стоит в коляске, целясь в кто-там-орет. А с другой стороны и чуть сбоку, чтоб не перекрывать обзор, с оружием наизготовку вскочил Улаф.

Орлы. Герои. Горжусь. Почти...

На дороге, придерживая обеими руками штаны, замер молодой парень. И потерянно моргал, глядя в нацеленные на него дула огнестрелов.

– Сссстрелять, значит, будешшшь... – прошипел Баррака.

– Буду, – поддегивая норовящие свалиться штаны, угрюмо процедил парень, – вот только до сторожки доберусь!

Стрелять, это вряд ли. Двустволка у него хоть и есть, но в углу стоит и курки «сброшены» – я посмотрела, когда ворота открывала.

– Потому как сторожу я здесь, чтоб кто попало в поместье не впирался! Прямо вот всеми четырьмя колесами! – он неодобрительно окинул взглядом коляску.

А на велосипеде, выходит, можно – у него всего два колеса.

– Где ж ты был, сторож? – гулко хмыкнул кучер.

– В кустах, – еще угрюмей пробурчал парень.

– Вы еще спросите, что он там делал, – Улаф вернул огнестрел в кобуру. – Будто так не видно...

У парня вспыхнули щеки, он бросил быстрый вороватый взгляд на меня, и принялся торопливо застегивать штаны.

– Увлекся, видать, – негромко, но так, чтоб было слышно всем, посочувствовал кучер. – Уж мы орали, орали...

Пальцы у бедного парня задрожали, не справляясь с завязками, а уши теперь пылали как глаза оборотней во мраке.

– Поехали, не будем смущать юношу, – махнул Улаф.

– Куда поехали? – больным драконом взревел наконец справившийся со штанами юнец, и ринувшись вперед, ухватился за борт коляски. – Не можна так!

– К лорду де Молино, – хмуро бросил Баррака, тоже убирая револьвер. – Если тебе надо сообщить – давай. Скажешь, что к нему инспектор Баррака из полиции Приморска.

– А вы кто будете? – спросил сторож, глядя исключительно на меня, Улаф не вызывал у него ни малейшего интереса.

– А мы при нем, при инспекторе, – промурлыкала я.

– Господин военный, может, и при инспекторе, военные с полицейскими завсегда парочкой ходють...

Лица у Барраки и Улафа вытянулись одинаково – похоже, впервые слышали о таких своих занятных привычках.

– ...а леди в полиции делать нечего!

«Да ты мудрец, парень!» – я насмешливо покосилась на Барраку.

– Говорите, кто такая есть!

– Леди Летиция де Молино, – представилась я, и лицо парня тут же вспыхнуло торжеством:

– А вас таки пускать не велено, потому как нету у нас тут таких! Заворачивайте оглобли, леди, хоть разом со всей коляской, хоть сама по себе!

Улаф сдавленно хрюкнул и уткнулся лицом в ладонь, я поглядела на веснушчатую физиономию сторожа почти влюбленно и пропела:

– Что надо спросить, господин инспектор?

– Откуда знаешь, что леди нельзя пускать, если у вас таких леди нет? – покорно пробурчал нахохлившийся как ворон Баррака.

Сторож в ответ снисходительно улыбнулся:

– Знать, сударь полицейский – то дело не мое! Велели такую леди не пускать – вот я и говорю, что пускать не велено!

– Сказал – и молодец, – ломким от смеха голосом выдавил Улаф. – Или тебе от леди отстреливаться велели, как на Последнем Рубеже?

Сторож явственно призадумался, а все еще похрюкивающий от смеха Улаф выдавил:

– Поехали! – и коляска в очередной раз тронулась.

Я извернулась, опираясь локтями на сложенный верх ко-

ляски и спросила:

– А кто не велел?

– Никто не велел! – довольно объявил сторож и повернул обратно к воротам.

– Да не отстреливаться! Не пускать! Лорд или жена его? – уже прокричала я – фигура сторожа неторопливо удалялась.

– Так хозяйка! – сложив ладони рупором, протрубил сторож. – Еще третьего дня Тита, ейная горничная значит, прибегала!

– Понятно, – прошептала я, возвращаясь на сидение.

Одуряющий запах магнолий плыл над аллей, тяжелый жаркий воздух начал пошевеливать легкий ветерок. Коляска выкатилась из аллеи и принялась огибать широкую стриженую лужайку. Навстречу медленно выплывал дом с колоннами и широко раскинутыми крыльями пристроек, томно-белый на фоне заходящего солнца. А позади играло полосами заката... море. Море!

– Растрогались, леди? – пробурчал Баррака, то ли недовольно... то ли... сочувственно?

– Море... – улыбнулась я. – Я так давно его не видела... и не слышала... – сморгнула невольно навернувшиеся слезы.

Придерживая кепку, через лужайку напрямик мчался... мастер с фабрики. Как его, Рикардо? Я провожала его взглядом, пока он не скрылся за углом дома. В общем-то, ожидаемо... Да и не все ли равно?

Я прикрыла глаза, отдаваясь тихому, но когда-то такому

привычному рокоту волн. Шшшурх... Шшшурх... Я тоже раньше думала, что море на таком расстоянии не услышишь. Но стоило расстаться с ним на каких-то пятнадцать лет, и понимаешь, что здесь, в этом доме его звук – везде. И ветер над лужайкой доносит тихие вздохи, и гравий под колесами шуршит совсем не так, как в столице, а будто камешки на пляже перекатываются. И даже в нахмуренном дворцеком, слишком легко для его возраста сбежавшем по ступенькам навстречу коляске, было что-то неисправимо моряцкое. В общем-то, и было...

– Здравствуй, Костас! Я вернулась! – выдохнула я, в вихре юбок почти вываливаясь из коляски напрямиком ему на руки.

– Су... сударыня?

Он меня едва не уронил!

– Это Костас! Служил юнгой на корабле, его еще дедушка де Молино забрал с собой, когда уходил в отставку. Ну же, Костас! – я повернулась к застывшему как статуя дворецкому. – У меня что, появился обезображивающий шрам через все лицо? Только в этом случае вы сможете сделать вид, что не узнаете меня, мой старый... друг.

Костас едва заметно дрогнул, по лицу его как в калейдоскопе замелькали: испуг-растерянность-неуверенность-безнадежность-смирение-злорадство-радость-гнев... и он коротко поклонился, прикрывшись положенной по должности невозмутимостью.

– Прощу вас! Лакеи заберут багаж.

– Завтра заберут! Как только полиция его сюда доставит, – я просунула руку Улафу под локоть – поддержка не помешает. Во всех смыслах.

Следом за Костасом мы неторопливо двинулись вверх по лестнице. Я привычно подпернула юбку, чтоб не зацепиться подолом за старую выщерблину в мраморной ступени, и уже вздрогнула сама. Я не ожидала, что помню даже это!

– Полиция вам не курьерская служба, чтоб вещи таскать! – мне в спину проворчал нагнавший нас Баррака.

Я задумалась: пусть его или не давать инспектору спуску? Что-нибудь вроде: «Вы у всех задержанных вещи присваиваете или только мои платья приглянулись?» Как-то мелко это... Пока думала, выбор закончился – я уже промолчала. Костас распахнул дверь.

У ведущего меня под руку Улафа невольно вырвался облегченный вздох, когда тяжелый жаркий воздух сменился прохладным полумраком. Да что там, и меня проняло! Я запрокинула голову к потолку, позволяя сквознячкам, юркими змейками снующим между искусно прорезанными окошками, охладить разгоряченное лицо. Высокий свод, выложенные сине-зеленой, прохладной даже на вид, мозаикой, точно парил над головой. Парадная лестница, не тяжеловесная, как в столичных домах, а прихотливо изогнутая, будто виноградная лоза, невесомо взмывала к портрету юной бабушки де Молино в летящем белом платье, и дедушки в пузыря-

щейся на ветру рубахе...

В глазах опять предательски защипало.

Я и забыла уже, как красив мой дом.

– Кто вы такие? Костас, кто это? – раздался... нет, не визгливый, леди не визжат... почти-визгливый женский голос.

А, нет, уже давно не мой...

Я торопливо сморгнула.

Опираясь округлой рукой на широкие мраморные перила, на изгибе лестницы застыла темноволосая леди со зло поджатыми губами. Она всегда была полновата, а с возрастом обещала располнеть еще больше... и надо же, взяла, и не сдержала обещание! Так и осталась знойной южной красавицей с приятными округлостями. Разве что постарела... Немножко. Совсем немножко. Будто не пятнадцать лет прошло, а пять. И ведь не маг ни капельки, даже обидно!

– Добрый вечер, Марита! – тон у меня вежливый, а слова – издевательские. Вечер я ей безнадежно испортила, по глазам видно.

Марита изобразила фальшивое удивление – брови демонстративно поползли вверх...

– Не стоит, – я покачала головой. – Ты начнешь восклицать, что впервые меня видишь, а у меня документы с собой. И вообще я тут с полицией, – я кивнула на Барраку. – Неловко потом будет... перед родственником. Позволь представить тебе – лорд командор Улаф Рагнарсон. А это, дорогой кузен, леди де Молино. Жена моего старшего брата Три-

стана.

– Рагнарсон? У де Молино нет таких родственников, – мазнув по коротко поклонившемуся Улафу невидящим взглядом, процедила Марита.

– А у Тормундов есть.

Некоторое время она еще боролась с собой – взгляд ее метался между Барракой, Улафом, мной. Прикидывала: полиция ведь... и родственничек этот... неожиданный... И наконец сдалась. Лицо ее дернулось от ярости, Марита вцепилась обеими руками в перила и подалась вперед, точно хотела ринуться на меня сверху лестницы, как орлица на добычу.

– И досстало же наглости явиться! После стольких лет! Еще и с полицией!

Костас едва заметно расслабился – в глазах его мелькнуло облегчение.

– Как же я могла пропустить похороны моего дорогого старшего брата! – сладко-сладко протянула я.

Костас напрягся снова – и не только он: дернулся Баррака и даже Улаф поглядел удивленно.

– Похороны? Какие... Что ты говоришь? – вот теперь Марита в самом деле взвизгнула – пронзительно, как укушенный поросенок. – Ты... ты...

Наверху хлопнула дверь, послышались торопливые шаги:

– Марита? Что здесь происхо...

– А вот и он! – я подхватила юбки, вихрем взбежала по лестнице и прежде, чем Тристан успел хотя бы слово сказать,

с размаху пала ему на грудь.

Брат пошатнулся и обхватил меня за плечи, не столько обнимая, сколько стараясь удержаться на ногах.

Я тут же отстранилась, взглядываясь ему в лицо, и с чувством выпалила:

– Удивительно хорошо выглядишь... для того, кто лежит при смерти!

– Тристан, о чем она говорит? Что значит... при смерти? – завопила Марита, уже позабыв о манерах вовсе, и кажется, даже попыталась оторвать меня от шеи Тристана.

– Ой! Я не должна была говорить? Вы это скрываете? Знаешь только ты и О'Тул? – старательно засмушалась я, а сама всмотрелась в брата еще раз, уже осознанно и без злости.

А ведь он и правда... сдал. Облысел, как отец, и морщинами обзавелся, каких у отца до последнего его дня не было. Мешки под глазами – будто Тристан много и часто колдовал, не давая себе восстановиться. Под ладно скроенным сюртуком чувствовался вислый животик – будто не колдовал вообще! Магия, она ведь энергию тянет, заставляя есть... простите мой франконский, жрать все, что не успело сбежать от наколдовавшегося до спазмов в желудке мага. Регулярно колдующие маги толстыми не бывают! За исключением моего брата Тристана, не самого слабого природника... который в свои сорок пять выглядел шестидесятилетним!

Меня словно варом изнутри обдало. А если... я угадала? Если лепрекон не соврал, Тристан и впрямь умирает, они не

говорят никому и... Я снова приникла к груди брата. Диагностических чар я знаю немного, но те, что знаю, у меня работают неплохо – пришлось в свое время натренироваться. Сейчас я не чувствовала ничего особенного: сердце билось чуть учащенно – тук-тук, тук-тук – но спишем это на нашу встречу... Ток крови... да тоже нормальный! Пот пахнет слабенько и правильно, но... Я слабосилок! Вымотавшийся слабосилок-иллюзор, а не целитель, и болезни бывают разные, хотя если я ничего не чую, с моим-то опытом, значит, она только начала развиваться, и в столице наверняка...

«Стоп! Стоп! – мысленно заорала я. – С ума сошла? Он – лорд де Молино, у него хватит влияния и денег на лучших целителей, для этого ему вовсе не нужна моя помощь!»

– Да отпусти же ты меня! – пропыхтел Тристан, отчаянно вырываясь из моих рук.

Мне нужна пауза. Мне очень-очень нужна пауза – слишком уж стремительно все происходит после моего отъезда из столицы!

Я замерла, глядя поверх плеча брата остановившимся взглядом. Высвободилась...

– Что такое? – Тристан нервно оглянулся.

– Инссспектор! А идите-ка сюда!

Баррака дернулся – ага, не только он шипеть тут может! Вышло не хуже, чем у королевской кобры. Инспектор неспешно поднялся к нам...

– Добрый вечер, милорд!

– Добрый, инспектор, – ошарашенно пробормотал Тристан. – Могу я узнать, что случи...

Я простонародно ткнула пальцем в портрет на стене, походя едва не угодив братцу в глаз – Тристан отпрянул.

Отлично видный со ступенек, на стене над поворотом лестницы висел портрет статной длиннокозой блондинки – типичной северянки – в зеленом костюме для верховой езды.

– Как вы тогда сказали: нет тут никакого портрета? Зачем же так врать? – у меня мелко задрожали губы. – Вы хотели меня оклеветать? Или брата – передо мной? – я судорожно всхлипнула.

– Я... Я... Клянусь... – инспектор перевел растерянный взгляд с меня на портрет и обратно. Его даже было немного жаль: сказать, что еще недавно портрета здесь не было – так Тристан слышит, сказать, что был – так я здесь, и под локоток меня держит взлетевший по лестнице Улаф. – Милорд, неужели эта... дама... и вправду ваша сестра? – в отчаянии выпалил он.

– Эта леди, безусловно, моя младшая сестра, Летиция де Молино, – кивнул брат. – А что, собственно...

– Значит, ты и правда ее вызвал? – скрежетнула Марита.

– Да, я ее вызвал, – подтвердил Тристан – в голосе его отчетливо перекачивалось раздражение.

– Леди... Летиция... – титул дался инспектору с немалыми усилиями. – Будет жить здесь? Скажу точнее: можете ли вы поручиться, как глава рода, что ваша сестра не покинет

Приморск без разрешения властей?

– Что она успела натворить? – взвилась Марита.

Я поглядела на нее почти одобрительно: не видела меня пятнадцать лет, но до сих пор точно знает, что натворить я могу!

– Скорила демонам Междумирья беззащитных пассажиров поезда, – покаянно вздохнула я.

– Это невозможно! – Тристан поглядел на меня дико, я на него – задумчиво. Вот всегда он был формалистом – никакой инициативы и творческого подхода.

– Леди... несколько преувеличивает, – выдавил Баррака.

«Чуть-чуть... – мысленно признала я. – Всего одну пассажирку».

– Она нас всех ночью убьет! – твердо объявила невестка и прошлась взглядом по лестнице – получится упасть в обморок или нет. Но мы все стояли на ступеньках и Марита передумала.

– Мне кажется, ваши другие родственники... вам не слишком рады, кухня? – дотрагиваясь до моего локтя, негромко поинтересовался Улаф. И решительно заключил. – Лучше вам поехать со мной в гарнизон. Гюрза будет рада вашей компании.

На лице Мариты было написано, что да, со змеями мне самое место.

– Да. Моя личность подтверждена, с братом все в порядке... – я окинула Тристана взглядом. Не все, но ведь и не

умирает? Или все же... Я тоже решительно подвела итог: – В гарнизоне мне будет лучше, – взяла Улафа под руку, и мы просто пошли вниз по лестнице.

Вслед мне донесся облегченный вздох Мариты.

– Стойте! – крик брата догнал нас уже почти внизу. – Ле-ди де Молино не может жить... в гарнизоне! Неизвестно с кем...

– Я – родственник Тормундов, госпожа Гюрза – офицер медицинской службы и респектабельная замужняя дама.

– А за кем она замужем? – немедленно заинтересовалась я.

– За ротмистром Ка Хонгом, – удовлетворил мое любопытство он. – Все приличия соблюдены, – и повел меня дальше.

– Но... Я в любом случае более близкий родственник! – завопил Тристан... и входная дверь с грохотом захлопнулась у нас перед носом, полыхнув сине-зеленой искрой.

Банг! Банг! Банг! Распахнутые окна принялись захлопываться одно за другим, стреляя под мозаичные своды яркими искрами. Обширный холл рухнул в сумрак и тут же засверкал от вертящегося под потолком хоровода искр – по полированному мрамору стен заметались гибкие зловещие тени, а дом наполнился стонущим гулом, будто где-то гудела громадная морская раковина. Тристан черным зловещим силуэтом застыл наверху лестницы, озаренный переливающимся сине-зеленым ореолом – короткие злые протуберанцы то и

дело разлетались в стороны и снова втягивались во тьму.

– Летиция из рода де Молино останется в резиденции своих предков и не покинет ее, пока не получит дозволения властей и главы рода! – голос брат, вдруг ставший пронзительным, как полковая труба, и тяжелым, будто гробовая плита, рокотал под сводами дома де Молино, и стены отзывались ему тягучей дрожью. – В чем ручаюсь, я, Тристан, лорд де Молино, естественный глава рода, защитник и покровитель! Все ли слышали волю мою?

– Слышиим! – вздохнуло море вдалеке. И деревья в саду. И стены дома. И гравий на дорожке. И Костас. И Марита. И... и я.

– Исполнять! – гроыхнуло громовым раскатом.

Мгновение стояла оглушительная тишина – лишь искры трещали пронзительно, как цикады в саду. Свечение вокруг Тристана начало медленно гаснуть, а темный силуэт, наоборот, набирать красок, из пятна непроницаемой мглы превращаясь в человеческую фигуру. Искры под потолком рассыпались беззвучным фейерверком, а потом медленно и тихо отворились окна. Внутрь деликатно вползли сумерки.

– Мнеэ-э-э... – только и смог протянуть бедняга Баррака.

Я лишь тихонько вздохнула. Каким бы сложным ни было мое настоящее, аристократического прошлого достаточно, чтоб понимать, когда сделать уже ничего нельзя и остается лишь одно – держаться с достоинством.

– Мои вещи. Завтра с утра. Надеюсь, ночи вам хватит,

чтоб завершить все проверки, – напомнила инспектору я. – Кузен Улаф... Благодарю за заботу, если бы не вы...

– Если бы не вы, меня и моих людей бы сожрали, – отрезал он. – Я слишком высоко ценю свою и их жизни, чтоб считать ценой благодарности разговор с полицией, и прогулку в экипаже!

Я кивнула: ответ был ожидаемым, но приятным, а благодарить дальше означало намекать, что северянин ценит свою жизнь слишком дорого.

– Тогда жду вас к завтраку! Вместе с Гюрзой, Ка Хонгом и всеми, кто захочет повидаться!

– Она что теперь: будет приглашать в наш дом гостей? – прошептала Марита.

– Если уж брат так хочет, чтоб я осталась здесь, и правом главы рода запер меня в четырех стенах, то по закону должен заботиться о моих нуждах, – хмыкнула я. – А я очень, очень нуждаюсь в друзьях.

У Мариты вытянулось лицо. Занятно... Она хоть и купеческая дочь, но неужели за годы брака так и не разобралась в родовом праве?

– Зачем же в стенах... По поместью можешь гулять... Оно же тоже – резиденция...

Тристан был смущен и раздосадован: то ли тем, что сделал, то ли тем, что ни запереть меня в комнате, ни тем более прикопать под кустом не получится – завтра сюда явится и полиция с моими вещами, и армия с благодарностью за спа-

сение.

– Ну, милочка, ведите! Где тут теперь моя комната? – командовала я выглядывающей из-за перил бледной горничной.

И пошагала вверх по лестнице. Мимо вжавшейся в стену Мариты. Мимо брата, метнувшегося с моей дороги так стремительно, что чуть через перила не перелетел! Поднимаясь по с детства знакомым ступенькам, вспоминала, как у отца с мамой, особенно если вдвоем, не искры, а целые световые ленты из ореола разлетались, а ГОЛОС гремел так, что барабанные перепонки лопались! Тристану родовой алтарь отзывался откровенно слабо.

А комнату для меня не приготовили.

Глава 12

В гостях у себя дома

Горничная вставила ключ в замок. Из распахнутой двери дохнуло застоявшимся воздухом, и запахом прели – будто в комнате ворох мокрых тряпок забыли... примерно месяц назад... там они и сгнили... Осветительный шар под потолком не вспыхнул, как положено, а начал медленно разгораться, шелкая, и то и дело затухая, словно раздумывая, а не погаснуть ли совсем. Я остановилась на пороге, оглядывая скудно обставленную комнатку и демонстративно зажимая нос. Щадить самолюбие дорогой невестки было бы напрасной и вредной благотворительностью.

– Откройте окна, Тита! – из-за спины отрывисто бросила Марита, – и поторопитесь, пока наша дорогая Летиция не посчитала вас копушей... с высоты собственного опыта. Шутка ли, в столичном особняке служить. Там горничных муштруют не в пример нашей провинции – чуть где пыль найдут, сразу оплеуха! Верно... дорогая?

Я медленно обернулась.

Марита впиалась взглядом мне в лицо, словно надеясь найти на нем следы всех полученных мною в жизни оплеух.

– Раз даже Марита знает, что я – горничная...

Возившаяся с наглухо запечатанными ставнями Тита по-

косилась на меня и насторожила уши.

– Что значит – даже... – Марита вскинулась как конь, слышавший боевую трубу. Как кобыла. Ну правда, есть в ней что-то лошадиное – в изгибе шеи, в вытянутой физиономии... Или я просто не люблю Мариту?

– То мастер О’Тул с вами связывался и что я приезжаю – сообщил, – продолжала я, переводя взгляд на переминающегося рядом с ней брата. Вся величественность, окутавшая его при обращении к алтарю, свалилась, как упавший с плеч плащ – теперь это был обычный немолодой мужчина с брюшком и плешкой, похожий и одновременно не похожий на того брата, которого я помнила, – но меня даже не встретили, – я горестно покачала головой.

– Я отправил коляску. В Мадронгу. Заранее. Мы же не знали каким именно поездом ты приедешь, – проворчал брат. И с упреком добавил: – Но ты не приехала!

– Вместе с поездом... – теперь я покивала – для разнообразия. – А выяснять и разыскивать вы не стали.

Род де Молино, конечно, не самый значимый на юге, но и не из последних. Начни Тристан меня искать, это изрядно облегчило бы мне жизнь. Уж точно избавило бы от неприятных минут в обществе Барраки и Зарембы.

– Неужели нельзя предоставить моей сестре что-то... поприличнее? – вместо ответа брат накинулся на Мариту. – Вы же готовили сегодня какие-то комнаты – недаром весь день пыль столбом!

– Комнаты – для гостей! – Мариту откровенно перекосило. Похоже, брат нечасто выводит ее в свет – совсем не умеет держать лицо. Или просто не считает нужным со мной?

– Да-да, Летиция – член семьи! – поторопился сгладить неловкость Тристан.

Мариту перекосило еще больше. Горничная принялась перетряхивать постель. Кажется, у нее даже чепчик шевелился от желания не упустить ни слова из господского скандала.

– Семьи – сомневаюсь... – я задумчиво уставилась на желтую от старости простынь, – а вот рода – несомненно. Раз ты смог воздействовать на меня через алтарь.

– Тита! – Марита взвизгнула так, что напуганная горничная выронила простыню. – Выйди вон!

– Леди, но я... – Тита растянула на руках еще не перестеленную простынь.

– Пошла вон! – рявкнула Марита и уже сквозь зубы процедила. – Дорогая Летиция сама справится, она умеет...

Горничная торопливо присела в книксене и вылетела вон, напоследок одарив меня очередным любопытным взглядом.

Марита обернулась ко мне и лицо ее стало откровенно страшным.

– Изззздеваешшшься? – прошипела она. – Радуюсь, что я так и не вошла в род? Потому что мой ребенок... мой мальчик... умер, едва успев родиться! Что же ты за дрянь такая, ты... – она вдруг слепо кинулась на меня, норовя достать

ногтями глаза.

Не добежала – Тристан сгреб ее в охапку, прижал к себе:

– Ну тихо-тихо! Тихо, милая...

– Тихо? – Марита забилась в кольцо его рук. – А она как радовалась, когда узнала? Тоже тихо? Или прыгала от счастья, что у нас горе? – из глаз ее градом катились слезы. – Радовалась ведь, да? Радовалась, что я больше не могу иметь детей, что у рода нет наследника? Что меня так и не принял родовой алтарь? Что ты по-прежнему единственная настоящая леди де Молино, а я только на казенной бумаге, а не перед родовым алтарем?

– Марита, успокойся... Марита... – Тристан с неожиданной силой прижал ее голову к своей груди, запустил руки в волосы – выпавшие шпильки посыпались на ковер. Поверх растрепавшейся головы супруги бросил на меня тяжелый взгляд – как камнем швырнули.

– Мне... Мне очень жаль, что ваш сын умер, – аккуратно подбирая слова, сказал я. Их и впрямь было жаль – как было бы жаль любого, пережившего настоящую трагедию: на мгновение болезненно сжимается под грудью и тут же мелькает эгоистичное «Только бы не со мной!». Нет-нет, мне вполне достаточно своего! – В каком году это произошло?

– Мой сын родился и умер в конце травокоса шестьсот пятьдесят третьего от Первого Обретения Алтарей, – сквозь зубы процедил Тристан.

– Не делай вид, что не знаешь! – снова пытаюсь вырваться,

выкрикнула Марита.

– А что еще произошло в конце травокоса пятьдесят третьего? – со злобной ласковостью спросила я. – Наменяю, со всей империей произошло.

– Алеманцы вторглись в северные провинции, – раздраженно рыкнул Тристан. – Причем тут...

– А где я была в травокосе пятьдесят третьего, когда алеманцы вторглись в северные провинции? – еще злее и ласковее пропела я.

Кажется, он, наконец, понял. Кажется, Марита тоже поняла – она вдруг замерла, прекратив вопить и вырываться, и извернулась в руках брата, пытаясь посмотреть на меня. А он стиснул пальцы на ее плечах, не отрывая от меня взгляда, и быстро выпалил:

– В Академии, в столице.

– В Академии, – кивнула я, – но не в столице, а в Северной. Как раз заканчивала...

Даже закончила уже. Мы собрались в зале, чтоб получить наши магистерские дипломы, и впервые за два года со времени побега из дома, на мне была не казенная форма, а платье. Денег на него не было совсем, но моя единственная столичная подруга Матильда тряхнула матушку, тетушек, подружек и прислала мне отрез ткани, совершенно изумительной, мягкой, как масло, и роскошной, как солнечные лучи сквозь летнюю листву. Шилась она легче легкого – низ обработать, да на плечах присборить, – и украшений не надо. Чувствовала

я себя в нем совсем как раньше, на первом моем домашнем балу – даже лучше, чем раньше! – потому что все это было только мое. Я сама справилась со всем: с неприятием чужачки, получившей стипендию в обход настоящих северян, со снисходительным презрением к иллюзору и слабосилку, с программой, здорово отличающейся от столичной, особенно по части специфической, чисто северной магии. Когда справилась с магией, стало полегче: слабосилком я быть не перестала, но во мне хотя бы признали северную кровь, а дальше я два года выезжала на безумных сочетаниях северных и южных приемов, и отточенной в столичной Академии теории. Еще я знала, что теперь я магистр, а значит, никто не сможет меня ни к чему принудить помимо моей воли, даже власть главы рода надо мной теперь весьма условная. Особенно если в доме не показываться, но зачем бы мне? Вся жизнь передо мной, все дороги, все возможности, и Ярвуд с потока боевиков, воздушный маг (дипломированный уже!), пригласил меня на этот бал, и...

На сцену парадного зала поднялся бледный, как свежештукатуренная стена, ректор и сказал, что алеманцы перешли границу. Что от наших полков на передовой ничего не осталось. Что их авангард уже на подступах к городу.

– Так что, Тристан, в последних днях травокоса пятьдесят третьего года я не только никак не могла узнать о вашей беде, но мне еще и хватало собственных. Радоваться вашим не было ни причины, ни желания, ни возможности, – язвитель-

но прощадил я. – Я и вовсе тогда думала не о вас!

Только вернувшись в столицу, я узнала о его беде и... уже не смогла опечалиться. Слишком много всего произошло с тех пор, и продолжало происходить: и все три года войны, и после, а когда жизнь хоть как-то устоялась и успокоилась, выражать соболезнования было уже по меньшей мере глупо, а то и оскорбительно. Впрочем, что это я? Они вот даже не знали, где я во время войны была!

– И... как же ты? – на лицо брата можно было смотреть как в калейдоскоп в нетерпеливых детских руках. Одно выражение сменяло другое с такой стремительностью, что и не разберешь: смятение, и злость, и, кажется, вина, и раздражение, и стыд, и вроде бы пренебрежение, и снова злость...

– Как? Плакала каждую ночь: все надеялась, что придет мой сильный, смелый и влиятельный старший брат, и вытащит меня оттуда! К шагам прислушивалась – не идет ли...

Тристан... покраснел. Совсем чуть-чуть, кончики ушей вспыхнули, но было, было...

Да, я злая, циничная и как почувствовала слабое место – так сразу и ударила, и пусть лежачих не бьют, зато их... добивают. А то ведь встанут потом – пожалеешь.

Я ведь и не вру. Почти. Я действительно очень ждала Тристана – в первый год в Северной Академии. Мечтала о том, как он придет, как скажет, что все понял, и больше никогда-никогда не станет меня принуждать, и я смогу вернуться домой. А Марита, вот эта самая Марита клянется если не

заменить мне мать, то стать старшей сестрой... Потом приходила в себя от мечтаний, и понимание, зачем был заключен мой брачный договор, заставляло меня не ждать, а содрогаться от ужаса – вдруг Тристан и впрямь придет! Даже в выходные в город не выходила, ведь с территории Академии меня точно не могли забрать. А потом пришла война и принесла с собой такой непревзойденный ужас, что все другие страхи мгновенно превратились в милые воспоминания.

Марита посмотрела на меня, на Тристана, всхлипнула, вырвалась из его объятий и подхватив юбки, кинулась прочь.

– Поздно уже, ты наверняка устала, – торопливо пробормотал брат. – Ты сегодня тут переночуй... уж как-нибудь... а завтра мы все решим... Марита! Марита, стой!

Я проводила его взглядом – а ведь эти двое пока еще никакие не лежачие! – послушно шагнула в комнату и позволила двери захлопнуться у меня за спиной.

Глава 13

Леди на карнизе

В комнатке по-прежнему воняло прелью. Осторожно ступая по мерно поскрипывающим половицам, я обошла ее всю. Хотя обходить там было нечего.

Раз – кровать, с содранной, но не заправленной верхней простыней. Набитый конским волосом матрас, перину, шерстяные одеяла, переложенные верхними и нижними простынями, не проветривали... долго, в общем. Судя по запаху и омерзительному ощущению от одного прикосновения – очень долго. Фестоны на когда-то нарядной наволочке печально поникли.

Два – толстопузый комод на гнутых ножках. Шкафа нет, но мне и в комод нечего положить – саквояж остался в полиции. У меня ни сменного платья, ни ночной рубашки, ни свежего белья. Панталоны, выехавшие на мне из столицы, почти побывали со мной в Междумирье, переночевали на полу багажного отделения Приморского вокзала и пережили визит в полицию. Если бы Баррака все-таки залез ко мне под юбку, они бы там встретились – инспектор и панталоны. Буду считать, что у Барраки передо мной долг жизни. За то, что я сбежала и спасла его от этой встречи.

Но сейчас нам с верными панталонами уж точно пора рас-

статься и... никак. Если в поместье за прошедшие пятнадцать лет и обустроили ванные, к этой комнатке пристраивать не стали. Но и ширмы, за которой по старинке прячутся кувшин для умывания и таз, не оставили. Кувшина и таза без ширмы – и тех нет! Я даже на месте покружила и... нет. Раньше, в пору моего детства, гости звонили, и прислуга приносила небольшую сидячую ванну. Специальный красный ковер раскладывался перед разожжённым камином, слуги ведрами натаскивали воду... Да-да, я подглядывала... один раз... в детстве. К нам завернули лорд де Орво с сыновьями: они на охоте умудрились провалиться в болото, а наше имение было ближе всего. Помню, как я испугалась, когда они ввалились на лужайку перед домом: если самого лорда и его старших сыновей присохшая болотная жижа покрывала кого по пояс, а кого – по плечи, то младший, одиннадцатилетний Криштоф тогда ухнул в топь с головой. И мне очень хотелось удостовериться, что под этой жуткой зеленой коркой и впрямь скрывается мальчик, а не выползшее из тины чудовище!

Мальчик был очень симпатичный – типичный яркоглазый и черноволосый южанин, мой идеал тех лет. Я так надеялась, что утром встречу с ним за завтраком, платье с кружевом велела достать, позволила горничной повязать бант, хотя обычно их терпеть не могла. А де Орво взяли и уехали ночью, и он даже не узнал, что мне понравился! Через месяц мне тоже исполнилось одиннадцать, и я уехала в столи-

цу, на подготовительный курс Академии. А к восемнадцати я уже соображала достаточно, чтоб понимать – девушкам от де Орво лучше держаться как можно дальше. Даже от тех из них, кто в отмытом виде вполне симпатичные.

Так, что это я тут замечталась об отмытых де Орво, когда собиралась отмыть себя! Переносная ванна и красный ковер недоступны, потому что звонок в эту комнатенку не провели. Сразу было понятно, что комната не гостевая, интересно, кто тут отказался жить – экономка или старшая горничная? Обычную прислугу по двое селят... хотя не интересно. Ладно, если ванна не идет к грязной мне, грязная я пойду искать ванную! И пусть Тристан с Маритой не обижаются, даже если я найду ее в их супружеской спальне!

Я схватилась за ручку двери... дверь не шевельнулась. Толкнула еще и еще – замок едва слышно лязгнул. Меня попросту заперли.

Я отступила, и посмотрела на дверь укоризненно – будто та могла усовеститься и открыться. Вот как так можно? А если мне не помыться надо, а... Я круто повернулась на каблуке и ринулась к кровати. Рухнула на колени, торопливо перебирая свисающие «хвосты» простыни, и заглянула под кровать. Плюхнулась на давно немытый пол и простонародно хрюкнула от смеха. Под кроватью ничего не было! Леди, конечно, положено делать вид, что она не испытывает низменных физиологических потребностей... но похоже, в доме брата думают, что я настолько леди... что и впрямь их не

испытываю!

Я подошла к распахнутому окну и на миг замерла, рассматривая сплошную россыпь крупных, мохнатых звезд на черном бархатистом небе. Как же их много, совсем не то что в столице! И воздух пахнет йодом и ночными цветами, цикады стрекочут... Хорошо! Я еще раз вдохнула полной грудью и перегнулась через подоконник, прислушиваясь к отдаленному гулу голосов. Наверняка меня обсуждают. Избаловались они тут, привыкли к леди. Иначе не стали бы запира- рать дверь при открытых окнах всего-то на втором этаже.

Я вернулась к кровати, вытащила наверх выглядящие по- свежее нижние простыни, стянула чулки и туфли, и рухнула на кровать. Комковатый матрас был не многим лучше пола в багажном отделении, но часик придется подождать, пока обитатели дома хотя бы разбредутся по комнатам. Будем надеяться, что свалявшиеся до плотности булыжника комки не дадут мне уснуть.

Я еще поерзала, пытаюсь пристроить многострадальную себя на этом пыточном ложе, поняла, что безнадежно – если отползти от твердого и бугристого, как кулак, комка под спиной, сразу несколько упрутся в плечи и бедра. Зато никто не допрашивает, не надо драться, бежать, ехать, мчаться... Самое время подумать.

Итак, что мы имеем? Пятнадцать лет братец жил, нима- ло не интересуюсь, где обретается вторая представительница нашего маленького рода. Что я жива, он знал – по родовому

алтарю такое сразу становится понятно. Еще одно преимущество аристократии: алтарная кровь дает не только магию, но еще и выносливость, большую, чем у любого простолюдина. А сам алтарь – возможность выжить там, где неизбежно умрут другие. В войну через алтари даже смертельно раненных вытаскивали. Если в полевом госпитале очередной полутруп вдруг начинает оживать, значит, где-то в родовом особняке родичи к алтарю сбежались и родной кровью поливают. И один раз... да, один раз и Тристан сделал это для меня. Я помню тот неожиданный, резкий прилив сил, когда перед уже затянутыми пеленой глазами мир словно вспыхнул, став ясным и отчетливым, а в жилы хлынуло тепло. Если бы не это, я бы тогда не выжила. Если бы не это, я бы сюда не поехала. Вру. Поехала бы... Ладно... Оставим сентиментальщину... Крови Тристан в тот раз не пожалел, жизнь мне спас, но больше мной не интересовался – когда через год после войны я подыхала на больничной койке от воспаления легких, никакого особого прилива сил так и не случилось. С постоянным недоеданием, не проходящей усталостью, и нехваткой лекарств мне бы кровная помощь ох как пригодилась. Так, и это оставим, вернемся к делу... Не интересовался, не интересовался, и вдруг так заинтересовался, что О’Тул, бессменный поверенный рода еще со времен прадедули де Молино, принялся разыскивать меня не просто по всей империи, а даже до Матильды во Франконии добрался. Нашел, вломился в особняк члена Имперского совета и...

наврал, что Тристан умирает. Лишь бы затащить меня сюда.

Нет, зачем, я догадывалась – не зря же на фабрику заезжала. Члены старых родов чаще всего сильные маги, но могут и оказаться слабосилками, вроде меня – такое случается сплошь и рядом. Почему – никому неизвестно! Если появление слабеньких магов среди обычных людей объясняют дальним родством с алтарными фамилиями и пробудившейся кровью, то почему у двух слабых алтарных магов вдруг рождаются дети неслыханной мощи, и наоборот – один алтарь знает! Но молчит, зараза такая... Исключением всегда был лишь глава рода, который силен... скажем так, по должности. Ведь в его распоряжении вся магия алтаря... если, конечно, алтарь им доволен.

Похоже, наш родовой алтарь посадил Тристана на «сухой паек». Звание главы рода штука не простая... Власти над родичами много дает, но и спрашивает изрядно, а пригодность главы измеряет благополучием рода и довольством родичей. Сказать просто, а попробуй, добейся! Хрестоматийный случай столетней давности, во всех учебниках по родовому праву записан, когда глава Стилвудов беспутного племянника в армию отправить пытался, а то видано ли дело, пьески кропает, род позорит! Силой везли, только тот все равно сбежал. Через пять лет пьесы Артура Стилвуда по всему миру ставили, говорят, алтарь у них тогда так сиял, что глазам больно, а вот бывший глава доживал свой век без доступа к магии. Или вот степные Ка Муанги, которые повадились

девиц своих замуж выдавать, не спрашивая их мнения, зато во благо рода – как они его, это благо, понимали. Пока такая невеста поневоле была одна, ну две, алтарь сиял: горячую ярость степнячек перекрывала выгода для остальных родовичей. Но потом Ка Муанги разгулялись, и недовольных невест можно было считать десятками (да-да, девиц у рода был явный избыток!). И прежде, чем они успели родить своим мужьям детей и привязаться к новым алтарям, у Ка Муангов – хлоп! Их собственный родовой алтарь погас. Как уж они там его разжигали, история умалчивает, но род за пятьдесят лет так толком и не оправился. А у нас все и вовсе просто и печально – раз Марита к алтарю не привязалась, де Молино всего двое – Тристан и я. А значит, ровно половина рода главой недовольна!

Результат – энергии не хватает даже на одну фабрику. Но почему он принялся искать меня именно сейчас? Если судить по состоянию фабрики, упадок начался не вчера. И даже не пять лет назад. Но Тристан все это время мной не интересовался. На что рассчитывал? Что Марита все же родит и вслед за ребенком войдет в род? Появится наследник и ситуация сразу изменится в пользу Тристана? Возможный вариант.

Брату я нужна, чтоб усилить алтарь. Как он собирается со мной договариваться – не знаю, и гадать не буду, сам скоро скажет. Он меня ищет, я к нему еду и... и старуха с ножом нападает на меня в купе. Брата подозревать глупо. У него

проблемы, но не настолько же он отчаялся, чтоб покончить с собой самым болезненным из возможных способов: как глава, виновный в уничтожении половины рода.

Но старуха была и напала. Марита моему приезду явно не рада, но... с комнатой подгадить или сторожу велеть не пускать – это ее уровня пакость. Но где бы так и не вошедшая в род купеческая дочка, леди только по бумагам, отыскала убийцу, которая знает, что кровь мага может разрушить особое стекло поездов Междумирья? Я уровень секретности этих сведений даже вообразить боюсь! Если кто и знает, так лично Его Императорское Величество, вряд ли ниже, и... маги-дорожники.

Или я тут и вовсе не при чем, уничтожить хотели поезд, а я просто со свойственной мне удачей оказалась рядом? Да, да, и так не понравилась убийственной старушке, что та только глянула – и тут же решила меня зарезать! При этом точно зная, что я маг и моя кровь разрушит стекло.

Я еще немного покрутила такой вариант, и поняла, что с размышлениями надо заканчивать – фактов, чтоб до чего-то толкового додуматься, у меня не хватает, а обременять голову бесполезными мыслями мне по статусу не положено: и как леди не положено, и как горничной не положено, и вообще... от меня воняет и мне это надоело! Если кто в доме еще не спрятался, я не виновата.

Я решительно спрыгнула с кровати – та длинно и протяжно заскрипела, так что я от испуга замерла, балансируя на

одной ногое. Вот спасибо дорогой невестке, а если бы во сне так? Поседела бы от ужаса! Бурча, как старая бабка, я запровила подол юбки за пояс – здравствуйте, дорогие мои панталоны, потерпите еще немного, я все делаю, чтоб мы с вами наконец расстались! – подхватила ботинки и... ступила на тянущийся вдоль всего второго этажа узкий каменный карниз. Я тут в детстве лазила, и сбежала из дома тоже через этот самый карниз, только из во-он того окошка, и... а-а-а... это было пятнадцать лет назад!

Клятые демоны! Или нога у меня выросла, или карниз стал уже – я на нем не помещаюсь! Я широко раскинула руки и попыталась распластаться по стене... грудь спружинила, и меня чуть не опрокинуло навзничь. Внизу, конечно, кусты. Не везде. С моим везением как раз подо мной никаких кустов не окажется, полечу спиной на белые плиты дорожки. Немедленно захотелось посмотреть вниз, сдержаться удалось только усилием воли.

В своей самоуверенности я так шустро выбралась на карниз, что теперь возвращаться обратно так же опасно, как и идти вперед! Не отрывая ноги от камня, еще теплого после долгого солнечного дня, я сделала крохотный шагочек вперед... Ра-а-аз... Платье прошуршало по стене как змеиная шкурка. Ветерок, которому я так радовалась из комнаты, легонько толкнул меня в бок – как кот лапой. Я со свистом выдохнула и снова попыталась всем телом прилепиться к ноздреватому камню. Спокойно, спокойно... Я же по горам лази-

ла... ага, десять лет назад! И веду активный образ жизни... два-а-а... я не какая-нибудь изнеженная леди... трии-и-и... хожу много... по лестницам... вверх-вниз... Ой, нет, только не вниз, не смотри вниз, не...

Все. Я больше не могу, я дальше не пойду, я боюсь!

Оторвать прижатые к стене ладони невозможно, сделать шаг невозможно, ветерок налетел сильнее и боднул в бок, я открыла рот, намереваясь заорать... И закрыла. Представила, как на мой крик из дома выбегают люди... и Марита, запрокинув голову, любитесь моим грязными панталонами. Пока меня снимают с карниза как застрявшую на крыше кошку.

Я рванула вдоль карниза с такой скоростью, что снова налетевший ветерок только и успел слегка подтолкнуть... и вот я уже цепляюсь за проем соседнего окна, с размаху бью ладонью в раму... удерживающий ее крючок с негромким хрустом разломился, створка распахнулась, и... хрипло дыша я перевалилась через подоконник внутрь соседней комнаты! Фффууух!

Я еще посидела на полу, разглядывая излом валяющегося рядом оконного крючка. Надеюсь, это не на фабрике де Молино такие хлипкие производят? Зря надеюсь, вот клеймо. Я тяжело вздохнула и цепляясь за подоконник, наконец, поднялась, обводя взглядом комнату. Мою, между прочим, бывшую детскую! В которой теперь мне места не нашлось. А нашлось... кому-то другому. Потому что комнату явно го-

товили.

Пахло паркетным воском и свежестью. Из-под покрывала на кровати выглядывал край свежего белья. А кровать моя-я-я! Нет, правда, моя-моя-моя, изголовье с мишками, вот этого я всегда гладила перед сном, чтоб страшного ничего не приснилось! Я провела кончиками пальцев по отполированной моими детскими ладонями спинке забавного резного медвежонка, и неожиданно всхлипнула. Здравствуй, Мишук, хранитель моих снов! Что ж ты здесь, когда был так нужен мне там... тогда... во время войны... да и после... и... Капля лягнулась медвежонку прямо на задранный нос.

Я ухватила белоснежный край простыни и решительно вытерла глаза. Все, хватит-хватит! Ну и кого это собираются поселить в моей спальне? Марита сказала – гости, но на моей девичьей кровати больше одного человека не поместится... А, поняла! Агата!

Когда Тристан объявил, что женится, отец был в ярости. Наследник рода, и... вдова купца. С маленьким ребенком! Девочкой! А значит, из наследства по тогдашним законам им не доставалось практически ничего, все прибрала родня. К счастью, отец самой Мариты, тоже купец, оказался человеком не бедным и понимающим, какая честь оказана его дочери. Да и мама всегда поддерживала приемного сына – даже против отца. В конце концов, все утряслось, приданое Мариты влилось в семейное дело, а сама Марита перебралась в поместье вместе с трехлетней Агатой.

Я была в Академии и за великими переменами следила только по маминым письмам. Я и Мариту видела всего три раза: на свадьбе, потом на маминых похоронах, и наконец, на папиных. Агату не помню совсем... Сейчас ей должно быть около восемнадцати? Столько же, сколько мне в год побега. Ну и почему нежное дитя не в своей комнате? И похоже, вообще здесь не живет... потому что шкаф зиял вопиющей пустотой. Если не считать стопки полотенец... И... Я застонала от восторга: новехонького домашнего костюма южанки! Немножко чересчур вычурного и яркого, такие приезжим из столицы обычно нравятся, соответствует их пониманию истинного южного стиля: юбка на корсаже широченная и ярко-алая, блузка с чересчур пышными рукавами и избытком бессмысленной вышивки. Но они чистые! И мы поменяемся по-честному! Я торопливо содрала с себя платье, нижнюю рубашку, корсаж... и да! Мы расстаемся с вами, мои старые, верные друзья-пantalоны! Мне будет вас не хватать, серьезно будет... но я надеюсь, завтра полиция все же вернет сак-вояж, и я найду вам замену.

Я бросила грязные вещи на дно шкафа – надеюсь, с одеждой гостей здешняя прислуга управляется лучше, чем с комнатами... и ринулась в ванную, мою старую, привычную ванную, с до умиления знакомым дельфином на стене, и... Тристан все-таки провел водопровод! Я захлопнула за собой дверь, чувствуя, что улыбаюсь, как безумная.

Глава 14

Все сплетни родового гнезда

Я затянула корсаж юбки. Блузка на спине слегка подмокла от влажной косы, но что поделаешь, сушилки в ванной не было. Не удивительно, стоит этот новомодный артефакт изрядно, с жалования горничной точно не купишь, а сюда, в провинцию, сушилки могли еще и вовсе не дойти. Напоследок еще раз прошлась полотенцем по слабо заплетенной косе. Я готова на подвиги! А подвиги будут, встречаться с Тристаном не подготовившись – по меньшей мере глупо, по большей... вот не знаю, что может случиться по этой самой большей мере, но точно какая-нибудь пакость.

Дверь была заперта на обычный поворотный замочек, спокойно открывающийся изнутри. А вот внутреннего засова не было совсем, запирайся-не запирайся, комнату всегда можно открыть снаружи хозяйским ключом. То есть, кто б тут ни жил, к нему можно вломиться в любой момент. Забавно...

Я тихонько распахнула дверь, огляделась... пара светильников с приглушенными почти до невидимости огоньками, не столько рассеивали, сколько сгущали мрак. Но на первый взгляд вроде бы никого... Я выскользнула в коридор, привычно накидывая на себя иллюзию... и тут же торопливо ее

сбросила. У меня отчаянно зачесался нос.

Анти-иллюзорный артефакт! Предельно дешевый, намного хуже того, что был в полицейском участке. Только от дешевки бывает такая вот почесуха. Удобно – для меня: иллюзию я успела сбросить раньше, чем артефакт хотя бы звякнул. Но неприятно: я потеряла засвербевшие ладони, поскребла щеку. Ну и где эта гадость? Над соседней дверью – той самой «кладовки», где меня поселили – притолоку украшала гипсовая раковина. Если учесть, что никакой другой лепнины в коридоре не было... мдаааа... Зато не могу жаловаться, что к моему приезду не готовились. Готовились, просто не совсем так, как мне бы хотелось.

Я еще раз огляделась – артефакт мог быть не один. Что ж, обойдемся без иллюзий. Я двинулась по полутемному коридору на звук доносящихся издалека голосов.

Когда-то за этой дверью был рабочий кабинет отца, а теперь, видимо, Тристана. Медленно ступая босыми ногами по слегка протершейся и не очень хорошо выметенной ковровой дорожке, я замерла у тонкой полоски света, падающей из-за плохо закрытой двери, и прислушалась к доносящимся изнутри голосам.

– Марита, я клянусь, со мной все в порядке! Я не болен, и ничего от тебя не скрываю! Наверняка это О’Тул придумал, чтоб Летиция приехала!

Спасибо, дорогой братик, ты успокоил все мои сомнения! А с мастером О’Тул я потом разберусь.

– А она и счастлива! Примчалась, стервятница! Небось, рассчитывает на наследство! – голос Мариты звучал приглушенно, видно, она сидела на другой стороне кабинета. – Еще и приглашает к нам каких-то... Чем я стану их завтра угощать? Почему ты ей не запретил? Почему она вообще ведет себя как... как у себя дома! – выпалила Марита и это был истинный крик души. – Если твоя сестрица-горничная так тебе нужна... держи ее хотя бы подальше от приличных людей! Для твоего же собственного блага!

– Хватит, Марита! – голос Тристана зазвучал устало. – Если бы о приезде Летиции не знал никто, кроме нас, я бы еще мог попробовать... слышишь, попробовать держать ее в доме! И то сомнительно, нас сдала бы хоть горничная, хоть кухарка... разве что мы бы Летицию в подвале прятали, как в твоих любимых криминальных романах!

Как интересно...

– А она приехала с полицией!

– Баррака тебя уважает... – пробубнила Марита.

– Настолько, чтобы покрыть преступление? Не говори ерунды... – явно отмахнулся брат. – Я и так по краю закона хожу! Указом Его Величества власть главы рода на ограничение передвижения можно применять только к несовершеннолетним и больным родовичам, да и то потом придется доказывать специальным инспекторам, что это было сделано для их же блага. Летиция на нас уже завтра может в суд подать.

Могу...

– Кто ей позволит! – презрительно фыркнула Марита.

– Баррака и позволит, со всем ко мне уважением, – саркастически хмыкнул Тристан. – А военный, с которым она в поезде познакомилась, еще и поможет.

– Шлюха! – яростно выплюнула невестка.

В кабинете помолчали, и наконец Тристан процедил, явно сдерживая откровенную злость:

– Дорогая, я надеялся, что ты уже избавилась... от издержек купеческого воспитания. Называя шлюхой члена твоего рода, ты позоришь нас всех. Включая собственную дочь!

– А я что, я молчу! – испуганно выдохнул кто-то так близко от приоткрытой двери, что мне потребовалось усилие, чтоб не отшатнуться.

Это Агата? Она все-таки живет здесь, и... для кого же тогда готовили комнату с пустым шкафом и запором, который легко открывается снаружи?

– Вот и дальше молчи! – решительно отрезала ее маменька. – Чтоб наши грязные купеческие языки не замарали единственную истинную леди де Молино! Которая прекрасно успела замараться и без нас! Удрала из дома, вместо того, чтоб как все порядочные женщины слушаться главу рода и выйти замуж! Шлялась невесть где, и нате вам, вернулась! Думаешь, твои завтрашние гости не узнают, что у тебя сестра – горничная? Да еще, оказывается, на войне была! Небось со всем полком там...

Раздался звонкий звук оплеухи. Рядом с дверью громко ахнула Агата.

В кабинете снова повисла тишина, а потом неверящий голос Мариты спросил:

– Ты... Меня ударил? Ты ударил меня! Из-за нее!

– Из-за твоей дурачности! – голос Тристана звучал одновременно зло... и виновато. – В этом ведь все дело, так? В гостях, верно? Сколько можно повторять – у нас нет другого выхода! Род должен жить!

– А я должна теперь всю жизнь терпеть в своем доме какую-то... какую-то... – голос Мариты прервался, и она бурно зарыдала.

Я озадаченно похлопала ресницами. «Всю жизнь терпеть в доме какую-то...»? Брат хочет, чтобы я... осталась тут? Ерунда какая...

– Марита, ну что ты... – виновато забормотал Тристан. – Не надо плакать! Для тебя ничего не изменится... Как была хозяйкой в доме, так и останешься...

– Это ты так говоришь! А она... – сквозь слезы прокричала Марита.

– А что она, ничего она, подумаешь – она... Самая лучшая – ты! Самая умная... самая замечательная... самая красивая... Прости меня, дурака, я не должен был... Прости... – судя по паузам, утешения перемежались поцелуями.

Если Марита от Тристана сейчас не сбежит, то Агату точно выгонят. Я рванула к лестнице. Оглянулась на скрипнув-

шую дверь...

Прямоком над притолокой кабинета висела еще одна гипсовая раковина. Я уцепилась за перила и почти скатилась вниз по ступенькам, на бегу давясь от смеха. Это гениально! Развесить по всему дому анти-иллюзоры... и ругаться при фактически открытой двери в кабинет!

Хотя да, меня же на ключ заперли, как я могла забыть!

По застилающему ступеньки полотну я бесшумно сбегала на первый этаж и скользнула в сторону кухни. На меня привычно дохнуло, кажется, въевшимся в пол и стены запахом щелока, и витающим в воздухе ароматом выпечки. Все кухни пахнут одинаково.

– Как это леди... и вдруг горничная? Может, леди Марита того... выдумывает? Видно же, что она эту... сестру лорда... зубами порвать готова! – раздался недоуменный девчоночий голосок.

Темный коридор разрезался надвое светом, падающим из настежь распахнутой двери кухни. Оттуда умиротворенно расплзались клубы пара – не иначе, посуду кипятили – и слышался стук тарелок. Слуги ужинали и сплетничали о господах. И конечно же, главной сплетней дня была я! Хоть бы дверь прикрыли... их не услышат и мне удобнее, а то вот как я на другую сторону коридора теперь проскочу? А мне туда надо!

– А что ей, бедняжке, оставалось делать? – раздался воинственный ответ. Я не видела, но была уверена, что его об-

ладательница решительно уперла кулаки в тугие бока.

На глаза опять навернулись слезы, так что даже губу закусить пришлось. Я этот голос сразу узнала. Флоренс! Она все еще здесь, в доме!

– Что они умеют-то, молодые леди, после своих Академиев! Росла ведь, как цветочек на окошке! – Фло шумно вздохнула. – Леди Ингеборга, благослови боги покойницу, дочку обожала, отец баловал, да и братец тогда тоже, казалось... Вместе-то они особо не жили: она маленькая была – он в столице учился, он вернулся – она учиться уехала, но на каникулах вроде как ладили, он ее гулять брал, пирожными кормил... И тут нате вам – брачный контракт! Она в ту же ночь в бега и кинулась, даже еды с собой не взяла! – в голосе кухарки прозвучало настоящее возмущение.

– Так ее что, замуж выдавали? – в резком голосе третьей женщины было возмущение. – Из-за этого она из ледей в убиралки подалась? Вот же ж дура!

– Замуж за де Орво, – внушительно ответила Флоренс... и в кухне повисло молчание.

– Правда, что ли? – наконец недоверчиво переспросила та самая, с резким голосом. – За ненормальных-то?

– Ну не за всех разом! – хмыкнула Флоренс. – За лорда Криштофа. Он тогда у де Орво меньшим был.

А теперь нет? – озадачилась я.

– Это чем же она так перед своим семейством провинилась? – протянула та, что с резким голосом.

– А тем, что когда молодая леди, Ингеборга которая, за старшего лорда де Молино замуж шла, они алтари-то... того... объединили, – с авторитетностью королевского герольдмейстера провозгласила Фло. – Без этого старый Тормунд, папаша ейный, в земли де Молина и гроша б не уронил, не то что фабрику строить. Ну и выходит, что лорд Тристан наш, хоть и кровный де Молино, а алтарю ихнему теперича не совсем родной. Леди Ингеборга его вроде как усыновила, даже главой рода после смерти отца смог стать, а все ж приемный сын пожиже кровного дитяти будет, – напевный рассказ Фло сопровождался мерным постукиванием ложки, в воздухе все сильнее пахло специями.

– А как старый лорд помер, от сестрицы, значит, избавиться решили, – деловито заключила та, что с резким голосом, – потому как она по обеим сторонам наследница выходит.

Вот такая я равносторонняя леди.

– Почему – избавиться? – с любопытством спросил молодой голос. – Лорд Криштоф красивый. И добрый, – стеснительно добавила обладательница голоса.

– Хлоп!

– За что? – вскричала девчонка, которой только что явно досталось полотенцем.

– За лордову доброту! – рявкнула Фло. – От которой у горничных навряд тебя живот на нос лезет!

– Не было ничего! – возмутилась девчонка. – Когда в том

году бал давали, он приезжал! Обходительный... – в голосе ее появились мечтательные нотки и сразу последовал новый хлопок полотенцем. На сей раз девчонка промолчала.

– В любовницы к де Орво еще можно – не хуже, и не лучше других, – хмыкнула «резкая», – а вот в же-е-ены... То не дайте боги!

– Да что такого-то? – вскричала девчонка.

– А то! Видала как нынешние леди де Орво, вдовы старших наследников ходят?

Вдовы? Сыновья лорда де Орво умерли?

– Видала – как нищенки! И глаза всегда в пол! – хихикнула девчонка. – Я думала, это потому, что вдовы! Мужей нет, вот и заступиться некому, а старый лорд де Орво, он... ну...

– Старый лорд, он, конечно, того... – я не видала, но была уверена, что обладательница резкого голоса покрутила пальцем у виска, – ...истинный южный лорд и хранитель устоев! По-ихнему баба, даже ежели из аристократок – навроде ребятенка полоумного или пуще того, собачонки. Воспитывать да дрессировать надо, и воли не давать. По нынешним временам старшего де Орво еще поприжали, он невесток разве что оплеухами потчует. А папашка его, тоже истинный и хранитель... – судя по выразительной паузе «резкая» много чего хотела сказать, но не сказала. Или сказала, но про себя, а не вслух. – ...женушку и кнутом, случалось, угощал и голодом морил.

– А до него так его папаша делал, и дед, и прадед, и все

де Орво, сколько их в людской памяти осталось. И живут их жены недолго, вон, мать нынешнего лорда Криштофа померла – тридцати не исполнилось, – буркнула Фло. – А наша маленькая леди и в столице живала, и образование имела! И вот ее – да в эту семейку?

– При таком раскладе и правда лучше уж в горничных! – встряла «резкая». – Мы, ежели хозяин дерется, в суд подать можем, а невестки старого лорда-сволочуги только приседают да благодарят за науку, когда он оплеухи отвешивает! И жалованье горничным на руки выдают, а свое приданое невестки де Орво разве что в день свадьбы видели, а потом все, тю-тю, на что старый хрен лапу наложил, считай, пропало!

Приданого не было. Странно, после всего, что случилось со мной в жизни, я отчетливо помню тот вечер, и брачный договор, составленный О'Туллом и уже подписанный братом. Это показалось мне тогда по-особенному, отвратительно обидным: что брат не дает за мной приданого и что выдают меня за младшего де Орво, хотя у старого лорда еще наследник и второй сын не женаты. Я всегда знала, что я уж точно не хуже, а может и получше других девушек: и пусть дар маленький, но ведь не сплетничаю да тряпки перебираю, а учусь. Так папа говорил. Гордился, что у меня первое место в Академии по магометрии. И по теории магии. Хвастался. А тут... будто я какая-то... настолько ничтожная, что не заслуживаю даже того, что есть у дочери любого поденщика...

мамина горничная с приданным замуж выходила, а я...

Это уже потом, в темноте своей комнаты – пусть думают, что наревелась и уснула!.. – утрамбовывая вещи в сумку, я сообразила, что невеста без приданого полностью переходит под власть главы рода мужа – был тогда такой милый закон, а законы я знала не хуже магометрии и теории магии. И понимала, что положение младшей невестки-бесприданницы в такой семейке как де Орво может оказаться хуже, чем у поденщицы на кухне. А в кабинете Тристана я просто скользила глазами по строчкам и думала: как он может! Папу же только похоронили, какая свадьба, какой брачный контракт и с кем – с де Орво, и... даже шкатулку с драгоценностями бабушки Тормунд в договор не включил! И очень хорошо, что не включил, без этого я бы, может, так быстро сбежать не решилась. И еще без его гримасы, когда я принялась лепетать, что хочу доучиться, и мама хотела, и папа обещал... Засевшая у стены в полумраке Марита на это звучно фыркнула, а у Тристана так искривились губы... что отправляясь к себе с наказом подумать до утра и перестать дурить, я уже просчитывала, удержу ли иллюзию до сейфа в старой маминной комнате.

И ведь удержала же, на одной злости удержала! Те украшения меня потом ох как выручили, без них бы я до Северной Академии и не добралась. Да и сейчас бы не помешало дальше двигаться, а не предаваться печальным воспоминаниям под дверью, рискуя, что в любой момент на кухню мо-

жет явиться дворецкий, и меня увидят!

Думать вредно! Во всяком случае мне! В тишине вечернего дома отчетливо послышались тяжелые мужские шаги – кто-то шел со стороны парадной лестницы. Топ-топ-топ...

– Не буду ей пакостить, на чтоб там хозяйка не намекала, – вдруг как всегда резко объявила «резкая». – Горничная все-таки... своя... хоть и леди...

Спасибо, конечно, это очень мило и приятно... но замершие было шаги, вдруг снова затопали – топ-топ! И направлялись они прямо сюда! Кто б там ни шел, свернет к кухне – а тут я у дверей торчу!

Я бессмысленно засуетилась у прикрывающей меня створки: проскочить полоску света – увидят! Накинуть иллюзию – а если снова артефакт?

Скрааап-скрап... Половицы закрипели совсем-совсем близко!

– Шоколаду, дорогая Тита? – явно одобрительно спросила Фло.

– Не откажусь! – залихватски согласилась «резкая».

– Ой, и мне! – пискнула девчонка, судя по звуку, придвигая чашку. На плите что-то пшикнуло...

«А вот теперь бегом!» – и я тенью мелькнула мимо распахнутой двери.

– И мне... – и тут же густой мужской бас удивленно протянул. – Видели? Кто это там бегаёт?

Да что ж ты глазастый такой!

– Кому тут бегать? – фыркнула Фло.

Бесшумными скачками я неслась по коридору.

– Да уж не знаю кому, а бегают – слышите, как топает? – возмутился мужик.

...Ушастый, вдобавок!

С грохотом отодвинулся табурет и этот самый глазастый-ушастый ринулся к кухонным дверям. В вихре взлетевшей юбки и колотящей по спине мокрой косы я метнулась за поворот. За спиной загрохотало – глазастый-ушастый выскочил в коридор, судя по топоту следом за ним высыпали остальные.

– Слышите, ну? Там он! – азартно заорал мужик и ринулся по коридору.

Уже не пытаясь сохранять тишину, я просто рванула со всех ног. Скачок – острая боль пронзила подвернувшуюся щиколотку. Я зашипела сквозь зубы... Мужик топотал. Мужик приближался. Я снова ринулась вперед по коридору. Еще один прыжок... еще два... Сейчас он добежит до поворота... сейчас повернет и... меня увидит!

Выбросив вперед руки, я с размаху впечаталась в заканчивающуюся тупиком коридорную стену.

Пшикнуло-мигнуло-сверкнуло... И на обклеенной дешевыми обоями стене словно под росчерком невидимого пера возник контур двери. Я распахнула эту будто нарисованную дверь... И в последнее мгновение нырнула в распахнувшуюся за ней жаркую темноту. Дверь за мной захлопнулась и

тут же исчезла, снова растворившись в стене.

– Здесь он! – с победным воплем погоня вырвалась из-за угла.

Грохот, топот... и тишина. Я прижалась лбом к дверному косяку, прислушиваясь к звукам по ту сторону невидимой для слуг двери.

– Нет тут никого! – раздраженно буркнула Фло. – Вечно ты, Фредди...

– Ну, я же слышал! – растерянно пробубнил Фредди.

– Это у тебя в ушах звенит! Пить надо меньше! – фыркнула Тита.

– Я не пил!

– Тогда больше... – покладисто хмыкнула горничная.

Раздалось девчачье «Хи-хи».

– А может он того... в погребе спрятался? – Фредди все не сдавался.

– Что здесь происходит? – раздался возмущенный голос Костаса.

– Нашему Фредди люди в пустых коридорах чудятся! – съехидничала Тита.

– А может, и не чудятся! – вдруг вступилась девчонка. – Леди-то это... которая сестра хозяйина... она маг-иллюзор! Я сама слышала! Может, она прямо тут, перед нами, прячется! Под иллюзией!

– Если уж вы, моя милая, так много слышите, так может, и видите хорошо? – ядом в голосе дворецкого можно было

очистить подвал от крыс на ближайшие сто лет. – Извольте взглянуть во-он туда! Да-да, на вон ту стенку! Что там висит?

Артефакт там висит, анти-иллюзорный, мне даже и смотреть не надо – так все чешется, что сейчас взвою!

– Ни одна иллюзия тут и минуты не продержится! Никого тут нет! А если у вас так много сил, что хватает бегать по коридорам и лезть в дела хозяев, так я вам завтра работу найду! – закончил выволочку дворецкий. – Извольте отправляться спать! Все!

– Да, мастер Костас... – ответили ему в унисон и унылые шаги зашаркали обратно в сторону кухни.

Последними слышались ровные размеренные шаги дворецкого. Замерли на мгновение у поворота коридора... снова затоптали и стихли.

Я почесалась, постанывая, как скребущая когтями за ухом собака.

Костас прав, под артефактом, даже таким плохоньким, мои иллюзии не проживут и минуты. Только дверь в тупичке за кухней скрывает вовсе не иллюзия, а кровь.

Никто, кроме настоящих де Молино не мог ее ни увидеть, ни открыть.

Я медленно повернулась, глядя в настороженно поджидающую меня темноту. Постояла на пороге, глядя как во мраке медленно, по одному начали разгораться слабые голубые и зеленые огоньки. И когда эти огоньки вдруг засверкали, наконец решилась и шагнула навстречу.

– Ну... здравствуй! Вот я и вернулась! – сказала я и голос мой дрогнул.

Глава 15

Возвращение к Алтарю

Шестьсот лет назад мир для людей был огромным и страшным, но были и те, кто отважно отправлялся в неведомое – на поиски лучшей доли: бедняки, которым нечего терять, разбойники и авантюристы всех мастей, младшие сыновья, лишённые наследства... Кто-то нашел верный заработок, кто-то – ничего, многие попросту сгинули. Но некоторые... некоторые исчезали, надолго, так что в родных землях о них и думать забывали, но потом вдруг возвращались, привозя с собой очень странных жен, с не менее странным приданым – искрой! Искрой, которую первые главы родов помещали в алтарь, обязательно сделанный собственными руками. Наш алтарь первый лорд де Молино, похоже, делал под руководством корабельного плотника – больше всего тот напоминал матросский сундук! Светящийся матросский сундук.

Алтарь ошутимо обиделся.

– Ну прости... Красивый ты, красивый... – я медленно двинулась к нему, аккуратно, бережно, плавно протягивая руку. Как к большой собаке. Или только что обретшему силу маленькому магу.

Невозможно объяснить, что такое алтарь тому, у кого его

нет. Невозможно рассказать, невозможно описать то, с чего началась человеческая магия, позволившая людям выжить, встать на равных с другими расами нашего мира, а потом и превзойти их.

Алтари не мыслят, их ни в чем нельзя убедить, как бессмысленно доказывать луже на мостовой, что на траве в парке гораздо веселее будет ей и удобнее окружающим. Сколько ни говори – а лужа как была, так и останется поперек дороги. Но лужу на траву можно перенести силой – любой магводник, одним движением брови сделает это. К алтарю тоже можно применить силу... если ты такой рискованный и слегка сумасшедший. И чем демоны не шутят, пока боги спят, алтарь даже может подчиниться – если сам захочет. Потому что алтари, вне всякого сомнения, умеют хотеть. И хотят они блага рода. А вот как они понимают, что для рода благо, это уже другой вопрос, потому как... смотри выше – думать алтари не умеют!

Обычно благом считаются вещи достаточно простые: чтоб живы, здоровы, народу побольше, и богатств (вот откуда алтарь знает, сколько у рода на счетах в банках? А ведь знает же, при каждом существенном пополнении начинает нежно переливаться и всячески излучать довольство, а при потерях – шелушиться и трескаться!). Странно, но ценится такая нематериальная вещь как слава. Материи еще более тонкие, вроде счастья и уважения, на первый взгляд кажется, нет, что и приводит иногда к фокусам вроде раздачи деву-

шек рода «в хорошие руки». Но потом вдруг – хлоп! Внешне успешный род с несчастными и обиженными родовичами начинает стремительно хиреть, а алтарь тускнеть и покрываться чем-то вроде темной плесени. В одном таком роду, из мелких центральных баронов, единственная уцелевшая женщина взяла сына и уехала в имение – просто жить и радоваться. Алтарь очистился и потихоньку начал светиться снова.

Алтари – самая насущная и потому самая обсуждаемая загадка нашего мира. Распространенная идея, что в алтарях частицы души, или разума, или магии, или вот еще крови основателей рода. Волосы и обрезки ногтей как-то не упоминаются, хотя почистить щетку для волос на алтарь или постричь на него ногти – дело привычное (просто мы это не обсуждаем). Еще на алтарь можно... так, мы это не обсуждаем! Много чего можно на алтарь, и он примет это с радостью и удовольствием если ты – член рода. Гхм... да... Что-то меня на пошлости потянуло... Новых родовичей алтарь тоже принимает, не одних лишь женщин, мужчин тоже, но только через ребенка! Зачать недостаточно, ребенок должен родиться и быть принесенным на алтарь, и только тогда в род может вступить родитель, не раньше. То, что провернули мои родители с Тристаном – совершенно уникальный фокус, возможный лишь при слиянии алтарей. Да и то усыновить его мама смогла (и захотела!) когда родилась я, и мое рождение сплывило наконец зеленъ де Молино с льдистой голубизной Тормундов.

Словно в ответ по тускло светящемуся алтарю пробежали цветные сполохи: сочная зелень виноградных листьев сменилась холодной синевой замерзшего металла и снова утихла.

Я родилась девочкой: как известно, алтари девочек не любят. Потому что мы уходим – в другие роды, рожать детей для других алтарей. Ожидать, что у моего немолодого отца получится еще один ребенок было рискованно, требовать от агукающей в колыбели меня привести мужа, согласного войти в род – долго, поэтому Тристана тоже сделали немножко Тормундом. Явно недостаточно.

Я снова окинула алтарь задумчивым взглядом: зелени много, голубизна едва проблескивает, отчего алтарь выглядит как пес, которому оторвали лапу. Скособочился, бедный...

Алтарь печально нахохлился – свечение почти погасло, мерцая слабенько-слабенько, как прикрученный ночник в детской спальне.

– Несчастный ты мой... – мне стало до слез, до кома в горле его жалко.

Ребенок Мариты так и не пришел сюда – а ведь он так его ждал, так хотел светить, хотел нравиться! Хотел, чтоб зелено-голубое свечение отразилось в маленьких, пока еще почти бессмысленных глазенках, и малыш загукал, жмурясь от яркого света и суча ножками. Алтари маленьким нравятся, а уж как маленькие нравятся алтарям! Марита тоже не при-

шла: он знает, что она есть, ходит совсем рядом, за стеной, но не способна увидеть ведущую к нему дверь, точно также, как слуги. А я... пусть я и осталась его частью, но я так далеко, и ничего, ничего от меня! Только всплески боли и потеря сил, когда он тащит меня обратно к себе, к свету, из постоянно норвящих засосать черных воронок. Он вытаскивал, а я все равно не приходила! Не приходила и не приходила, один только Тристан, с каждым годом все более уставший и недовольный, являлся и... требовал, требовал, требовал! Силы для себя, энергии для шумной и вонючей фабрики, брал, и снова уходил, бросал одного, никому не нужного, никому до него нет дела...

Под невысокими каменными сводами стало невыносимо, жутко, непроницаемо темно, и трудно дышать, и только тоненький, жалобный, горький, как отвар полыни, скулеж несчастного, одинокого, брошенного существа заставлял безнадежно дрожать сгущавшийся воздух. Я слышала его стон не ушами, а током крови в своих жилах. Ему было плохо-плохо-плохо, бросили-бросили-бросили!

И тогда я пошла на свечение – слабенькое, как угли под пеплом погасшего костра, но такое родное! Мое!

Я шла, и шла, и шла, и дорога сквозь темноту в крохотной алтарной комнате все тянулась и тянулась, и мерцание было все дальше и дальше, мелькало обманным огоньком на болоте, ускользало... Угасало.

– Подпусти меня, – прошептала я – слова сорвались с мо-

их губ облачками морозного пара. Влажная коса стала хрусткой от прихватившего ее инея. Я вытянула руки – мои ладони погрузились в сплошной чернильный мрак и пропали, я их не видела, лишь чувствовала. Я сделала шаг – и пошла вперед. Каменный пол обжег босые ступни ледяным холодом. Я тихо вскрикнула – больно! И сделала еще шаг. – Подпусти...

Воздух размашисто ударил меня по лицу. Меня отшвырнуло, приложив спиной об каменную стену, так что с маху вышибло дух, а тьма надо мной вскипела яростью, обидой, болью, почти ненавистью... «Ты не хотела ехать...», «Я тебе не нужен...», «Тебе все равно... Все равно! Все равно! Все равно!» С каждым неслышным беззвучным вскриком тьма лупила меня по лицу точно мокрым холодным полотенцем!

– Не все равно... – прохрипела я, вытирая кровь из разбитой губы. – Я просто не могла! Меня бы не приняли! Ты бы меня не принял – Тристан велел, и ты бы не принял, что, неправда?

Тьма взбесилась. Слабенький зелено-голубой свет полыхнул неистовой вспышкой и погас совсем. Мрак обрушился на меня гранитной плитой, вдавливая в стену, потом отскочил, ударил снова, едва не размазав по камням, и снова...

– Прекрати! – прохрипела я. – Прекрати, или подарок не получишь!

Меня еще раз вдавили в каменную кладку так, что ребра заскрипели по камням... и зелено-голубой свет замерцал

снова. Потянулся, точно приплюсываясь к моей протянутой руке и... невидимый язык попытался слизнуть кровь с ладони...

Я быстро отдернула руку.

Свет полыхнул снова. Свет орал – без слов, какие слова, но и так все было понятно... «Дай!» «Дай-дай-дай-дай!»

– Подпусти! – упрямо набычившись, крикнула я. – Подпусти и получишь! Подарок! Тебе! Подпусти!

От беззвучно визга заложило уши, кровь в моих жилах вскипела, кажется, норовя сварить меня изнутри... и давление исчезло. Я хлюпнула носом и шагнула вперед, потом еще и еще. Свечение усиливалось и на подгибающихся ногах я, наконец, доковыляла до настороженно поджидающего меня алтаря. Сунула руку в кармашек под юбкой... и принялась вытирать с алтаря прячущуюся под свечением пыль тоже не особо чистым платком. То и дело поглаживая его окровавленной ладонью... как гладила бы озлобившегося, голодного, нечесаного, но отчаянно тянущегося к людям пса.

Всё замерло. Застыл свет, точно замороженный, замер воздух, неподвижный настолько, что не вдохнуть, исчезли звуки, запахи, чувства. Единственное, что я ощущала – камень под ладонями. Теплый, как лучи солнца поутру. И прохладный, как вечерний ветер с моря. Сухой. Влажный. Гладкий. Колючий. И даже немножко пушистый! Живой.

Словно жесткий, как терка, язык прошелся по моим ладоням, слизывая кровь и... я ощутила безграничное, почти

человеческое изумление и разгорающееся под ним робкое счастье.

Да что там разгорающееся – как полыхнуло! Зелено-голубое пламя взвилось костром, ударило в сводчатый потолок, заметалось, облизывая стены. Воздух над алтарем задрожал от напряжения, предвкушения, надежды...

«Это что, мне?» – звука не было, связных слов не было, но звучало... чувствовалось именно так.

– Тебе, тебе... – проворчала в ответ я.

А кто-то меня, между прочим, даже подпускать не хотел!

Это самый «кто-то», кажется, даже хотел извиниться – ну, насколько это вообще возможно для алтаря. Но не смог – от жадности. Скорее, как можно скорее, схватить, завладеть, присвоить, удержать...

Двухцветное пламя налетело на меня горячим вихрем, обернулось тугим коконом, и я вспыхнула вся, от кончиков босых ног до влажных волос. Меня обжигали, холодили, передо мной танцевали – внутри и снаружи – кажется, меня кусали и облизывали, прыгая и скуля от счастья. И я сама уже шагнула навстречу и обняла алтарь обеими руками, прижимаясь к нему всем телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.